

H. lit. P.

612

v (12)

56
p
A 562

H. lit. P. 612^v(12)

4505

~~288~~
~~798~~

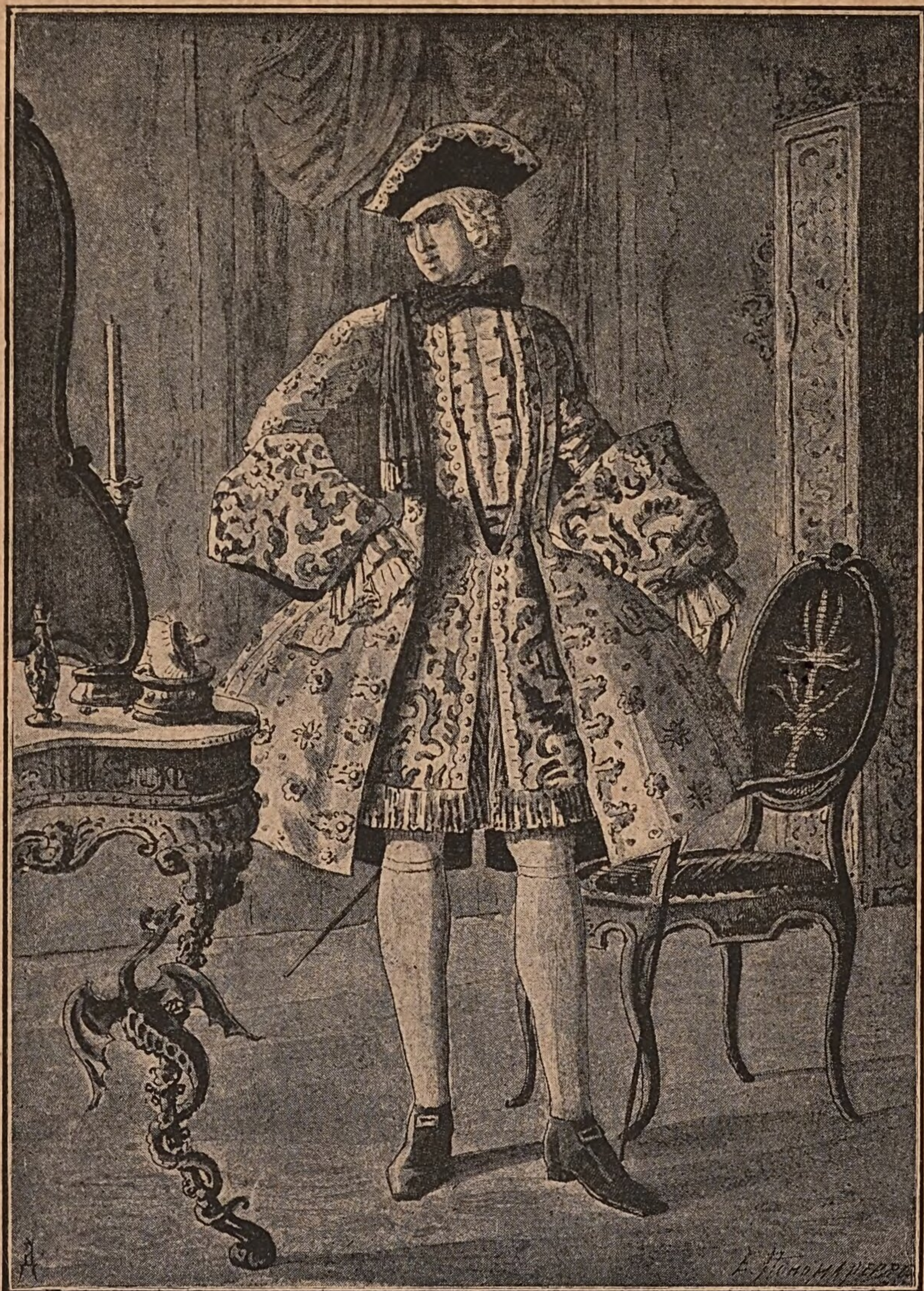
135
562

12

728

A 562

215

Медоръ тужить, что чрезчуръ бумаги исходитъ
На письмо, на печать книгъ, а ему приходитъ,
Что не во что завертѣть завитыя кудри;
Не смѣнить на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры.

Сатир. I, ст. 107—110.

Проверено 19 42

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛИОТЕКА,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Н. ЧУДИНОВА.

ПОСОВІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВЫПУСКЪ XII-й.

Кн. А. Д. КАНТЕМИРЪ.

ИЗБРАННЫЯ САТИРЫ.

Сатиры I, II и IX, съ примѣчаніями.—Объяснительныя статьи.

Изданіе И. Глазунова.

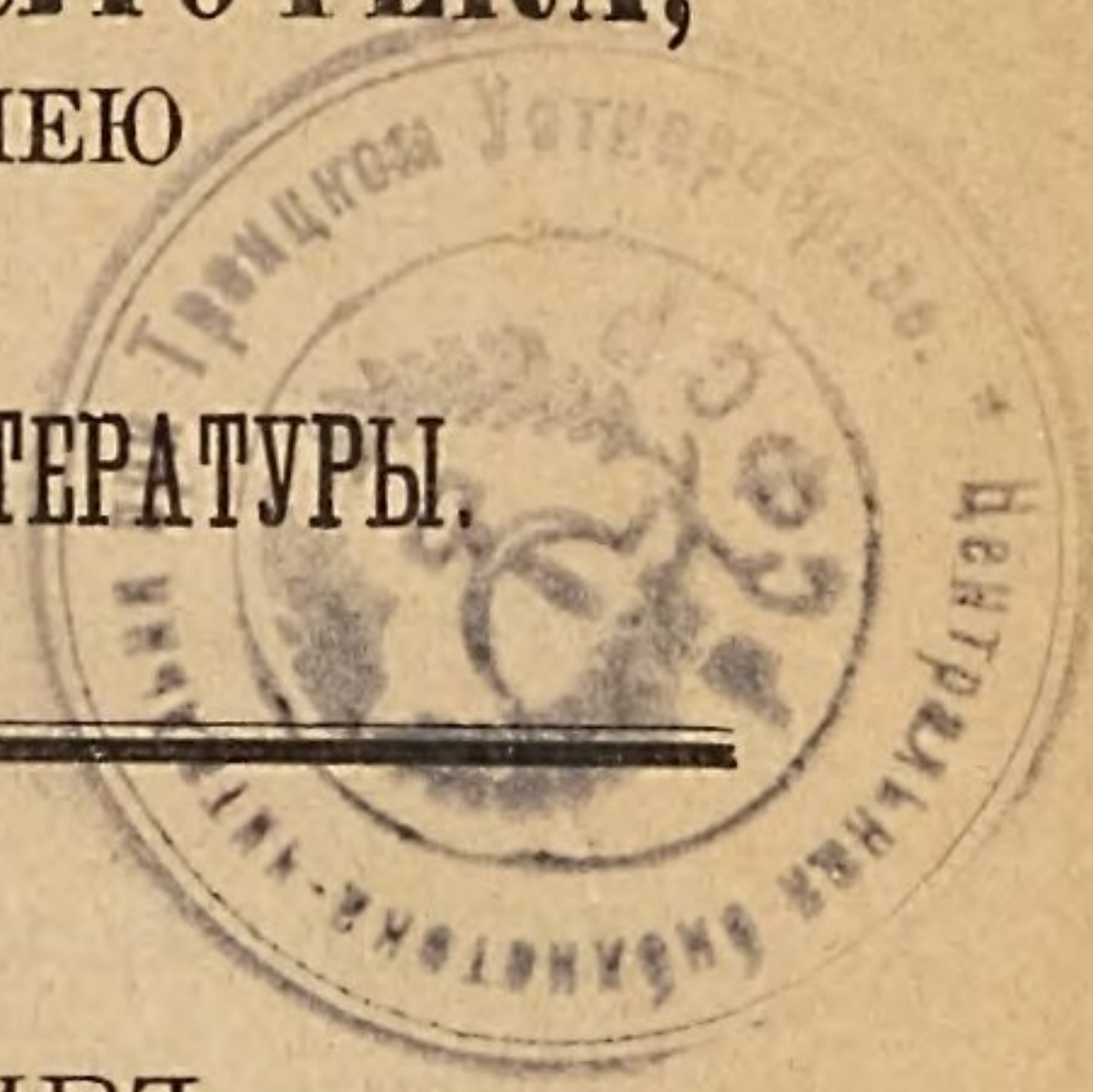

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.

1892.

Проверено 19 5

Вн. № 485-10/11505

3323

119

8
2-19

Для указанія, какъ надобно читать стихи кн. Кантемира, приводимъ выписку:

ИЗЪ ПИСЬМА КАНТЕМИРА О СЛОЖЕНІИ СТИХОВЪ РУССКИХЪ.

„Тринадцатисложный стихъ долженъ состоять изъ *двухъ* полустихій. Первое полустихіе имѣетъ *семь* слоговъ, второе *шесть*. Слоги перваго полустихія по четвертый могутъ быть долгіе и короткіе, какъ ни случатся; но неотмѣнно нужно, чтобъ или *седьмой* былъ долгій или *пятый*. И въ семъ послѣднемъ случаѣ, чтобъ *шестой* и *седьмой* были короткіе. Второго полустихія *предпослѣдній* слогъ всегда долженъ быть долгій, такъ что ежели римами пишется, то была бы она неотмѣнно двусложная...“ (§§ 25, 27, 28, 29).

Въ нашемъ изданіи *долгий* слогъ перваго полустихія означенъ въ каждомъ стихѣ удареніемъ; если оно стоитъ на пятомъ слогѣ, то *сѣченіе* стиха слѣдуетъ черезъ два слога послѣ него. Во второмъ полустихіи мы не ставили ударенія, такъ какъ оно *всегда* падаетъ на предпослѣдній слогъ. Вотъ какъ читается стихъ Кантемира:

Уме недозрѣлый плодъ—недолгой науки!
Покойся, не понуждай—къ перу мои руки.

(Соч. Кантемира, ред. Ефремова).

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 Ноября 1892 г.

ФТ/86/2746

Предисловіе.

Кн. А. Кантемиръ является, по преимуществу, представителемъ русской сатиры XVIII-го столѣтія; съ этой стороны онъ служитъ предметомъ изученія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, и настоящій выпускъ „Русской Классной Библіотеки“ представляетъ достаточный матеріаль для изученія этой именно стороны его литературной дѣятельности. Изъ девяти извѣстныхъ сатиръ Кантемира мы избрали три: 1-ю и 2-ю, печатающіяся по извѣстному изданію П. А. Ефремова, сдѣланному на основаніи рукописи, недавно открытой академикомъ А. А. Куникомъ, и 9-ю сатиру: „На состояніе всего свѣта, къ солнцу“, которая воспроизводится по только что открытому списку ея, принадлежащему Ѳ. К. Пономаренку и впервые обнародованному С. П. Брайловскимъ въ іюльской книжкѣ Жур. Мин. Нар. Просв. за текущій годъ. Особенность этого списка заключается въ возстановленіи и исправленіи многихъ строфъ, которыя или совсѣмъ были пропущены, или искажены въ единственномъ до того списокѣ этой сатиры, напечатанномъ г. Тихонравовымъ въ 1858 г.; болѣе-же всего заслуживаютъ вниманія въ этомъ списокѣ примѣчанія къ 9-й сатирѣ, писанныя самимъ авторомъ и доселѣ бывшія неизвѣстными. Съ присоединеніемъ этихъ примѣчаній, 9-я сатира оказывается теперь въ столь-же

полномъ видѣ, какъ и предъидущія восемь, въ изданіи г. Ефремова. Орѳографію послѣдней сатиры мы исправили, сообразуясь съ правописаніемъ первоначальной редакціи всѣхъ другихъ сатиръ, сохраненной въ изданіи г. Ефремова. Кромѣ примѣчаній самого автора, нами приводятся, по мѣстамъ, и подстрочные комментаріи.

Въ качествѣ статьи, облегчающей изученіе сатиръ Кантемира, приводимъ, въ извлеченіи, два отрывка изъ соч. А. Д. Галахова.

Къ выпуску приложены, по обыкновенію, портретъ сатирика и рисунокъ.

ИЗБРАННЫЯ САТИРЫ.

ПИСЬМО СТИХОТВОРЦА КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

Государь мой!

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ вы требовали отъ меня вѣдать, упражняюсь ли я еще въ сочиненіи стиховъ? и буде какіе вновь сочинилъ, желали, чтобъ я оныя къ вамъ переслалъ. Истинно въ то время я вамъ отвѣтствовалъ, что, вступая въ новую должность, времени не имѣлъ къ такому дѣлу, къ которому только въ лишніе часы прилежать позволено. Потомъ удалось мнѣ три новыя сатиры, нѣсколько пѣсней, басней и другихъ малыхъ твореній составить; но усматривая слогъ ихъ весьма различный отъ прежнихъ моихъ сочиненій, которыя до отъѣзда моего изъ отечества и безъ моей воли въ люди вышли, принялся сіи исправить. Не мало въ томъ труда я положилъ, находя въ нихъ многія несовершенства и недостатки, много въ нихъ отмѣнилъ, много прибавилъ, больше же убавилъ; и могу сказать, что почти всѣ снова передѣлалъ. Понеже вамъ, государю моему, прежде сего мои сочиненійцы явились отчасти угодны, отваживаюся исправленныя и новыя, всѣ въ одну книжку собранныя, при семъ къ вамъ отправить, больше для исправленія нежели для прочтанія, и чтобъ лишнихъ моихъ часовъ употребленіе вамъ было извѣстно. Впрочемъ, неотмѣнно пребываю

Вашъ, государя моего,
покорный слуга

Изъ Парижа 1743.

Марта дня

* * *

ЕЛИСАВЕТЪ ПЕРВОЙ

АВГУСТѢЙШЕЙ ИМПЕРАТРИЦѢ

И САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ,

ГОСУДАРЫНѢ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ.

- ¹ Отрасль Петра Пѣрваго, его же сердцами
Великимъ и Отцемъ зваль больше, чѣмъ устами
Народъ твой! Отрасль рукою возвращенна самаго
Всевышшаго, полкруга въ надежду земнаго!
- ⁵ Если видя общу я, при твоёмъ восходѣ
На престолъ родителевъ, не только въ народѣ
Твоёмъ радость, но почти во всѣхъ краяхъ міра,
Въ пѣсняхъ твоихъ не брячѣтъ одна моя лира;
Не возмни, что съ лѣности мысль моя несклонна
- ¹⁰ Тебѣ пѣть: была бы та лѣность беззаконна.
Трижды я лиру снастилъ и дрожащи персты
Трижды на струны навѣлъ, и уста отверзты
Готовили Тебѣ пѣснь; трижды раздѣляя
Быстро воздухъ, прилетѣлъ изъ вышняго края
- ¹⁵ Небесъ бѣлокурый богъ, обличилъ отвагу
Мою съ гнѣвомъ: изодравъ струны, лиру нагу
Вырвалъ изъ рукъ, изломалъ, и стиснулъ мнѣ губы
Видѣлъ я въ свѣтломъ его лбу морщины грубы,
Молній ярость въ очахъ, и на лицѣ пламень;
- ²⁰ Безгласенъ, недвижимъ я сталъ съ страху, какъ камень.
Грознымъ тогда голосомъ „Кое тя обняло
„Безуміе“, сказалъ мнѣ: „тебѣ ли пристало
„Боговъ вышнихъ прославлять въ смертномъ тѣлѣ племя?
„Не твоихъ силъ на плечá кладешь себѣ бремя,
- ²⁵ „Ты поскользнешься подъ нимъ, причину дашь смѣху
„Кои съ чужаго стыда чувствуютъ утѣху.
„Елисавету сердца на престолъ возводятъ,
„И пусть оставя Олимпъ, Ей ужъ служить сходятъ
„Веселіе, и Любѣвь, и три Благодати.

- 30 „Видя Ее съ зѣвисти плачетъ любви матери;
„Бѣжатъ неправость Ея, и злыя обиды,
„И гордость, и лѣкомство, и всѣ злочинства виды.
„Добродѣтели дѣлятъ съ Нею царства бремя,
„Возвращая сладкое вамъ Петрово время;
35 „И какъ Перунъ имя той съ Сѣверъ исхождая
„Свѣтло и страшно земли до другаго края:
„Столь славну пѣснямъ своимъ имѣяй причину
„Не подлаго долженъ быть въ Геликонѣ чину;
„Тебѣ въ низу той горы еще ползати кстати.
40 „Если же знакъ хвѣльнаго благодарства дати
„Твоего какой либо Августъ желаешь,
„Поднеси Ей книжицу, въ которой пятнаешь
„Злые веселымъ лицомъ обычи и нравы.
„Августъ смѣлость твою придастъ много славы:
45 „Явно бо, что книжку рабъ дая ей такую,
„Другомъ добродѣтели весь свѣтъ призналъ тую“.
Сказавъ то, поднялся онъ въ Парнаски палаты;
Быстра воза колесѣ возшумѣли златы.

Тяжекъ мнѣ былъ тотъ заказъ изъ устъ властелина
50 Девяти сестръ, и тяжка закону причина,
Котора невѣжество мое обличала;
Да покорность мнѣ всего болѣе пристала.

Убо, Самодержица, прими, что дать знаю;
Вотъ книжка, обычай чѣмъ и злой нравъ пятнаю.
55 Многихъ лѣтъ въ ней приношѣ бдѣнія и поты;
Не пощадилъ боязливъ я своей работы;
Листъ написавъ, два иль три изодралъ, изхѣрилъ,
Да и такъ достойну глазъ твоихъ быть не вѣрилъ.
Аполлу послушенья я, ты изъ край до края
60 Тихимъ сердцемъ ту прочтешь, зракъ не премѣняя.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стихотворецъ, вознамѣрившись сатиры свои посвятить Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, сочинилъ сіи стихи вскорѣ по вступленіи

Ея Величества на престолъ, и въ началѣ 1742 года переслалъ ихъ къ своему пріятелю.

Ст. 1 и 2. *Его же сердцами звалъ больше, чѣмъ устами.* То есть, котораго добровольно отцемъ и Великимъ называлъ. Устами хвалить можно или для страху, или въ какой надеждѣ; а внутреннее почтеніе основано на чистосердечной любви и добродѣтеляхъ хвалимаго лица.

Ст. 4. *Полкруга въ надежду земнаго.* Разумѣется та надежда, которую въ ней Россія полагала, объемлющая пространствомъ своимъ почти половину земнаго круга, потому что отъ Риги до послѣдняго Камчатскаго мыса считается не меньше ста семидесяти пяти градусовъ.

Ст. 8. *Въ пѣсняхъ твоихъ не бряцить одна моя лира.* То есть, если я не сочинялъ въ похвалу твою пѣсни. Древніе стихотворцы имѣли обыкновеніе пѣть стихи свои предъ народомъ, соглашая свой голосъ съ лирою, которая была отчасти лютаѣ подобна; почему похвальные стихи и пѣсни, въ коихъ высокій слогъ требуется, названы *лирическимъ стихотворствомъ*.

Ст. 15. *Бѣлокурый богъ.* Такъ названъ Аполлонъ съ италіанскаго *il biondo Nume*.

Ст. 16. *Лиру нагу.* То есть, безъ струнъ.

Ст. 23. *Боговъ вышнихъ прославлять въ смертномъ тѣлѣ племя.* Стихотворецъ, говоря устами Аполлона, вводитъ множество боговъ. Древніе славнымъ государямъ и героямъ, за великія ихъ добродѣтели, божескую честь приписывали.

Ст. 27. *Сердца на престолъ возводятъ.* То есть, общее желаніе и любовь всего народа.

Ст. 28. *Пусть оставя Олимпъ.* Олимпъ есть высокая гора на островѣ Кипрѣ; у стихотворцевъ она значить небо.

Ст. 29. *Три Благодати.* Можно разумѣть двояко: иль богинь свиты Венериной, или душевныя дарованія.

Ст. 30. *Видя ее, плачетъ любви матери.* То есть, Венера, богиня красоты, плачетъ, завидуя красотѣ лица Императрицы.

Ст. 33. *Добродѣтели дѣлятъ съ нею царства бремя.* Добродѣтели съ нею царство управляютъ. Здѣсь оныя въ лицахъ богинь представляются.

Ст. 38. *Въ Еликонъ чину.*—*Еликонъ*, гора въ Беоціи, Музамъ посвященная.

Ст. 41. *Августъ.* Такъ въ древнія времена назывались греческіе монархи, то есть *распространителями*.

Ст. 45 и 46. *Явно бо, что книжку рабъ---- призналъ тую.* То есть, когда рабъ смѣетъ подносить своей государынѣ такую книгу,

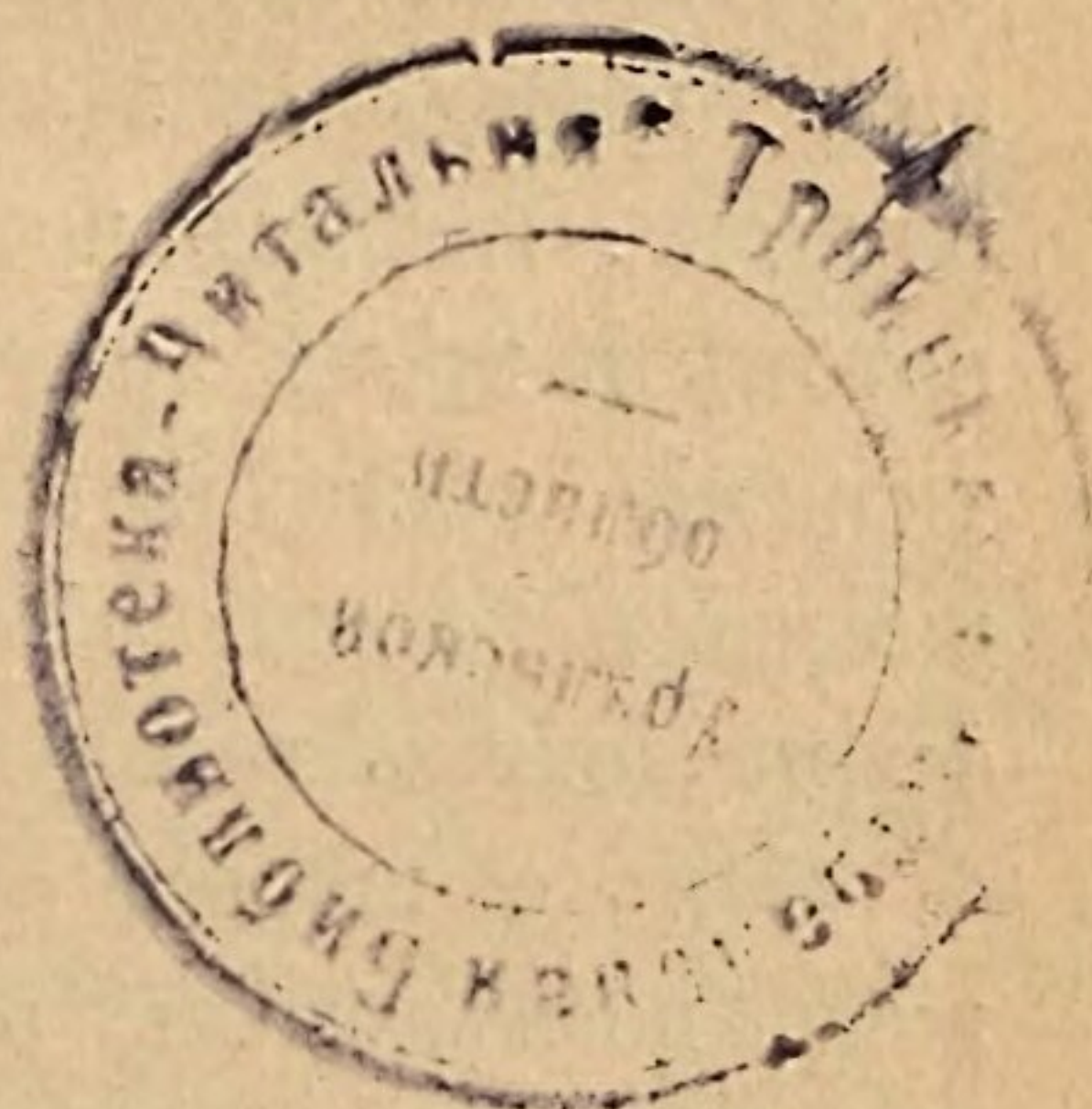
въ которой злонравіа обличаетъ, то посему явно, что въ оной ничего ей досаднаго не содержится, и слѣдовательно сама государыня добродѣтелями совершенно украшена.

Ст. 47. *Парнасски палаты. Парнасъ*, гора въ Фоцидѣ, провинціи греческой.

Ст. 48. *Быстра воза колеса*. Аполлонъ обыкновенно изображается сидящій на золотой колесницѣ, заложеной четырьмя коньми.

Ст. 49 и 50. *Изъ устъ властелина девяти сестръ*. То есть, изъ устъ Аполлона, яко начальника Музъ.

Ст. 60. *Тихимъ сердцемъ ту прочтешь, зракъ не премъная*. То есть, всю книгу прочтешь безъ гнѣва; ибо тихое сердце есть знакъ кротости, какъ внезапная перемѣна лица есть знакъ сильной страсти.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сатиру назвать можно такимъ сочиненіемъ, которое, забавнымъ слогомъ осмѣвая злонравіе, старается исправлять нравы человѣческіе. Потому она въ намѣреніи своемъ со всякимъ другимъ нравоучительнымъ сочиненіемъ сходна; но слогъ ея, будучи простъ и веселый, читается охотнѣе, а обличенія ея тѣмъ удачливѣе, что мы посмѣянія больше всякаго другаго наказанія боимся.

Сатира начало свое приняла на позорищахъ, гдѣ между дѣйствами трагедіи вводились для увеселенія зрителей смѣшныя явленія, въ которыхъ дѣйствующія лица, въ образѣ сатировъ, грубыми и почти деревенскими шутками пятнали гражданъ злые нравы и обычаи. Такое изображеніе римляне, грекамъ послѣдуя, на своихъ позорищахъ завели; а потомъ и кромѣ зрѣлища порядочными стихами сатирическія творенія составлять стали. Луцилій нѣкто въ томъ дорожку показалъ Горацію, Персію и Ювеналу, а сіи италіанскимъ, французскимъ и прочихъ народовъ сатирикамъ.

Я въ сочиненіи своихъ наипаче Горацію и Боалу, французу, послѣдовалъ, отъ которыхъ много занялъ, къ нашимъ обычаямъ присвоивъ. Читателямъ моимъ оставляю судить, сколько я въ семъ опытѣ новаго на нашемъ языкѣ сочиненія преуспѣлъ. Новость предпріятія, можетъ быть, извинитъ погрѣшенія слога; а осторожное обличеніе злонравія подлинно не осудятъ любители добродѣтели. Отъ злонравныхъ ничего не ожидаю, хуленіе и хвалу, гнѣвъ и любовь ихъ равно презирая.

L'ardeur de se montrer, et non pas de medire
Arma la verité du vers de la Satire.

Boileau Art. Poët. Chant. II, p. 145.

То есть:

Не злословить, но себя оказать межъ нами
Жадность правду вооружи сатиры стихами.

Боало „Искусство стихотв.“ Пѣснь II. стр. 145.

САТИРА I.

КЪ УМУ СВОЕМУ.

- ¹ Уме недозрѣлый плóдъ недолгой науки!
Покойся, не понужда́й къ перу мои руки:
Не писавъ, летящи дни вѣка проводить
Можно, и славу достáть, хоть творцемъ не слыти.
- ⁵ Ведутъ къ ней не трудные въ нашъ вѣкъ пути многи,
На которыхъ смѣлыя не запнутся ноги:
Всѣхъ непріятнѣе тóтъ, что босы проклали
Девять сестръ ¹⁾. Многи на нѣмъ силу потеряли
Не дошедъ; нужно на нѣмъ потѣть и томиться,
- ¹⁰ И въ тѣхъ трудахъ всякъ тебѣ, какъ мору, чужится²⁾,
Смѣется, гнуша́ется. Кто надъ столомъ гнется
Пяля на книгу глаза́, большихъ не добьется
Палатъ, ни разцвѣченна мраморами саду;
Овцы не прибáвить онъ къ отцовскому стаду.
- ¹⁵ Правда въ нашемъ молóдомъ Монархѣ надежда
Всходитъ Музамъ немалá; со стыдомъ невѣжда
Бѣжитъ его. Аполлѣнъ славы въ немъ защиту
Своей неслабу почу́лъ чтяща свою свиту
Видѣлъ его самогó, ³⁾ и во всемъ обильно
- ²⁰ Тщится множить жите́лей парнаскихъ онъ сильно:
Но та бѣда, мно́гіе въ царѣ похваляютъ
За страхъ ⁴⁾ то, что въ по́дданномъ дерзко осуждаютъ.
Расколы и е́реси науки суть дѣти,
Больше вретъ, кому далòсь больше разумѣти,

¹⁾ Путь поэтического творчества, проложенный музами.

²⁾ Чуждается. — Въ этихъ стихахъ живо изображается тогдашнее русское общество, гдѣ писатель еще не пріобрѣлъ себѣ права гражданства.

³⁾ Т. е. монарха, почитающаго свиту Аполлона (Музъ). Рѣчь идетъ о Петрѣ II, въ то время пятнадцатилѣтнемъ отрокѣ.

⁴⁾ За страхъ, т. е. страха ради.

- 25 Приходить въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ,
Критонъ съ чотками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ,
И просить свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами: ¹⁾
Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
30 Праотческимъ шли слѣдомъ, къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слѣшая, что сами не знали,
Теперь къ церкви соблазну Библию честь стали,
Толкуютъ, всему хотѣть знать поводъ, причину,
Мало вѣры подаѣ священному чину;
35 Потеряли добрый нравъ, забыли пить квасу,
Не прибѣшь ихъ палкою къ соленому мясу;
Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ,
Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишну чаютъ,
Шепча, что тѣмъ, что мірской жизни ужъ отстали,
40 Помѣстья и вѣтчины весьма не пристали ²⁾.

Силванъ другую вину наукамъ находить:
Ученіе, говорятъ, намъ голодъ наводитъ;

¹⁾ Въ интерлюдіи, напечатанной въ 3-ей книжкѣ „Лѣтописей рус. литературы“, выведенный на сцену раскольникъ такимъ образомъ сѣтуетъ на новое время:

И не токмо вѣру нашу стару, святу и Богомъ устроенну,
Стоглавьемъ Макарьевскимъ крѣпко утвержденну,
Попрали, но и платье долгое ужъ премѣнили,
Еже апостоли святые и пророки носили:
Русскіе нынѣ ходять въ короткомъ платьѣ, якъ кургузы,
На главахъ же своихъ носятъ круглые картузы.

И тое они откуда взяли, ей недоумѣваемъ,
И сказать о томъ истинно не знаемъ,
Что законъ и правила святыхъ возбраняють:
Свои брады на голо желѣзомъ обривають.

Человѣцы ходять якъ облезяны:

Вмѣсто главныхъ волосовъ носятъ парuki, будто нѣмцы поганы.

²⁾ Здѣсь намекается на важный въ то время вопросъ, затронутый еще до Петра I и разрѣшенный только Екатериною II: объ отобраніи помѣстій у духовенства, которое сильно ихъ отстаивало въ свою пользу.

- Живали мы прежь сего, не зная латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ,
45 Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
Буде рѣчь моя слабá, буде нѣтъ въ ней чину, ¹⁾
Ни связи, должность ²⁾ о томъ тужить дворянину:
Доводъ, порядокъ въ словахъ, подлыхъ ³⁾ то есть дѣло,
50 Знатнымъ полно ⁴⁾ подтверждать, иль отрицать смѣло.
Съ ума сошолъ, кто души силу и предѣлы
Испытаетъ, кто въ поту томится дни цѣлы,
Чтобъ строй міра и вещей вывѣдать премѣну
Иль причину; глупо онъ лѣпитъ горохъ въ стѣну.
55 Приростетъ ли мнѣ съ того день къ жизни иль въ ящикъ
Хотя грошъ? могу ль чрезъ то узнать, что прикащикъ,
Что дворецкій крадетъ въ годъ? какъ прибавить воду
Въ мой прудъ? какъ бочекъ число съ виннаго заводу?
Не умнѣе, кто глаза, полонъ безпокойства,
60 Коптитъ, печась при огнѣ, чтобъ вызнать рудъ свойства;
Вѣдь не теперь мы твердимъ, что буки, что вѣди;
Можно знать различіе злата, серебра, мѣди.
Травъ, болѣзней знаніе, все то голы враки;
Глава ль болитъ? тому врачъ ищетъ въ рукѣ знаки;
65 Всему въ насъ виновна крѣвь: буде ему вѣру
Нять ⁵⁾ хочешь. Слабѣемъ ли, кровь тихо чрезмѣру
Течетъ; если спѣшно ⁶⁾—жаръ въ тѣлѣ, отвѣтъ смѣло
Даетъ, хотя внутри никто видѣлъ живо тѣло ⁷⁾.

¹⁾ Здѣсь слово *чинъ* употреблено въ его первоначальномъ значеніи: *порядокъ*.

²⁾ Вѣроятно, нужно: *должно ль о томъ* и пр.

³⁾ Первоначальное значеніе слова *подлый* было противоположно слову *благородный (дворянинъ)*, слѣд. относилось ко всѣмъ не-дворянамъ.

⁴⁾ *Полно* — довольно.

⁵⁾ Яти — взять. Если будешь ему вѣрить.

⁶⁾ Т. е. если быстрое кровообращеніе.

⁷⁾ Т. е. хотя никто не видѣлъ внутренности живого тѣла.

- А пока въ басняхъ такихъ время онъ проводитъ,
70 Лучшій сокъ изъ нашего мѣшка въ его входитъ.
Къ чему звѣздъ теченіе числить, и ни къ дѣлу
Ни къ стати за однимъ нѣчь пятномъ не спать цѣлу? ¹⁾
За любопытствомъ ²⁾ однимъ лишиться покою,
Ища, солнце ль двѣжется, или мы съ землею.
75 Въ часовникѣ можно чѣсть на всякій день года
Число мѣсяца, и часъ солнечнаго восхода.
Землю въ четверти дѣлить безъ Евклида смыслимъ;
Сколько копѣекъ въ рублѣ безъ алгебры счислимъ.
Силванъ одно знаніе слично ³⁾ людямъ хвалить,
80 Что учить множить дохѣдъ, и расходы малить;
Трудиться въ томъ, съ чего вдрѣгъ карманъ не толстѣетъ,
Гражданству вреднымъ весьма безумствомъ звать смѣетъ ⁴⁾.
Румяный, трожды ⁵⁾ рыгнувъ, Лука подпѣваетъ:
Наука содружество людей разрушаетъ;
85 Люди мы къ сообществу Божія тварь стали,
Не въ нашу пользу одну смысла даръ пріали.
Что же пользы иному, когда я заприся
Въ чуланъ, для мертвыхъ друзей живущихъ лишуся? ⁶⁾

¹⁾ Т. е. не спать цѣлую ночь за пятномъ (на солнцѣ).

²⁾ Изъ любопытства.

³⁾ Вкралось польское слово *слично* вмѣсто *отлично*, *весьма*.

⁴⁾ Г. Галаховъ на все это замѣчаетъ: „Мнѣніе Сильвана, который вооружается противъ науки, какъ предмета, не дающаго денегъ, имѣло, между разными невѣжественными доводами, одно достаточное основаніе: въ его время науками занимались отвлеченно, въ тиши кабинета, *прилежа къ нимъ*, какъ самъ Кантемиръ прилежалъ къ стихотворству, въ *лишніе часы*. Теперь науки приносятъ не одно удовольствіе, нужное себелюбивымъ диллетантамъ, но и деньги, необходимыя всѣмъ, и потому современный Сильванъ пошелъ бы на нихъ не съ аргументомъ безденежья, а съ новымъ упрекомъ. („Отечеств. Записки“ 1848. XI. Сочин. Кант.).

⁵⁾ *Трожды*—трижды.

⁶⁾ Замѣчаніе г. Галахова: „Во времена Кантемира, ученые удалялись въ кабинетъ: онъ самъ любилъ уединеніе для наукъ. Ложное понятіе объ

- Когда все содружество, вся моя ватага
 90 Будетъ чернило, перо, песокъ, да бумага?
 Въ весельи, въ пирахъ мы жизнь должны провождати;
 И такъ она недолга, на что коротати,
 Крушиться надъ книгою, и повреждать очи?
 Не лучше ли съ кубкомъ дни прогулять и ночи?
 95 Вино даръ божественный, много въ немъ провору;
 Дружить людей, подаётъ поводъ къ разговору,
 Веселить, всѣ тяжкія мысли отымаешь,
 Скучость знаетъ облегчать, слабыхъ ободряетъ,
 Жестокихъ смягчить сердца, угрюмость отводитъ,
 100 Любовникъ легче виномъ въ цѣль свою доходитъ.
 Когда по небу сохой броды водить станутъ,
 А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ,

учености, которая будто бы не должна знать общества, было тогда въ большомъ обращеніи. Сатира вооружается противъ мнѣнія Луки потому, что онъ подъ сообществомъ разумѣетъ веселье и пиры, провозженіе времени съ кубкомъ въ рукахъ. Похвала пьянству, воспѣваемая Лукою, есть подражаніе Горацію, который въ пятомъ посланіи славить вино. Вотъ гимнъ латинскаго поэта дарамъ Бахуса: „Чего не производитъ вино? Оно разоблачаетъ тайны, осуществляетъ надежды, устремляетъ въ бой труса, снимаетъ съ души бремя безпокойствъ, учитъ всѣмъ искусствамъ. Кого полная чаша не дѣлала краснорѣчивымъ? Есть ли хоть одно сердце, стѣсненное бѣдностью, которое оно не растворило бы радостью?“ Горацій, поклонникъ изящнаго эпикуреизма, смотритъ на вино глазами поэта и видитъ эстетическую его сторону; его похвалы упоенію искренни, и эта искренность, выраженная поэтически, миритъ читателя съ тѣмъ мнѣніемъ, которое онъ, быть можетъ, осуждаетъ, какъ противное добропорядочному поведенію. Лука также искренно хвалитъ вино, исчисляя добрыя его качества, тогда какъ цѣль автора была возвысить книги надъ чашей. Такая несоотвѣтственность между намѣреніемъ сатирика и его словами не объясняется даже ироніей, потому что Лука говоритъ вовсе не иронически: она объясняется только чистымъ подражаніемъ Горацію. Напротивъ, въ послѣднихъ шести стихахъ (100—106), видимъ черту русской жизни, современной Кантемиру: въ седьмой элегіи Овидія, изъ которой они взяты, нѣтъ и, разумѣется, не могло быть и помина о чернецѣ. („Отеч. Записки“ 1848 г. XI. Сочин. Кантемира).

Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ быстры рѣки,
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки:

105 Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ вязигу,
Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу ¹⁾.

Медоръ тужить, что чрезчуръ бумаги исходитъ
На письмо, на печать книгъ, а ему приходится,
Что не во что завертѣть завитыя кудри; ²⁾

110 Не смѣнить на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры.
Предъ Егоромъ двухъ денегъ Виргилій не стоить,
Рексу, не Цицерону, похвала достойтъ. ³⁾
Вотъ часть рѣчей, что на всякъ день звѣнять мнѣ въ уши;
Вотъ для чего я, умѣ, нѣмѣе быть клуши ⁴⁾

115 Совѣтую. Когда нѣтъ пользы, ободряетъ
Къ трудамъ хвала; безъ того сердце унываетъ.
Сколько жъ больше вмѣсто хвалъ да хулы терпѣти!
Труднѣй то, нежъ пѣяницѣ вина не имѣти,
Нежели не славить попу святую недѣлю,

120 Нежели купцу пиво пѣть не въ три пуда хмѣлю.

Знаю, что можешь, умѣ, смѣло мнѣ представить,
Что трудно злонравному добродѣтель славить,
Что щоголь, скупецъ, ханжа, и такимъ подобны
Науку должны хулить,—да рѣчи ихъ злобны

125 Умнымъ людямъ не устѣвъ ⁵⁾, плюнуть на нихъ можно.
Изряденъ, хваленъ твой сѣдъ; такъ бы то быть должно,
Да въ нашъ вѣкъ злобныхъ словъ умными владѣютъ,
А къ тому жъ не только тѣхъ науки имѣютъ

¹⁾ Вотъ что говоритъ Овидій:

„Глубокія рѣки потекутъ назадъ отъ моря къ своему источнику, солнце побѣжитъ назадъ, поворотивъ своихъ коней, земля понесетъ звѣзды, небо будетъ разрѣзано плугомъ, волна загорится, а огонь дастъ воду“.

²⁾ Во время Кантемира была мода пудрить себѣ волосы.

³⁾ Достойна.—Егоръ извѣстный сапожникъ въ Москвѣ. Рексъ модный въ то время портной.

⁴⁾ Клуша (польск.) галка.

⁵⁾ Не законъ.

- Недрузей, которыхъ я, краткости радѣя, ¹⁾
130 Исчелъ, иль, правду сказать, могъ исчестъ смѣлѣя.
Полно ль того? ²⁾ Райскихъ вратъ ключари святыя,
И имъ же Θемись вѣскі ввѣрила златыя ³⁾,
Мало любятъ, чуть не всѣ, истинну прикрасу.
Епископомъ хочешь бѣть? уберися въ рясу,
135 Сверхъ той тѣло съ гóрдостью риза полосата
Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата,
Клобукомъ покрой главѹ, брюхо бороною,
Клюку пышно повелѣи везти предъ тобою,
Въ каретѣ раздѹвшись, когда сердце съ гнѣву
140 Трещитъ, всѣхъ благослòвлять нудъ праву и лѣву;
Долженъ архипáстыремъ всякъ тя въ сихъ познати
Знакахъ, благогóвѣйно отцемъ называти.
Что въ наукѣ? что съ неѣ пользы церкви будетъ?
Иной, пиша прóповѣдь, выпишь позабудетъ,
145 Отъ чего доходамъ врѣдъ; а въ нихъ церкви права ⁴⁾
Лучшія оснòваны, и вся ея слава.
Хочешь ли судьей стáть? вздѣнь парикъ съ узлами, ⁵⁾
Брани того, кто проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пѹсть слезы презираетъ, ⁶⁾
150 Спи на стулѣ, когда дѣякъ ⁷⁾ выписку читаетъ.
Если жъ кто вспомнитъ тебѣ граждански уставы,
Иль естественный закòнъ, иль народны правы,
Плюнь ему въ рожу; скажѣ, что вретъ околѣсну,
Налагая на судѣй ту тягость несносну,

¹⁾ Краткости ради.

²⁾ Довольно-ль того?

³⁾ И тѣ, которымъ Θемида ввѣрила золотыя вѣсы, т. е. судьи.

⁴⁾ Правá, но для рифмы нужно читать *права*.

⁵⁾ Въ такихъ парикахъ изстари ходили судьи во Франціи, откуда и къ намъ зашла такая офиціальная форма.

⁶⁾ Т. е. пусть презираетъ твердое сердце слезы бѣдныхъ.

⁷⁾ Дѣякъ—старинная должность, соотвѣтствующая нашему секретарю.

- 155 Что подъячимъ ¹⁾ должно лѣзть на бумажны горы,
А судьбѣ довольно знáть крѣпить приговоры. ²⁾
Къ намъ не дошло время тó, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ Мудрость, и вѣнцы одна раздѣляла,
Будучи способъ одна къ вышнему восходу.
- 160 Златой вѣкъ до нáшего не достигнулъ роду;
Гордость, лѣность, бóгатство, мудрость одолѣло;
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло. ³⁾
Подъ митрой гордится тò, ⁴⁾ въ шитомъ платѣ ходить,
Судить за краснымъ сукнóмъ, смѣло полки водить.
- 165 Наука ободрана въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домòвъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ въ морѣ страдавшіе корабельной службы. ⁵⁾
Всѣ кричатъ: ни какой плóдъ не видѣнъ съ науки;
- 170 Ученыхъ хотъ головá полна, пусты руки.
Коли кто карты мѣшатъ, ⁶⁾ разныхъ винъ вкусъ знаетъ,
Танцуетъ, на дѣдочкѣ пѣсни три играетъ,
Смыслить искусно прибрáть въ своемъ платѣ цвѣты; ⁷⁾
Тому ужъ и въ сáмья молодья лѣты
- 175 Всякая высша степень, мзда ужъ не велика,
Седми мудрецовъ ⁸⁾ себя достойнымъ мнить лика.
Нѣтъ правды въ людяхъ, кричѣтъ безмозглый церков-
никъ;

Еще не епископъ я, а знаю часовникъ,

¹⁾ Подъячій—помощникъ дьяка.
²⁾ Скрѣпить своей подписью.
³⁾ Т. е. сѣло на мѣсто высшее, взяло верхъ надъ наукою.
⁴⁾ То — вмѣсто оно (невѣжество).
⁵⁾ То есть, какъ страдавшіе морскою болѣзнію бѣгутъ корабельной службы.
⁶⁾ Играть въ карты.
⁷⁾ Цвѣта.
⁸⁾ Извѣстные семь мудрецовъ древнихъ: Фалесъ, Питтакъ, Вѣасъ, Солонъ, Клеовулъ, Миносъ и Хилонъ.

- Псалтырь и посланія бѣгло честь умѣю,
180 Въ Златоустѣ ¹⁾ не запнусь, хоть не разумѣю.
Воинъ ропщетъ, что своимъ полкомъ не владѣетъ,
Когда ужъ имя свое подписать умѣетъ.
Писецъ тужить, за сукномъ что не сидитъ краснымъ,
Смысля дѣло набѣло списать письмомъ яснымъ.
185 Обидно себѣ быть, мнитъ, въ неznати старѣти,
Кому въ родѣ семь бояръ случилось имѣти,
И двѣ тысячи дворѣвъ за собой считаетъ,
Хотя впрочемъ ни читатъ, ни писать не знаетъ.
Таковы слыша слова, и примѣры видя,
190 Молчи, уме, не скучай, въ неznатности сидя.
Безстрашно того житье, хоть и тяжело мнится,
Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится.
Коли что дала ти знатъ Мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, въ себѣ разсуждая
195 Пользу наукъ; не ищи, изъясняя тую,
Вмѣсто похвалъ, что ты ждешь, достать хулу злую.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Сатира сія есть первый опытъ стихотворца въ семь родѣ стиховъ, писана въ концѣ 1729 года, въ двадцатое лѣто его возраста. Презираетъ онъ въ ней невѣжъ и нелюбящихъ наукъ, чего для и надписана была: *на хулящихъ ученіе*. Писалъ онъ ее для одного только препровожденія своего времени, не намѣренъ будучи обнародить; но по случаю одинъ изъ его пріятелей, выпросивъ ее прочесть, сообщилъ Теофану, архіепископу Новгородскому, который ее вездѣ съ похвалами стихотворцу разсѣялъ, и, возвращая сочинителю, приложилъ похвальные стихи, и въ даръ къ нему прислалъ книгу, называемую *Гиралдія о богахъ и стихотворцахъ*. Тому архипастырю слѣдуя, архимандритъ Кроликъ многіе въ похвалу стихотворцу стихи написалъ (которые вмѣстѣ съ Теофановыми въ началѣ книжки приложены, чѣмъ онъ, ободренъ будучи, далѣе прилежать началъ къ сочиненію сатиръ.

¹⁾ Толкованіе на евангеліе Златоуста, неясно переведенное съ греческаго.

Θ Ε Ο Φ Α Ν Ξ,
ΑΡΧΙΕΠΙΣΚΟΠΉ ΝΟΒΓΟΡΟΔΙΚΉ,

ΚΕΧ ΣΟΧΙΝΙΤΕΛΙΟΥ ΣΑΤΙΡΗ.

Ι.

Не знаю, кто ты, пророче рогатый;
Знаю, коликой достоинъ ты славы:
Да почто жъ было имя укрывати?
Знать, тебѣ страшны сильныхъ глупцовъ нравы.
Плюнь на ихъ грѣзы, ты блаженъ трикраты.
Благо, что далъ Богъ умъ тебѣ толь здравый;
Пусть весь міръ будетъ на тебя гнѣвливыи,
Ты и безъ счастья довольно счастливый.

ΙΙ.

Объемлетъ тебя Аполлонъ великій,
Любитъ всякъ, кто есть таинствъ его зритель;
О тебѣ поютъ парнасскіе лики,
Всѣмъ честнымъ сладка твоя добродѣтель,
И будетъ сладка въ будущіе вѣки;
А я и нынѣ сущій твой любитель:
Но сіе за верхъ славы твоей буди,
Что тебя злые ненавидятъ люди.

ΙΙΙ.

А ты какъ началъ течи путь преславный,
Коиимъ книжныя текли исполины;
И перомъ смѣлымъ мещи порокъ явный
На нелюбящихъ ученой дружины,
И разрушай всякъ обычай злонравный,
Желая доброй въ людяхъ перемѣны,
Кой плодъ ученій не единъ искусить,
А дураковъ злость языкъ свой прикусить.

ΘΕΟΦΙΛΉ ΚΡΟΛΙΚΉ,
ΑΡΧΙΜΑΝΔΡΙΤΉ ΝΟΒΟΣΠΑΣΣΚΙΉ,

ΚΉ ΣΟΧΙΝΙΤΕΛΉ ΣΑΤΙΡΉ.

Ars est celebris stultitiæ genus
Pernosse, nævos carmine pungere
Cornuto, ut expungas, nocens si
Fors animis dominetur error.

*

Non parva virtus stigmata turpium
Est nosse morum, versibus utile
Et miscere dulci sic, voluntas
Ut faciat meliora sponte.

*

Utrumque præstas indole principis
Dignus latenti nomine quis quis es;
Vitabis at si, quæ reprehendis,
Omne feres, Venerande, punctum.

*

Quas tibi condignas referet Sapientia laudes,
Indole quam pulchra, scriptor acute, colis!
Si, quam dentato reprehendis carmine salsus,
Laudat & ingenium stultitia ipsa tuum.

*

Quæ contra doctos jectat convitia stultus
Numinis ignarus vel Curium simulans;
Scommata vel mollis quæ picta veste superbus
In studia assiduo parta labore jacit;
Dives & obtrectat congesto pauper in auro,
Ebrius in doctos, quæ mala probra vomit;
Hæc tu cornuto ventitas carmine Scriptor,
Et quæ sint studiis commoda digna, doces.
Castalides, quid ni, te docta fronte revinctum
Dicant præsidium dulce decusque Deæ!

*

Si te pungo, tace; quia te non nomino, clamas:
Proditor es vitii (non ego culpa) tui.

То есть:

Между науками учение морально,
Чтобъ знать пороки злыхъ людей, весьма похвально;
Похваленъ, кто ихъ зла не могучи понести,
Насмѣшкой тѣится злыхъ на путь прямой привести.

*

Немалое и то благодаренье въ свѣтѣ,
Кто, вѣдая худой людей развратныхъ нравъ,
И съ пользой имъ въ своемъ мѣшая смѣхъ совѣтъ
Безъ принужденья злыхъ на путь приводить нравъ.

*

Ты въ обоемъ успѣлъ, что честно и полезно,
Хотя лицо тайшь, природой славный князь!
Но если небрежешь то дѣломъ, что безчестно,
То совершенъ во всемъ ты и блаженъ сто разъ.

*

И Мудрость, какъ почитать тебя, сама не знаетъ,
Зря, что безуміе твой разумъ похваляетъ.

*

Когда народную къ наукамъ злобу зришь,
Глупцевъ упрямство иль безбожіе винишь,
И грубы щоголей насмѣшки исчисляя,
Не терпишь, что наукъ одежда дорогая
И злато богачу скупому есть милѣй,
Что пьяница на нихъ не промѣнитъ дрожжей.
Всѣ грубости въ стихахъ описывая ѣдкихъ,
Изъ тѣхъ находишь, кто бѣ зналъ плодъ ученья рѣдкихъ,
Но по достоинству тебя чтеть Музъ соборъ,
Что крѣпкой злобѣ ты отъ нихъ чинишь отпоръ.

*

Язвлю тебя? молчи; вѣдь я не именую;
Кричишь: не я, да ты являешь совѣсть злую.

Стихъ 1. *Уме недозрѣлый плодъ и проч.* Тутъ наука значитъ *на-
ставленіе*, дѣйство того, кто другаго учитъ; такъ въ пословицѣ го-
воримъ: *Плеть не мука, да впредъ наука.*

Ст. 4. *Творцемъ не слыти.* Творецъ тожъ, что сочинитель или
издатель книги, съ латинскаго *авторъ*.

Ст. 5. *Нетрудные въ нашъ вѣкъ.* Слова *въ нашъ вѣкъ* значатъ
путь къ истинной славѣ, который прежде бывалъ весьма труденъ;
но въ нашъ вѣкъ легко многими дорогами къ ней дойти можно,
потому что не нужны намъ уже добродѣтели къ ея пріобрѣтенію.

Ст. 7 и 8. *Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы проклали девять сестръ.* Всего труднѣе достигнуть славы чрезъ науки. Девять сестръ. Музы и изобрѣтательницы наукъ, Юпитера и Памяти дочери. Имена ихъ Клію, Ураніа, Евтерпе, Эрато, Таліа, Мелпомене, Терпсихоре, Калліопе и Полимніа. Обыкновенно имя Музъ стихотворцы за самыя науки употребляютъ. *Босы*, сирѣчь убогіе, для того, что рѣдко ученые люди богаты.

Ст. 13. *Разцвѣченна мраморами саду.* Украшеннаго статуями или столбами и другими зданіями мраморными.

Ст. 14. *Овцы не прибавитъ.* Человѣкъ чрезъ науки не разбогатеетъ: каковъ отъ отца ему оставленъ достатокъ, таковъ останется; ничего къ нему не прибавитъ.

Ст. 15. *Въ нашемъ молодомъ монархѣ.* О Петрѣ Второмъ говорить, который вступалъ тогда въ пятое на десять лѣтъ своего возраста, рожденъ былъ 12 октября 1715 года.

Ст. 16. *Музамъ.* Смотри примѣчаніе подъ стихомъ 7.

Ст. 17. *Аполлонъ.* Сынъ Юпитера и Латоны, братъ Діаны. У древнихъ за бога наукъ и начальника Музъ почитаемъ былъ.

Ст. 18 и 19. *Чтяща свою свиту, видѣлъ его самого.* Въ Аполлоновой свитѣ находятся Музы. Петръ II собою показалъ образъ почитанія наукъ. Прежде, нежели обремененъ былъ правленіемъ государства, самъ обучался приличнымъ такой Высочайшей особѣ наукамъ. До восшествія на престолъ, Его Величество имѣлъ учителя Зейкана, родомъ венгерца; а потомъ въ 1727 году взять для наставленія Его Величества Христіанъ Гольдбахъ, Санктпетербургской Академіи Наукъ секретарь. По прибытіи своемъ въ Москву, Его Величество изволилъ подтвердить привиллегіи, надлежащія до Академіи Наукъ, учредивъ при томъ порядочные и постоянные доходы профессорамъ и прочимъ служителямъ.

Ст. 20. *Жителей парнасскихъ.* Парнасъ есть гора въ Фоцидѣ, провинціи греческой, посвященная Музамъ, на которой онѣ свое жилище имѣютъ. Подъ именемъ парнасскихъ жителей разумѣются ученые люди. Симъ стихомъ стихотворецъ изъясняетъ великодушіе монарха къ учителямъ, которые на иждивеніи Его Величества тщатся распространить науки и приумножить ученыхъ людей.

Ст. 23. *Расколы и ереси.* Хотя то правда, что почти всѣ ересей начальники были ученые люди; однакожъ изъ того не слѣдуетъ что тому причина была ихъ наука, ибо много ученыхъ, которые не были еретики. Таковъ есть святой Павелъ апостолъ, Златоустый, Василій Великій и прочіе. Огонь служитъ и нагрѣвать и раззорять людей въ конецъ. Пользуется огонь, ежели употребленіе его добро; вредить, ежели употребленіе зло. Подобно и наука; однако для того

ни огонь, ни наука не злы, но золь тотъ, кто ихъ употребляетъ во зло. Между тѣмъ и то примѣчаніе достойно, что въ Россіи расколамъ большая причина глупость и суевѣріе.

Ст. 25. *Приходитъ въ безбожіе.* Обыкновенное невѣжъ мнѣніе есть, что всѣ, которые много книгъ читаютъ, напоследокъ не признаютъ Бога. Весьма то ложно, потому что сколько кто величество и изрядный порядокъ твари познаетъ, что удобнѣе отъ чтенія книгъ бываетъ, столько больше чтить Творца природнымъ смысломъ убѣждается; а невѣжество приводитъ въ злыя весьма о божествѣ мнѣнія, какъ напримѣръ Богу члены и страсти человѣческія приписывать.

Ст. 26. *Критонъ съ чотками въ рукахъ ворчитъ.* Вымышленнымъ именемъ Критона (каковы будутъ всѣ въ слѣдующихъ сатирахъ) означаетъ притворнаго богочтенія человѣкъ, невѣжа и суевѣрный, который наружности закона существу его предпочитаетъ для своей корысти.

Ст. 41. *Силванъ другую вину.* Подъ именемъ Силвана означенъ старинный скупой дворянинъ, который объ одномъ своемъ помѣстьѣ радѣетъ, охуждая то, что къ умноженію его доходовъ не служитъ.

Ст. 45. *Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали.* Не гораздо ли смѣшно приписывать наукамъ въ вину то, что отъ одной лѣности земледѣльцевъ или отъ непорядочнаго воздуха происходитъ можетъ?

Ст. 49. *Доводъ, порядокъ въ словахъ.* Тому учить риторика, а иначе логика, то есть, чтобъ право о всякомъ дѣлѣ разсуждать, и то другому ясными доказать доводами.

Ст. 51. *Кто души силу и предѣлы.* Въ семъ стихѣ о метафизикѣ говорится, которая разсуждаетъ о сущемъ вообще, и о свойствахъ души и духовъ.

Ст. 53. *Строй міра и вещей выведатъ премъну иль причину.* Физика испытываетъ составъ міра и причину, или различіе всѣхъ вещей въ мірѣ.

Ст. 60. *Чтобъ вызнатъ рудъ свойство.* Химія тому учить. Слово *руда* значитъ металлъ, каково есть золото, серебро, мѣдь, желѣзо и прочая.

Ст. 63. *Травъ, болѣзней знаніе.* То есть, медицина или врачебная наука.

Ст. 64. *Ишетъ въ рукъ знаки.* Докторы, желая узнать силу болѣзни, щупаютъ въ рукѣ больнаго удареніе жилы, отъ чего познаваютъ, каково теченіе крови, и слѣдовательно слабость или жестокость болѣзни.

Ст. 68. *Внутрь никто видѣлъ живо тѣло.* То есть, хотя анатомики и знаютъ тѣла составъ и состояніе; однако нельзя по тому разсудить о поврежденіи, которое въ живомъ человѣкѣ случается, потому что еще никто не видалъ, каково есть движеніе внутреннихъ частей человѣка.

Ст. 71. *Къ чему звѣздъ теченіе числитъ.* Объ астрономіи тутъ слово идетъ.

Ст. 72. *За однимъ пятномъ.* Въ солнцѣ и въ планетахъ астрономы пятна съ любопытствомъ примѣчаютъ, признавая по онымъ время, въ которое они около своего центра вертятся. При соединеніи двухъ планетъ случается то, что нижняя пятномъ кажется въ высшей планетѣ. Въ лунѣ усматриваются подвижныя пятна, которыя чаятельно суть тѣни ея высокихъ горъ. Смотри Фонтенелла о *множествѣ міровъ*.

Ст. 74. *Солнце ль движется или мы съ землею.* Фонтенелль о множествѣ міровъ вечеръ 1. Два, говоритъ, мнѣнія имѣютъ астрономы о системѣ свѣта: первое и старое, въ которомъ земля за среднюю точку всея системы полагается и неподвижна стоитъ, а около ея планеты, Солнце, Сатурнъ, Юпитеръ, Марсъ, Меркурій, Луна и Венера, вертятся, всякая въ извѣстное время. Сія система, по Птолемею, своему изобрѣтателю, называется *Птолемевою*; другая, по которой солнце неподвижно (но около самого себя обращающееся) поставляется, а прочія планеты, между которыми есть и земля, всякая въ учрежденное время около его вертятся. Луна уже не планета, но спутникъ земли, около которой кругъ своей совершаетъ въ 29 дней. Систему сію выдумалъ Коперникъ нѣмчинъ, и для того *Коперническою* называется. Есть и третія система, Тихобрагова, датчанина родомъ, которая однакожь изъ прежнихъ двухъ составлена; ибо онъ съ Птолемеемъ согласуется въ томъ, что земля стоитъ, и что солнце около ея вертится, но съ Коперникомъ всѣхъ прочихъ планетъ движеніе около солнца поставляетъ.

Ст. 77. *Въ четверти дѣлитъ безъ Евклида смыслимъ.* Четверть есть часть земли, или пашни въ 20 сажень ширины и 80 длины. Евклидъ былъ славный математикъ александрійскій, гдѣ во время Птолемея Лага математикъ обучалъ за 300 лѣтъ до Рождества Христова. Трудовъ его у насъ, между прочимъ, остались Элементы, содержащіе въ 15-ти книгахъ основаніе всей геометріи.

Ст. 78. *Безъ алгебры.* Алгебра есть часть математики, весьма трудная, но и преполезная, служащая къ рѣшенію труднѣйшихъ задачъ въ математикѣ. Можно назвать ее генеральною ариметикою, поелику части ея по большей мѣрѣ между собою сходны, кромѣ того, что арифметика употребляетъ для всякаго числа особ-

ливые знаки, а алгебра генеральные, которые всякому числу приличествуютъ. Сія наука въ Европу пришла отъ араповъ, которыхъ мнѣть быть ея изобрѣтателями; имя самое алгебры есть арапское, которые ее называютъ *Алжабръ Валмукабала*, то есть, наверстать или соравнять.

Ст. 83. *Румяный трожды рыгнувъ Лука*. Лука пьяница, съ вина румяный, и съ вина часто рыгая, говоритъ и проч.

Ст. 85. *Къ сообществу Божія тварь стали*. Богъ насъ создалъ для сообщества.

Ст. 88. *Для мертвыхъ друзей*, то есть, для книгъ.

Ст. 95. *Вино даръ божественный*. Гораций нѣчто подобное говорить въ слѣдующихъ стихахъ своего V письма, книги I:

Quid non ebrietas designat? operta recludit:
Spes jubet esse ratas: in praelia trudit inermem;
Sollicitis animis onus eximit: addocet artes
Fecundi calices quem non fecere disertum?
Contracta quem non in paupertate solutum?

Ст. 100. *Любовникъ легче виномъ въ цѣль свою доходитъ*. Свидѣтельство сему есть Лотова исторія, котораго дочери, виномъ его упоивши, желаніе свое исполнили.

Ст. 101. *Когда по небу*. Подражаніе изъ слѣдующихъ Овидіевыхъ стиховъ, 7-й его элегій:

In caput alta suum labentur ab æquore retro
Flumina, conversis solque recurret equis:
Terra feret stellas, cœlum findetur aratro,
Unda dabit flammæ, et dabit ignis aquas.

Ст. 107. *Медоръ*. Щоголь тѣмъ именемъ означенъ.

Ст. 109. *Завертѣть завитыя кудри*. Когда хотимъ волосы завивать, то по малому пучку завиваемъ, и обвертѣвъ тѣ пучки бумагою, горячими желѣзными щипцами ихъ нагрѣваемъ, и такъ прямые волосы въ кудри претворяются.

Ст. 110. *Не смѣнитъ на Сенеку*, то есть, не смѣнитъ на книгу Сенекину фунтъ пудры. Сенека былъ философъ секты стоической, учитель Нерона, императора римскаго, отъ котораго убитъ лѣта Христова 65; сего Сенеки есть многія, и почти лучшія изъ древнихъ, правоучительныя книги.

Ст. 111. *Предъ Егоромъ Виргилій*. Егоръ былъ славный сапожникъ въ Москвѣ, умеръ 1729. Виргилій, стихотворецъ латинскій, былъ сынъ нѣкоего горшечника изъ мѣстечка Анды, въ провинціи Мантуанской, гдѣ родился 15 октября въ 684 лѣто по созданіи

Рима, то есть, въ 27-е предъ Рождествомъ Христовымъ. За его превосходный умъ многіе изъ знатнѣйшихъ римлянъ его любили, между которыми были первые императоръ Августъ, Меценатъ и Полліонъ. Весь ученый свѣтъ дивится стихамъ его, которыми у всѣхъ прославился первымъ стихотворцемъ латинскимъ. Умеръ въ провинціи Калабріи, городѣ Бриндѣ, возвращаясь съ Августомъ изъ Греціи, въ лѣто по созданіи Рима 735, въ 51 своего возраста, и погребенъ близъ Неаполя.

Ст. 112. *Рексу, не Цицерону.* Рексъ былъ славный портной въ Москвѣ, родомъ нѣмчинъ; а Маркъ Туллій Цицеронъ былъ сынъ римскаго дворянина, изъ поколѣнія Тита Тація, короля сабинскаго. Цицеронъ еще въ молодыхъ своихъ лѣтахъ рѣчи говорилъ въ сенатѣ столь дерзновенно противъ сообщниковъ Катилининыхъ, что убоявся за то на себя нападенія, уѣхалъ въ Грецію, гдѣ у знатнѣйшихъ учителей обучившись, въ такое совершенство привелъ латинское краснорѣчіе, что отцемъ онаго названъ. Въ 691 лѣто по созданіи Рима выбранъ онъ съ Антоніемъ Непотомъ въ консулы, коего повелѣніемъ убитъ въ лѣто по созданіи Рима 711, въ 43 прежде Рождества Христова, и 64 своего возраста; родился 30 генваря, въ лѣто по созданіи Рима 648.

Ст. 115 и 116. *Когда нѣтъ пользы, ободряетъ къ трудамъ похвала.* Всѣхъ нашихъ дѣйствій есть двѣ побуждающія причины, польза и похвала. Не обыкли люди, или рѣдко слѣдуютъ добродѣтели, для того, что она сама собою красна.

Ст. 120. *Нежели купцу.* Извѣстно, что купцы наши по большей части великіе охотники до крѣпкаго пива, котораго часто и въ 5 пудъ хмѣлю варю варятъ.

Ст. 126. *Твой судъ.* Твое разсужденіе.

Ст. 131. *Ключари святые.* Церковные пастыри, епископы.

Ст. 132. *Имъ же Ѡемисъ вѣски вѣтрила златые.* То есть, судьи. Ѡемисъ, богиня правосудія, дочь Земли и Неба, изображается съ вѣсками въ рукахъ.

Ст. 133. *Мало любятъ чуть не всю истинну прикрасу.* Истинною прикрасою называетъ стихотворецъ науку, предъ которою невѣжество есть нелѣпо и безобразно.

Ст. 135. *Риза полосата.* Епанча изъ шелковой парчи безрукавная, сшита на подолѣ, и разныхъ цвѣтовъ полосами поперегъ испещрена, которую сверхъ всего платья архіереи надѣваютъ. Обыкновенно *мантіею* называется.

Ст. 136. *Цѣпь отъ злата.* Архіереи, сверхъ рясы, а въ священнослуженіи сверхъ сакоса, повѣшенну имѣютъ на шеѣ цѣпочку золотую или серебряную, на которой виситъ образъ на финифти на-

писанный Спасителя или Богоматери. Обыкновенно цѣпочку сію съ образомъ *панакіею* называютъ отъ греческаго слова *παναγία*, *пре- святая*, которое прилагательное обыкновенно Богородицѣ при- дается.

Ст. 137. *Брюхо бороною*. Широкою бороду и по брюху распро- стертую невѣжи священническому чину за особое украшеніе приписываютъ. Димитрій, митрополитъ Ростовскій (писатель Житія Святыхъ) цѣлую книгу сочинилъ противъ суевѣрія простыхъ людей о бородѣ, которая напечатана въ Москвѣ въ 1714 году.

Ст. 138. *Клюку предъ тобою*, то есть, *патерицу*. Когда архіерей, выѣзжаетъ со двора, то одинъ изъ его вершниковъ везетъ патерицу епископскую, въ знакъ его церковной власти.

Ст. 140. *Праву и лъву*. Разумѣтся, руку.

Ст. 144. *Выпись позабудетъ*. Выпись есть письмо приказное, ко- торымъ судья засвидѣтельствуетъ, что товаръ чистъ, и что съ него въ государственную казну пошлина взята; или подтверждаетъ вла- дѣніе земли, деревни, двора и проч.

Ст. 148. *Кто проситъ съ пустыми руками*. То есть челобитчикъ, который подарковъ не даетъ и, прося, судѣ ничего не подносить.

Ст. 151 и 152. *Граждански уставы, иль естественный законъ, иль народны правы*. *Гражданскіе уставы* суть законы, учрежден- ные отъ государей, для расправы въ судахъ, каково у насъ Уло- женіе. *Законъ естественный* есть правило, отъ самой натуры намъ предписанное, которое всегда непремѣнно и безъ котораго никакое сообщество устоять не можетъ. *Народны правы* суть законы, кото- рые содержать должны народы разныхъ областей, для удобнаго взаимнаго сообщенія и пользы.

Ст. 155. *Льзтъ на бумажны горы*, то есть, перебирать или чи- тать множество книгъ.

Ст. 157 до 160. *Къ намъ не дошло то и проч.* Не дошло къ намъ то время, когда отъ одной мудрости ожидать должно было чело- вѣку своего награжденія и повышенія въ знатные чины.

Ст. 160. *Златый вѣкъ*. Стихотворцы раздѣляютъ времена на че- тыре вѣка, а именно: на златый, серебряный, мѣдный и желѣзный, и говорятъ, что въ златомъ вѣкѣ всѣ люди къ одной только добро- дѣтели прилежали, удаляясь отъ всякихъ пороковъ.

Ст. 163. *Подъ митрой*. *Митра* есть шапка архіерейская, въ священнослуженіи употребляемая.

Ст. 164. *Судитъ за краснымъ сукномъ*. Во всѣхъ приказахъ столъ, за которымъ судьи засѣдаютъ, покрытъ бываетъ обыкновенно краснымъ сукномъ.

Ст. 172. *На дудочкѣ пѣсни три играетъ.* Дудочка значитъ ко-
сую флейту, которая была въ великомъ употребленіи въ то время,
когда сатира сія писана, и почти всѣ молодые люди на ней играть
обучались.

Ст. 176. *Седми мудрецовъ.* Славные семь мудрецовъ были Θα-
лесь, Питтакъ, Βίαсъ, Солонъ, Клеовулъ, Миносъ и Хилонъ. Нѣко-
торые вмѣсто трехъ послѣднихъ вѣлючаютъ Періандра, Анахарса и
Эпаминонда; а другіе Пизистрата, Трасивула, Милетскаго тиранна,
и Θеницида Сирскаго. Смотри *Ларея въ житіи седми мудрецовъ*,
стр. 1.

Ст. 180. *Въ Златоустѣ не запнусь.* Въ Златоустовомъ толкова-
ніи на Евангеліе, которое переведено съ греческаго весьма не ясно.

Ст. 183. *Писецъ, то есть, подъячій.*

Ст. 184. *Письмомъ яснымъ.* Наши подъячіе, когда пишутъ, объ
одномъ только тщатся, чтобъ письмо ихъ было чотко и красиво;
что же до правописанія касается, такъ мало о томъ стараются, что
и за излишнее оное почитаютъ, и для того, если желаешь какой
книги не разумѣть, отдай ее подъячему переписать.

Ст. 186. *Седмъ бояръ.* Извѣстно, что боярскій чинъ бывалъ въ
великомъ почтеніи; почему знать должно, что благороднымъ звать
себя можетъ тотъ, изъ чьего роду семеро честь боярскую имѣли.

Ст. 193. *Мудрость всеблагая, то есть, Богъ, который не только*
премудръ, но самая Премудрость, къ тому жъ и Всеблагій.

САТИРА II.

ФИЛАРЕТЪ И ЕВГЕНІЙ¹⁾.

ФИЛАРЕТЪ.

- ¹ Что такъ смутенъ, дружокъ мой? Шоки внутрь опали,
Блѣденъ и глаза красны, какъ бы ночь не спали?
Задумчивъ, какъ тотъ, что чинъ патріаршъ достати
Ища, конной свой заводъ раздарилъ не кстати?
- ⁵ Цугомъ ли запрещено ѣздить, иль богато
Платье носить, иль твоихъ слугъ пеленать въ злато?
Картъ ли не стало въ рядѣхъ, вина ль дорогова?
Матерь, знаю, и родня твоя вся здорова;

¹⁾ „Разговорную форму Кантемиръ заимствовалъ изъ девятой сатиры
Ювенала или изъ третьей сатиры Буало“.

- Обильство сыплеть тебѣ дары полнымъ рогомъ;
10 Ничто тебѣ не претѣтъ жить въ покоѣ многомъ.
Что жъ молчишь? Ужъ-ли твой уста косны стали?
Не знаешь ли, сколь намъ другъ полезенъ въ печали?
Сколь много здравый совѣтъ полезенъ бываетъ,
Когда тому слѣдовать страсть не запрещаетъ?
15 А, а! дознаюсь я самъ, что тому причина:
Дамонъ на сихъ дняхъ досталъ перемѣну чина,
Трифону лента дана, Тулліи деревнями
Награжденъ; ты съ пышными презрѣнь именами.
Забыта крови твоёй и слава и древность
20 Предковъ, къ обществу добру многотрудна ревность,
И преимуществъ твоихъ толпа неоспорныхъ;
А зависти въ тебѣ нѣтъ, какъ въ полахъ соборныхъ.

ЕВГЕНІЙ.

- Часть ты прямо отгадалъ. Хоть мнѣ не завидно,
Чувствую сколь знатнымъ всѣмъ и стыдъ и обидно,
25 Что кто еще не всѣ стѣръ съ грубыхъ рукъ мозоли,
Кто недавно продавалъ въ рядахъ мѣшокъ соли,
Кто глушилъ насъ, сальные, крича, ясно свѣчи
Горятъ, кто съ подовыми горшкомъ истеръ плечи,
Тотъ на высоку степень вспрыгнувши блистаетъ¹⁾;
30 А благородство моё во мнѣ унываетъ,
И не сильно принести мнѣ ни какой польги.
Знатны ужъ предки мой были въ царство Ольги
И съ тѣхъ временъ по сихъ поръ въ углу не сидѣли,
Государства лучшими чинами владѣли.
35 Разсмотри гербовники, грамотъ виды разны,
Книгу родословную, записки приказны;
Съ прадедова прадеда, чтобъ начать поближе,
Думнаго, намѣстника никто не былъ ниже;

¹⁾ Здѣсь ясенъ намекъ на князя Меншикова, который, какъ говорили, въ ранней юности продавалъ подовые пироги.

- Искусны въ миру, въ войнѣ разсудно и смѣло
40 Вершили ружьемъ, умомъ не одно тѣ дѣло.
Взгляни на пространныя стѣны нашей залы,
Увидишь, какъ рвали стрѣй, какъ ломали валы.
Въ судѣ чисты руки ихъ, помнитъ челобитчикъ
Милость ихъ, и помнитъ злѣ остуду обидчикъ.
45 А батюшка ужъ всѣмъ вѣрхъ; какъ его не стало,
Государства правое плечо съ нимъ отпало.
Какъ батюшка выѣдетъ, всякъ долой съ дороги,
И шапочку снявъ, ему головою въ ноги;
Всегда за нимъ вѣборна таскалася свита,
50 Что ни день рано съ утра крестова набита
Тѣми, которыхъ теперѣ народъ почитаетъ,
И отъ которыхъ нашъ братъ милость ожидаетъ.
Сколько разъ, не смѣя тѣ приступать къ намъ сами,
Дворецкому кланялись съ полными руками?
55 И когда батюшка къ нимъ промолвить хотѣ слово,
Заторопѣвъ, онѣмѣвъ, слезы у инова
Текли изъ глазъ съ радости, иной не спокоенъ
Всѣмъ наскучилъ хвѣстая, что былъ онъ достоенъ
Съ временщикомъ говорить, и весь веселился
60 Домъ его, какъ бы имъ кладъ богатый явился.
Самъ ужъ суди, какъ легко мнѣ должно казаться,
Столь славны предки имѣвъ, забытымъ остаться!
Послѣднимъ видѣть себя, куды глазъ ни вскину?

ФИЛАРЕТЪ.

- Слышалъ я важну твоѣй печали причину;
65 Позволь ужъ мнѣ мою мысль открыть и совѣты.
А вѣдай притомъ, что я лукавыхъ примѣты,
Лестъ, похлѣбство не люблю: но сердце согласно
Съ языкомъ, что мыслить то, сей вымолвить ясно¹⁾.
Благородство будучи заслугъ мзда, я знаю

¹⁾ Т. е.—что на умѣ, то и на языкѣ.

70 Сколь важно, и много въ нёмъ пользы признаваю.
Почестъ та къ добрымъ дѣламъ многихъ ободряетъ,
Коль въ награду кто себѣ большей ожидаетъ.

(Сыщешь въ людяхъ таковыхъ, которымъ не дивны
Куча золота, ни дѣмъ огромный, ни льстивный

75 На пуху покой, ни жизньъ сколь бы ни прохладна;
Къ титуламъ, къ славѣ до одной всяка душа жадна).

Но тщетно имя онѣ, ничего собою

Не значить въ томъ, кто себѣ своею рукою

Не присвоить почестъ тѣ, добыту трудами

80 Предковъ своихъ¹⁾. Грамота, плѣснью и червями

¹⁾ „Мы сказали, замѣчаетъ г. Дудышкинъ, что Кантемиръ въ этой сатирѣ по содержанію совпадаетъ съ Ювеналомъ. Основная мысль того и другого та, что у благороднаго человѣка, кромѣ достоинствъ родовыхъ, кромѣ имени, наслѣдованнаго отъ знаменитыхъ предковъ, должны быть и достоинства личныя, или что одно и то же, благороднымъ дѣлаетъ человѣка: добродѣтель—по Ювеналу, или: личныя достоинства — по Кантемиру. Эта мысль, выработавшаяся у насъ исторически изъ мѣстничества, можетъ быть также объяснена и съ другой стороны, чисто нравственной. Какъ только отъ человѣка потребовалось образованіе и благородство нравственное, для службы государственной, и какъ только явились люди изъ низшаго сословія съ этими двумя достоинствами, то естественно долженъ былъ возникнуть вопросъ: какъ ихъ поставить въ отношеніи къ лицамъ высшаго сословія, соединяющимъ въ себѣ тѣ же условія образованія и нравственнаго достоинства? Ихъ дѣятельность на службѣ государственной говорила въ ихъ пользу. Человѣкъ, получившій образованіе, по суммѣ богатствъ духовныхъ, естественно становится выше каждаго не получившаго образованія, точно также какъ человѣку, одаренному высшею степенью ума, невольно покоряются, въ области мысли, люди низшіе въ умственномъ отношеніи, хотя бы и въ общественныхъ отношеніяхъ не зависящіе отъ нихъ. Однимъ словомъ, благородство и личныя достоинства были необходимымъ результатомъ той образованности, которую старались дать русскому обществу во времена Петра. Такимъ образомъ явилась табель о рангахъ, и мѣста по службѣ начали даваться не на основаніи правъ родства и рода, а на основаніи чина, должности, которую кто-либо по образованію своему былъ въ состояніи занимать, т. е. на человѣка начали смотрѣть какъ на человѣка, а не какъ на сына, брата, дядю, племянника. Это, какъ всѣмъ извѣстно, случилось въ цар-

- Изгрызена, знатныхъ насъ дѣтьми есть свидѣтель¹⁾;
Благородными явить одна добродѣтель.
Презрѣвъ покой, снесъ-ли ты самъ труды военны?
Разогналъ-ли предъ собой враги уstraшенны?
85 Къ безопасности общества расширилъ-ли власти
Нашей рубежъ? судъ судя, забылъ-ли ты страсти?
Облегчилъ-ли тяжкія подати народу?
Приложилъ-ли царскому что ни есть доходу?
Примѣромъ, словомъ твоимъ ободрены-ль люди
90 Хоть мало очистить злыхъ нравовъ темны груди?
Иль буде случай, младость въ то не допустила,
Есть-ли показаться въ томъ впредь воля и сила?
Знаешь-ли чисты хранить и совѣсть и руки?
Бѣдныхъ жалки-ли тебѣ слезы и доуки?
95 Не завистливъ, ласковъ, правъ, не гнѣвливъ, беззлобенъ,
Вѣришь-ли, что всякъ тебѣ челоуѣкъ подобенъ?

ствование того же Петра Великаго, который потребовалъ для службы образованія, какъ перваго условія, и старался для этого открыть школы и посылалъ молодыхъ людей учиться за границу. Слѣдовательно, эти оба начала образованности и личности у насъ необходимо должны были совпасть и принести пользу обществу потому, что вытекали необходимо изъ христіанской религіи, уважавшей въ каждомъ, кто бы онъ ни былъ, прежде всего челоуѣческую сторону. Не то было въ древнемъ Римѣ, гдѣ религія была дѣло общественное, государственное, гдѣ каждый патрицій и плебей имѣлъ значеніе, какъ римскій гражданинъ, а не какъ челоуѣкъ, гдѣ слѣдовательно введеніе личности христіанской, а еще прежде личности стоиковъ, клонилось прямо къ разрушенію общества, а не къ возсозданію его. Напрасно старались распространить на всѣхъ право гражданства и замѣнить этимъ возникавшія въ обществѣ личности челоуѣка: то общество, которое было основано на прежнихъ началахъ, изжило свои силы физическія и не могло принять обновленія, уже появившагося во времена Ювенала и въ видѣ греческой, преимущественно платоновой философіи, и въ видѣ христіанскаго ученія. Поэтому Ювеналъ, когда хотѣлъ показать цѣль, къ которой должны стремиться римляне, указывалъ на прошедшее, а не на будущее, или совѣтовалъ умереть съ твердостью". (Статья г. Дудышкина, „Соврем.“ 1848 г., XI).

¹⁾ Свидѣтельствуеть о нашемъ знатномъ происхожденіи.

- Изрядно можешь сказа́ть, что ты благороденъ,
Можешь счесться Гектору или Ахиллу сроденъ;
Юлій и Алексáндръ, и всѣ́ мужи славны
100 Могутъ быть предки твои́, лишь бы тебѣ́ нравны.
Мало жъ пользуетъ тебѣ́ звать хотъ сыномъ царскимъ,
Буде въ нравахъ съ гнуснымъ ты́ не различи́ся царскимъ.
Спросись хотъ у Нейбуша, таковы-ли дрожжи
Любы, какъ пиво ему́, отречется трожжи ¹⁾;
105 Знаетъ онъ, что пива тѣ́ славные остатки,
Да плюетъ на то, когда не какъ пиво сладки.
Разни́тся потомкомъ бы́ть предковъ благородныхъ,
Или благороднымъ бы́ть. Таже и въ свободныхъ
И въ холопахъ течетъ крѡвь, таже плоть, тѣ́ жъ кости.
110 Буквы, къ нашимъ именáмъ приданныя, злости
Нашей не могутъ прикры́ть; а худые нравы
Истребятъ вдругъ дрѣвнiя въ умныхъ память славы,
И чужихъ обнаженá красныхъ перьевъ галка
Будетъ имъ, съ стыдомъ своимъ, и смѣшна и жалка.
115 Знаю, что неправедно забыта бываетъ
Дѣдовъ служба, когда вну́къ въ нравахъ успѣ́ваетъ,
Но бѣдно блудитъ нашъ умъ, буде опираться
Станемъ мы на нихъ однихъ. Столбы сокрушатся
Подъ излишнимъ бременемъ, если сами въ силу
120 Нужную не приведемъ ту подпору хвилу.
Свѣтлой воды ихъ труды ключъ тебѣ́ открыли
И черпать вольно тебѣ́: но нужно, чтобъ были
И чаши чисты твои́, и нужно сгорбиться
Къ ключу; сама вода въ рѡтъ твой не станетъ литься.
125 Ты самъ, праотцевъ твоихъ исчисляя славу,
Призналъ, что та надлежитъ ихъ дѣламъ и праву:
Иной въ войнахъ претерпѣ́лъ нужду, страхъ и раны,
Инымъ въ морѣ недруги и валы попераны,
Иной правду вѣсилъ тѣ́хъ, бѣ́гая обиды;

¹⁾ Т. е. трижды.

- 130 Всѣхъ были различные достоинства виды.
Если бѣ ты имъ подражалъ, право бѣ могъ роптати,
Что за другими тебѣ и въ пару не знати¹⁾.
Потришь на оселку, другъ, покажи въ чемъ славу
Крови собой, и твою жалобу быть праву.
- 135 Пѣлъ пѣтухъ, встала зарѣ, лучи освѣтили
Солнца верхи горъ; тогда войско выводили
На поле предки твой, а ты подѣ парчею
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душею,
Грозно соплешь²⁾, когда дня пробѣгутъ двѣ доли,
- 140 Зѣвнуль, растворилъ глаза, выпался до воли,
Тянешься ужъ часъ-другой, нѣжишься ожидая
Пойла, что шлетъ Индія, иль везутъ съ Китая³⁾,
Изъ постели къ зѣркалу однимъ прыгнешъ скокомъ,
Тамъ ужъ въ попеченіи и трудѣ глубокомъ,
- 145 Женскихъ достойную плечъ завѣску на спину
Вскинувъ, волосъ съ волосомъ прибираешь къ чину.
Часть надъ лоскимъ лбомъ торчатъ будутъ сановиты,
По румянымъ часть щекамъ въ колечки завиты
Свободно станетъ играть, часть уйдетъ за темя
- 150 Въ мѣшокъ. Дивится тому строенію племя
Тебѣ подобныхъ; ты самъ, новый Нарцисъ, жадно
Глотаешь очьми себя; нога жметъ складно
Въ тѣсномъ башмакѣ твой, потъ со слугъ валится,
Въ двѣ мозоли и тебѣ краса становится;
- 155 Избить полъ, и подѣ башмакъ стерто много мѣлу.
Деревню вздѣнешъ потѣмъ на себя ты цѣлу.
Не столько стоить народъ римляновъ пристойно
Основать, какъ выбрать цвѣтъ и парчу, и стройно
Сшить кафтанъ по правиламъ щегольства и моды:

¹⁾ Изъ-за другихъ не могутъ замѣтить тебя въ пару, въ поту отъ трудовъ.

²⁾ Сопишь, спишь.

³⁾ Т. е. кофе или чая.

- 160 Пора¹⁾, мѣсто, и твой разсмотрѣны годы,
Чтобъ лѣтамъ сходенъ былъ цвѣтъ, чтобъ тебѣ въ образѣ
Нѣжну зелень въ городѣ не досажалъ глазу²⁾,
Чтобъ бархатъ не отягчалъ въ лѣтнюю пору тѣло,
Чтобъ тафта не хвѣстала среди зимы смѣло;
165 Но зналъ бы всякъ свой предѣлъ, право и законы,
Какъ искусные попы всякаго дни звоны.
Долголѣтняго пути въ краяхъ чужестранныхъ,
Иждивеній и трудовъ тяжкихъ и пространныхъ
Дивный плодъ ты произнесъ. Ущербя пожитки,
170 Понялъ, что фалды должны тверды быть, не жидки,
Въ полъ-аршина глубоки и ситомъ подшиты;
Согнувъ кафтанъ не были бѣ станомъ всѣ покрыты,
Каковъ рукавъ долженъ быть, гдѣ клинья уставить,
Гдѣ карманъ, и сколько грѣдь окружа прибавить;
175 Въ лѣто или осенью, въ зиму иль весною
Какую парчу подбить пристойно какою,
Что приличнѣе нашить, серебро иль злато,
И Рексу лучше тебя знать ужъ трудовато.
Въ обѣдѣ и на ѹжинѣ частенько двоится
180 Свѣча въ глазахъ, часто полъ подъ тобой вертится,
И обжирство тебѣ въ ротъ куски управляетъ.
Гнусныхъ тогда полкъ друзей тебя окружаетъ,
И глодая до костей самыхъ, нравъ веселый,
Тщиву душу, и въ тебѣ хвалить разумъ зрѣлый.
185 Сладко щекотятъ тебѣ ухо красны рѣчи,
Вздутымъ поднять пузырьмъ, чаешь, ³⁾ что подъ плечи
Не дойдетъ тебѣ людей все прочее племя.
Оглянись, намѣстниковъ царскихъ чисто сѣмя,
Тотъ же полкъ, лишь съ глазъ твоихъ, тебѣ ужъ смѣется;

¹⁾ Время года.

²⁾ Чтобъ въ безобразіе тебѣ зеленый цвѣтъ въ городѣ не досаждалъ нѣжному глазу.

³⁾ Т. е. какъ не умѣющій плавать, поднятый на поверхность воды пузырями.

- 190 Скоро станетъ въ глаза́; притворство минется, ¹⁾
Когда истощишь твои́хъ пожитковъ остатки.
(Боюсь я усть, что въ лицó точать слова сладки):
Ты самъ неотступно то́ время ускоряешь,
Изъ рукъ ты пестрыхъ пучки́ бумагъ не спускаешь,
195 И мечешь горстью твои́хъ мозольми и по́томъ ²⁾
Предковъ скоплено добро́. Деревня со скóтомъ
Не первая ужъ пошла́ въ бережную руку
Того, кто мало предъ сѣмъ кормился отъ стуку
Молота по жа́ркому въ кузницѣ желѣзу.
200 Приложился сильный жа́ръ къ поносному рѣзу,
Часто любишь опира́ть щеки на грудь бѣлу;
Въ томъ проводишь прочі́й де́нь и ночь почти цѣлу.
Но тѣ, кои на стѣна́хъ большой твоей залы
Видишь надписи, проче́сть трудъ тебѣ немалый;
205 Чужой глазъ нуженъ тебѣ и помощь чужая
Нужнѣе, чтобъ знать назва́ть черту, что копая
Воинъ предъ собой веде́тъ, укрываясь, къ валу;
Чтобъ различить, гдѣ стѣны́ часть одна по малу
Частымъ быстро-па́губныхъ пуль ударомъ пала,
210 Гдѣ, грозно разсѣдшися, земля вдругъ пожрала;
Къ чему тутъ войска одна́ часть въ четверобочникъ
Строится, гдѣ бо́лѣе нуженъ ужъ спомочникъ
Рѣдкимъ полкамъ, и гдѣ у́жъ превосходны силы
Оплошнаго нѣдруга надежду прельстили.
215 Много вышнихъ тре́буетъ свойствъ чинъ воеводы
И много разныхъ иску́ствъ; и входъ, и исходы,
И мѣсто, годно къ бою́, видитъ однимъ взглядомъ.
Лишней безопа́сности не опое́нь ядомъ,
Остръ, проникаетъ враго́въ тайные совѣты,
220 Временно предупрежда́ть удобенъ навѣты,

¹⁾ Перестанутъ притворяться.

²⁾ Ставишь на карту добро, скопленное мозолями (отъ работъ) и по́томъ твоихъ предковъ.

- О обильности въ своёмъ таборѣ печется
Неусыпно, и любовь ему предпочтется
Войска, и не будетъ имъ за страхъ ненавидимъ;
Отцомъ невинный народъ зоветъ, не обидимъ
225 Его жадностью: врагамъ однимъ лишь ужасенъ,
Тихимъ нравомъ и умомъ и храбростью красенъ.
Не спѣшитъ дѣло начать, начавъ производить
Смѣло и скоро; не столь бѣгло Перунъ сходить,
Страшно гремя. Въ счастіи умѣренъ быть знаетъ,
230 Терпѣливъ въ нуждѣ, въ бѣдствѣ твердъ не унываетъ.
Ты тѣхъ добродѣтелей, тѣхъ чуть имя знаній,
Слыхалъ ли? Самыхъ числѣ дивишься ты званій,
И въ одинъ всѣхъ мозгъ вмѣстятъ смертныхъ столь
мнишь трудно,
Сколь дворецкому не крѣсть, иль судьбѣ жить скудно.
235 Какъ тебѣ ввѣрить корабль, коль лодкой не правиль?
И хотя въ пруду твоёмъ, лишь берегъ оставилъ,
Тотчасъ къ берегу спѣшишь; гладкихъ испугался
Ты водъ. Кто пространнымъ морю первый вдался,
Мѣдное сердце имѣлъ; смерть тамъ обступаетъ
240 Съ низу, съ верху и боковъ; одна отдѣляетъ
Отъ нее доска, толста́ пальца лишь въ четыре:
Твоя душа трѣбуетъ разстоянья шире,
И писана смерть тебѣ дрожать заставляетъ;
Одинъ холопъ лишь твою храбрость искушаетъ,
245 Что одинъ онъ отвѣчать тебѣ не посмѣетъ.
Нужно жъ много и тому, кто рулемъ владѣетъ,
Искусствъ и свойствъ съ самага укрѣпленныхъ дѣтства,
И столь нужнѣй тѣ ему, сколь вѣщи суть бѣдства
На морѣ, нежъ на землѣ. Твари Господь чудну
250 Мудрость свою оказалъ, во всѣхъ не оскудну
Мѣру поставя частяхъ міра, и межъ ними
Взаимно согласіе; лучами своими
Свѣтила небесныя, желѣзце, не многу
Отъ дивнаго камня взявъ силу, намъ дорогу

- 255 Надежную въ безднѣ вѣдѣ показать удобны;
Небесъ положеніе на землѣ способный
Бываетъ намъ проводникъ, и когда страхъ мучить
Грубыхъ пловцовъ, кормчаго искуснаго учить
Скрытый камень миновать, иль берегъ опасный,
260 И въ пристань достигъ, гдѣ часъ кончится ужасный.
Недруга догнать, надъ нимъ занять вѣтръ способный
И побѣду одержать, вступя въ бой удобный,
Трудъ немалый. На морѣ, какъ на землѣ, тѣ же
Начальниковъ должности: тебѣ еще рѣже
265 Снизлась трубка и компасъ, нежъ строй и осада.
За краснымъ судить сукномъ адамлевы чада,
Иль править достоинъ тотъ, чья есть совѣсть чиста,
Сердце къ сожалѣнію склонно, и рѣчиста
Кого деньга одолѣтъ, ни страхъ, ни надежда
270 Не сильны, предъ кѣмъ всегда мудрецъ и невѣжда,
Богачъ и нищій съ сумой, гнусна бабья рожа
И краснаго цвѣтъ лица, пахарь и вельможа
Равны въ судѣ, и одна правда превосходна;
Кого не могутъ прельстить: въ хитростяхъ всеплодна
275 Ябеда и ея другъ дякъ или подьячей;
Чтобъ, чрезъ руки ихъ прошѣдъ, слѣпымъ не сталъ
зрячей,
Блюстись долженъ, и самъ знать и листъ и страницу¹⁾,
Что отъ нападенія сильнаго вдовицу
Соперника можетъ спастъ, и сиротъ покойну
280 Уставить жизнь, предписавъ плутамъ казнь достойну.
Наизустъ онъ знаетъ всѣ естественны права,
Изъ нашего высосалъ весь онъ сокъ устава,
Мудры не спускаетъ съ рукъ указы Петровы,
Коиими стали мы вдругъ народъ уже новый,
285 Не меньше стройный другіхъ, не меньше обильный,
Завидимъ врагу, и въ немъ злобу унять сильный.

¹⁾ Книги законовъ.

- Можешь-ли что обѣщать народу подобно?
Бѣдныхъ слезы предъ тобою льются, пока злобно
Ты смѣешься нищеть; каменный душою
- 290 Бьешь холопа до крови, что махнулъ рукою
Вмѣсто правой лѣвою (звѣрямъ лишь прилична
Жадность крови; плоть въ слугѣ твоей однолична).
Мало, правда, ты копишь денегъ, но къ нимъ жаденъ:
Мотъ почти всегда живѣтъ сребролюбьемъ смраденъ,
- 295 И все законно онъ мнитъ, что ужъ истощенной
Можетъ дополнить мѣшокъ; нужды совершенной
Стала ему золотà куча, безъ которой
Прохладамъ долженъ своимъ видѣть конецъ скорой.
Арапскаго языка, права и законы
- 300 Мнятся тебѣ, дикіе русску уху звоны.
Если въ тѣ чины не гожь, скажешь мнѣ, я чаю
Не хуже Клита носить ключъ золотой знаю;
Какія свойства его, какая заслуга
Лучшимъ могли показатъ изъ нашего круга?
- 305 Клита въ постелѣ застатъ не можетъ день новой,
Неотступенъ сохнетъ онъ, зѣвая въ крестовой,
Спины своей не жалѣлъ, кланяясь и мухамъ,
Коимъ доступъ дозволенъ къ временщицымъ ухамъ.
Клитъ остороженъ—свой слова точно мѣритъ,
- 310 Льститъ всякому, никому почти онъ не вѣритъ,
Съ холопомъ новыхъ людей дружбу вѣсть не рдится¹⁾,
Истинная мысль его прилежно таится
Въ дѣлахъ его. О трудахъ своихъ онъ не тужить,
Идучи упрямо въ цѣль; Клиту счастье служить.
- 315 Иныхъ свойствъ не требуетъ, кому оно дружно,
А у Клита безъ того нѣчто занять нужно
Тому, кто въ царскомъ прожить домѣ жизнь уставилъ,
Чтобъ крылья, къ солнцу подшѣдъ, мягки не расплавилъ,
Короткій языкъ, лицò и радость удобно

¹⁾ Не краснѣетъ.

320 И печаль изображать, какъ больше способно
Къ пользѣ себѣ, по другѣхъ лицу примѣняясь.
Честнѣе будетъ онъ другъ, всѣмъ друженъ являясь;
И много смиреніе, и разсудность многу
Совѣтую при дворѣ. Лучшую дорогу

325 Избралъ, кто правду всегда говорить принялся,
Но и кто правду молчитъ, виновенъ не стался,
Буде ложью утайтъ правду не посмѣетъ.
Счастливъ, кто средины той держаться умѣетъ;
Умъ свѣтлый нуженъ къ тому, разговоръ пріятный.

330 Учтивость приличная, что даетъ родъ знатный.
Ползать не совѣтую, хоть спѣси гнушаюсь;
Всего того я въ тебѣ искать опасуюсь.

Словомъ, много о вещахъ тщетныхъ безпокойства,
Но въ тебѣ ни одного нѣтъ хвальнаго свойства.

335 Исправь себя, и тогда жди, дружокъ, награды;
По тѣхъ поръ, что ты забытъ, не чувствуй досады:
Пороковъ, кои теперъ заграждены тѣнью
Стѣнъ твоихъ, не прикроешь высшею степенью.

Чистъ быть долженъ, кто туды не поблѣднѣвъ всходитъ,

340 Куды зоркіе глаза весь народъ наводитъ.

Но положимъ, что твой заслуги и нравы
Достойнымъ являютъ тя лучшей мзды и славы:
Тѣ, кои оной тебя неправо лишаютъ,
Жалки, что пользу свою въ тебѣ презираютъ;

345 А ты не долженъ судить, судятъ ли тѣ здраво,
Или самъ многимъ себя предпочтешь неправо?

Надъ всѣмъ же тому, кто родъ съ древняго начала
Ведетъ, зависть, какъ свинѣ ѹзда, не пристала,
Еще бъ можно извинить, если знатный тужить,

350 Видя, что счастье во всѣмъ слѣпо тому служить,
Кого сколько темень родъ, столь нравы развратны,
Ни отечеству добры, ни людямъ пріятны:
Но когда противное видитъ въ человѣкѣ,
Веселиться долженъ онъ, что есть въ его вѣкѣ

- 355 Мужъ таковъ, кой дѣбрыми родъ свой возвышаетъ
Дѣлами, и полезенъ всѣмъ быть начинаетъ.
Что жъ въ Дамонѣ, въ Трифонѣ и въ Туллиѣ гнусно,
Что, какъ награждаютъ ихъ, тебѣ на смерть грустно?
Благонравны тѣ, умны, вѣрность ихъ немала;
360 Слава наша съ трудовъ ихъ нѣчто воспріяла.
Правда, въ царство Ольгино предковъ ихъ не знали,
Думнымъ и намѣстникомъ дѣды не бывали,
И дворянства древностью считаться съ тобою
Имъ не лѣзя; да что съ того? Они вѣдь собою
365 Начинаютъ знатный родъ, какъ въ древніе вѣки
Твои предки, когда Русь стали крестить греки.
И твой родъ не все таковъ былъ, какъ потомъ стался,
Но первый съ предковъ ¹⁾ твоихъ, кой дворянинъ звался,
Имѣлъ отца славою гораздо поуже,
370 Каковъ Трифонъ, Тулліи былъ, или и поуже.
Адамъ дворянъ не родилъ, но одному сыну
Жребій былъ копать садъ, пастъ другому скотину;
Ное въ ковчегъ съ собою спасъ все себѣ равныхъ
Простыхъ земледѣтелей, нравами лишь славныхъ:
375 Отъ нихъ мы произошли, одинъ поранѣ
Оставя дудку, соху; другой попозднѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Намѣреніе сей сатиры есть обличить тѣхъ дворянъ, которые, лишены будучи всякаго благонравія, однимъ благородіемъ тщеславятся и сверхъ того завидуютъ всякому благополучію другихъ, кои чрезъ свои труды изъ подлости въ знатное достоинство происходятъ. Писана она мѣсяца два спустя послѣ первой, разговоромъ между Филаретомъ и Евгеніемъ, кои вымышленныя имена значать на греческомъ языкѣ, первое *любителя добродѣтели*, а другое *дворянина*.

¹⁾ Изъ предковъ. Въ § 75 своего разсужденія о стихосложеніи Кантемиръ замѣчаетъ: „съ вмѣсто *изъ* общій обычай разговора узаконяетъ. Кто не вѣдаетъ, что по вся дни говоримъ съ *устъ* его, съ *золота* вмѣсто *изъ устъ*, *изъ золота*“.

Стихъ 2. *И глаза красны.* Отъ слезъ глаза краснѣютъ такъ же, какъ и отъ безсонницы.

Ст. 3. *Какъ тотъ, что чинъ патриарихъ достати.* Всѣмъ извѣстно высокомысліе бывшаго архіепископа Р***, который ничего такъ не желалъ, какъ быть главнѣйшимъ церкви россійской; а для полученія того чина много коней раздарилъ, которыхъ онъ имѣлъ изрядный заводъ.

Ст. 5. *Цугомъ ли запрещено ѣздить.* Въ Санктпетербургѣ цугомъ ѣздить отъ императора Петра Великаго всѣмъ запрещено было, кромѣ придворныхъ.

Ст. 6. *Слугъ пеленать въ злато.* Украшать платье слугъ своихъ золотомъ. Узоры, коими обыкновенно платье ихъ выкладываютъ, много на пеленанье походятъ.

Ст. 7. *Вина ль дорогова.* Вина дорогія разумѣются венгерское, шампанское и бургонское, которыя подлинно въ Москвѣ дороги, и затѣмъ больше всѣхъ другихъ въ почтеніи.

Ст. 9. *Обильство сыплетъ тебѣ дары полнымъ рогомъ.* Стихотворцы изображаютъ обильство или изобиліе въ лицѣ жены, которая держитъ въ рукѣ большой рогъ, и изъ него сыплетъ овощи, деньги, бисеры и прочія вещи.

Ст. 10. *Не претитъ,* вмѣсто не запрещаетъ, не мѣшаетъ.

Ст. 11. *Ужли твои уста косны стали.* Дивится Филаретъ Евгенію, который прежде съ природы былъ говорливъ, а теперь противно нраву своему молчитъ.

Ст. 16. *Дамонъ.* Имя вымышленное, какъ въ слѣдующемъ стихѣ Трифонъ и Тулій.

Ст. 17. *Лента дана,* то есть пожалована кавалерія, которыя на лентахъ носятъ.

Ст. 22. *Какъ въ попахъ соборныхъ.* Соборныя церкви называются, у которыхъ нѣсколько поповъ служить. Рѣдко въ такихъ попахъ согласіе бываетъ, какъ то одного ремесла люди въ обществѣ безъ зависти пробыть не могутъ.

Ст. 31. *Ни какой пользы.* Лучше бы было написать *ни какой пользы*; но здѣсь для рѣимы употреблено народное слово вмѣсто чистаго русскаго.

Ст. 32. *Царство Ольги.* Ольга, жена Игоря, сына Рюрика, перваго россійскаго самодержца. Она первая приняла христіанскую вѣру и распространила силы и славу россійскаго государства; почитается во святыхъ подъ именемъ Елены, которое ей дано въ крещеніи. Начала царствовать въ 950 лѣто по Рождествѣ Христовѣ. См. *Синописисъ Россійской Исторіи*, стр. 37.

Ст. 38. *Думнаго, Намѣстника.* Думные бояре изстари то-жъ были, что теперь тайные совѣтники. Намѣстниками назывались губернаторы. Имена сихъ чиновъ отмѣнилъ императоръ Петръ Великій въ началѣ нынѣшняго вѣка.

Ст. 41. *Стѣны нашей залы.* Видно, что у отца сего дворянина въ залѣ по стѣнамъ расписаны были войны, въ которыхъ онъ присутствовалъ. Зала слово французское, *sale, большая палата.*

Ст. 43. *Какъ рвали строй, какъ ломали валы,* то есть, какъ, побѣждая войска непріятельскія, брали города.

Ст. 49. *Выборна таскалася свита.* Выборные люди за нимъ слѣдовали.

Ст. 50. *Крестова.* Передняя горница такъ называлась, въ коей въ старину обыкновенно отправлялись молитвы утреннія и вечернія, и за тѣмъ вся восточная стѣна убрана была иконами и крестами; отчего принадлежащіе къ господскимъ домамъ попы *крестовыми попами* назывались.

Ст. 54. *Съ полными руками.* Съ подарками.

Ст. 60. *Кладъ богатый явился.* Многіе у насъ суевѣрно думаютъ, будто кладъ, то есть закопанныя въ землю сокровища, счастливымъ являются въ видѣ кошки, собаки и другихъ животныхъ, и гдѣ они покажутся, на томъ мѣстѣ копать должно землю въ надежде богатой находки.

Ст. 66 и 67. *Лукавыхъ примѣты, лестъ, похлебство.* Два порока, весьма свойственные лукавымъ людямъ, и по которымъ тотчасъ ихъ признать можно.

Ст. 69. *Благородство будучи заслуъ мзда.* Когда дворянство дается кому въ награжденіе заслуги, то оно весьма важно; въ противномъ случаѣ пустое и безплодное имя.

Ст. 70. *Много въ немъ пользы признаваю.* Много пользы государству, потому что такія награжденія и казнѣ не дорого становятся, и гораздо лучше ободряютъ людей къ похвальнымъ дѣламъ, не только для того, что дворянское имя, переходя отъ предковъ къ потомкамъ, представляетъ свидѣтельство награжденія за добрыя дѣла, но и для того, что дворянское имя, преходя отъ предковъ къ потомкамъ, представляетъ свидѣтельство награжденія за добрыя дѣла, но и для того, что во многихъ надежда богатствъ меньше дѣйствуетъ, нежели надежда чести и славы.

Ст. 77. *Но тщетно имя оно.* Оно, т. е. дворянство.

Ст. 80. *Грамота плѣсню и червями.* Грамота, которою почестъ дворянства предкамъ нашимъ пожалована или подтверждена, и за древностію уже молью и червями попорчена, засвидѣтельствуетъ,

правда, что мы происходимъ отъ знатныхъ людей, но не покажетъ насъ быть благородными. Одна собственная наша добродѣтель можетъ намъ присвоить благородіе.

Ст. 88. Переводъ 20 ст. 8-й сатиры Ювенала: *Nobilitas sola est atque unica virtus.*

Ст. 83. *Презрѣвъ покой, снесъ ли ты.* Отъ сего стиха по 97-й есть подражаніе Боаловыхъ сат. V, отъ стиха 44 по 54.

Montrez nous cette ardeur qu'on vit briller en eux?
Ce zèle pour l'honneur, cette horreur pour le vice?
Respectez vous les loix? fuyez vous l'injustice?
Savez vous pour la gloire oublier le repos?
Et dormir en plein champ le harnois sur le dos?
Je vous connais pour noble à ces illustres marques, etc.

Ст. 86. *Судъ судя, забылъ ли ты страсти.* Забылъ ли ты свои страсти, которыя часто право судить мѣшаютъ.

Ст. 92. *Впредь воля и сила.* Ко всякому предпріятію одна воля не довольна, нужна и сила: много мы хотимъ, мало что можемъ.

Ст. 96. *Въриши ли, что всякъ человекъ тебѣ подобенъ.* Не предпочитаешь ли себя прочимъ людямъ? Чаешь ли, что они тебѣ подобны? Что ты ихъ не лучше, не безстрастнѣе; что они тебѣ въ добродѣтеляхъ соравняться могутъ, буде не превосходятъ?

Ст. 98. *Ектору или Ахиллу.* Ахиллъ, сынъ Пелея и Ѳетиды, былъ храбрый князь греческій. На троянскую войну отъ отца съ войскомъ посланъ, многіе свыше мѣры мужества знаки показалъ. Ектора, сына Приама, царя троянскаго, Еленина-же брата, за которую война взгорѣлася, убилъ и грековъ всѣхъ почти самъ одинъ спасъ отъ рукъ троянскихъ. Екторъ по Ахиллѣ былъ знаменитѣйшій мужествомъ въ помянутой троянской войнѣ.

Ст. 99. *Іулій и Александръ.* Іулій Цесарь, первый римскій императоръ, сынъ Луція Цесаря и Авреліи, Коттовой дочери, въ 17-е лѣто своего возраста получилъ чинъ великаго священника Юпитерова, потомъ чрезъ чины трибуна, квестора, едила и великаго Понтифекса, въ консулы происшедъ, въ томъ чину пять триумфовъ получилъ. Одолѣвъ Помпея, своего непріятеля, вѣчнымъ диктаторомъ объявленъ, и силою самовластіе досталъ, въ сенатѣ внезапно убитъ, умеръ 15-го марта 43 лѣтъ прежде Христа, поживъ 56. Александръ Великій, царь македонскій, сынъ Филиппа и Олимпіи, Даріевъ побѣдитель, родился іюля 6, 356 лѣтъ прежде Христа, умеръ въ Вавилонѣ, опоевъ ядомъ, въ 33-е лѣто своего возраста.

Ст. 102. *Не разнится съ царскимъ.* Разумѣется, съ царскимъ сыномъ.

Ст. 103. *Спросись хоть у Нейбуша.* Генераль-маіоръ Нейбушъ, пріятель нашего стихотворца, былъ знатный пиволубецъ; впрочемъ честный весьма человѣкъ и храбрый воинъ, къ которому онъ имѣлъ крайнее почтеніе.

Ст. 107. *Разнится потомкомъ быть и проч.* Понеже одна добродѣтель можетъ показать насъ благородными, какъ выше сего упомянуто. Разницу должно поставлять межъ истиннымъ благороднымъ и межъ тѣмъ, который отъ благородныхъ предковъ происходитъ; сего должно бы звать потомкомъ благородныхъ, а не благороднымъ.

Ст. 108. *Та-же и въ свободныхъ.* Свободный тутъ значитъ дворянина или всякаго вольнаго человѣка, не холопа. Межъ такимъ вольнымъ человѣкомъ и холопомъ природа ни какой разницы не поставила въ составѣ тѣла: та-жъ кровь, тѣ-жъ кости, та-же плоть. Потому ежели кто отъ холопа, отъ черни отличиться желаетъ, долженъ отличаться добрыми дѣлами, добрыми нравами. Одно имя дворянское не можетъ прикрыть наши пороки; а тѣ пороки, тѣ наши худые нравы скоро могутъ то при умныхъ людяхъ учинить, что они позабудутъ, что мы происходимъ отъ славныхъ и благородныхъ родителей.

Ст. 110. *Буквы.* Изъ которыхъ составлено титуло князя, графа и прочихъ степеней дворянства.

Ст. тотъ же. *Злости.* Злые нравы.

Ст. 112. *Истребятъ вдругъ древнія въ умныхъ память славы.* Сроднымъ порядкомъ рѣчей: вдругъ истребятъ въ умныхъ людяхъ память древнія славы. Чернь дивится будетъ твоимъ титуламъ, а умные люди, примѣчая твои злочинства, не только тебя презирать будутъ, но и совсѣмъ забудутъ древнюю славу твоего рода.

Ст. 113. *И чужихъ обнажена красныхъ перьевъ галка.* Въ одной Езоповой притчѣ читаемъ, что галка, укравши отъ разныхъ цвѣтныхъ птицъ перья, ими украсилася; но какъ скоро сіи увѣдали воровство, напали на нее, и всяка свои перья отобравъ, бѣдная галка осталася гола и въ насмѣшку всѣхъ зрителей. Таковъ дворянинъ безъ добродѣтелей, въ которомъ имя славное есть чужая украса.

Ст. 114. *Будетъ имъ.* Имъ—умнымъ людямъ.

Ст. 115. *Неправедно забыта бываетъ.* Стихотворецъ, показавъ, что имя благороднаго ничѣмъ не должно пользоваться злонравному, приступаетъ уже доказывать, что и службы предковъ не можно такому потомку приводить для полученія почестей и степеней. Для побужденія къ охотной службѣ нужно, чтобъ потомки плодами трудовъ предковъ своихъ наслаждались; понеже когда образецъ милости и благодарства вышшихъ въ комъ видимъ, тогда ревнуемъ

усердно, чтобъ могли и мы себѣ то-же получить, какъ же иначе въ смертныхъ насъ можно продлить образецъ тотъ, развѣ продолжая награжденіе потомству того, кто онаго первый достоинъ показался? Къ тому-же всякъ, разсуждая краткость жизни своей, не такъ бы прилежалъ въ пользу отечества, если бы награжденіе трудовъ не шло въ наслѣдство; любовь же отъ себя происшедшихъ убѣждаетъ и своего житія не щадить, чтобъ ихъ благополучное было. Но все вышепомянутое тогда нужно, когда потомки въ правахъ успѣваютъ, то есть благонравія виды издають и надежду являютъ, что нѣкогда могутъ быть полезны, и какъ обидно бы было лишать благонравныхъ потомковъ плода трудовъ ихъ предковъ, такъ безразсудно бѣ было потомкамъ всю надежду свою поставлять на однѣ тѣ предковъ службы, и затѣмъ самимъ унывать въ лѣности и въ другихъ злонравіяхъ.

Ст. 118, 119, 120. *Столбы сокрушаются* и проч. Не должно опираться на однѣ службы предковъ, понеже онѣ не даютъ намъ ни какого права требовать себѣ новое награжденіе, пока сами своими правами не заслужимъ того, чтобъ тѣ, кои награждать насъ могутъ, вспомнили службы нашихъ предковъ.

Ст. 121 по 125. *Свѣтлой воды* и проч. Предки тебѣ трудами своими расчистили ключъ воды чистой, сирѣчь дорогу къ чинамъ, къ богатству, къ славѣ; вольно тебѣ пользоваться ихъ трудомъ, но не лзя пользоваться, буде не станешь черпать чистою чашею, т. е. буде самъ ты не очистишь себя отъ злонравія, буде не приложишь собственный трудъ.

Ст. 125. *Ты самъ праотцевъ твоихъ*. Смотри выше сего стихъ. 32 по 46.

Ст. 126. *Пала она и дѣламъ и праву*. Предки твои достали свою славу чрезъ свои нравы и чрезъ свои дѣла.

Ст. 133. *Потричь на оселку, другъ*, и проч. Ты самъ призналъ, что предки твои достали свою славу трудами своими и своимъ добронравіемъ. Потому разсмотри самъ свои дѣла, и потомъ суди, являешь ли ты въ себѣ такой знакъ благороднаго рожденія, и правильны ли твои жалобы, что тебя забываютъ въ углу, когда подлыхъ ¹⁾, но добронравныхъ въ чины производятъ. Извѣстно, что на оселку трутъ серебро и золото, чтобъ вызнать тѣхъ рудъ доброту.

Ст. 135. *Пльзъ пѣтухъ* и проч. Сатирикъ начинаетъ Евгеніеву жизнь изслѣдовать, чтобъ ему доказать, что ни какой заслуги и хвальнаго нрава и знанія въ себѣ не имѣетъ, и что потому достоинъ быть забытымъ.

¹⁾ Т. е. не дворянъ.

Ст. 136. *Тогда войско выводили.* Подражаніе десятого стиха VIII Ювеналовой сатиры:

. Si dormire incipis ortu
Luciferi, quo signa duces & castra movebant.

Ст. 142. *Пойло, что шлетъ Индія.* Кофе или шоколадъ. Лучшій кофе приходитъ изъ Аравіи, но и во всѣхъ Индіяхъ тотъ овощъ обилень. Всѣмъ ужъ у насъ извѣстно, что тотъ овощъ, сжаривъ, смоловъ мелко и сваря въ водѣ, вмѣсто завтрака служить, и прихотливымъ въ забаву послѣ обѣда. *Шоколадъ* есть составъ изъ орѣха, *какао* называемый, который растетъ въ Индіяхъ Западныхъ, изъ сахару и изъ ванили, другаго пахучаго овоща той же Индіи. Тотъ составъ варятъ въ водѣ или молокѣ, и пока варится оный, часто болтаютъ, чтобъ пить горячій съ пѣною, и то пойло вмѣсто завтрака принимается во всей почти Европѣ.

Ст. тотъ-же. *Иль везутъ съ Китая.* Сирѣчь чай. Всѣмъ извѣстно же, что лучшій чай (пахучій и вкусный листокъ дерева такъ называсяго) приходитъ изъ Китая, и что того листика вложивъ щепень въ горячую воду, вода та становится, приложивъ кусокъ сахару, пріятное пойло.

Ст. 145. *Женскихъ достойную плечь.* Евгеній спитъ до полудня, и позднѣе, проснувшись, тянется и нѣжится въ постели, пока по завтраку начинаетъ убирать свои волосы. Для того убору вскинетъ на плечи тонкую полотняную завѣску, которая въ то время обыкновенно вздѣвается, чтобъ остеречь платье или рубашку отъ пудры, что на волосы сыплется.

Ст. 146. *Волось съ волосомъ прибираешь къ чину.* Завиваешь кудри и устроишь волосокъ къ волоску съ многимъ прилежаніемъ, чтобъ всѣ лежали красиво и порядочно.

Ст. 147. *Часть надъ лоскимъ лбомъ* и проч. Такъ щегольство раздѣляетъ волосы убранные на три доли: часть обыкновенно надъ лбомъ, коротенько обрѣзавъ, гребнемъ торчитъ, часть свободно играетъ, завиты въ колечки, и большая часть къ темю, связавъ тесьмою, владывается въ черный тафтяной мѣшокъ, который виситъ по спинѣ.

Ст. 150. *Племя тебѣ подобныхъ.* Такому искусному убору волосъ твоихъ дивятся люди тебѣ подобные, которые всю свою славу въ убранствѣ ставятъ. Умный человекъ презираетъ внѣшнюю и объ одной внутренней украсѣ печется.

Ст. 151 и 152. *Ты самъ новый Нарциссъ жадно глотаешь очми себя.* Тебѣ подобные дивятся твоему убранству; да ты и самъ, какъ Нарциссъ, не можешь на себя наглядѣться, жадно себя въ зеркалѣ

своемъ смотришь и любишься. *Нарциссъ* по баснословію древнихъ былъ сынъ рѣки Цефица и нимфы Лиріопеи, столь красивый, что всѣ въ него влюблялись. Въ жаркіе лѣтніе дни, приклонився онъ въ колодезь напиться и увидѣлъ себя, и самъ въ себя влюбился; но узнавъ, что самъ собою свою похоть исполнить не можетъ, съ печали умеръ.

Ст. 153. *Потъ съ слуги валится.* Слуга, надѣвая тебѣ тѣсные башмаки, вспотѣлъ.

Ст. 154. *Въ два мозоли и тебѣ.* Тѣсные башмаки часто натираютъ мозоли; однакожъ щеголь готовъ и тою болѣзнію купить красую, чтобъ имѣть маленьку ножку.

Ст. 155. *Избитъ полъ и подъ башмакъ.* Чтобъ натянуть тѣсный башмакъ на ногу, нужно долго и сильно бить ногою въ полъ, и подмазывается тогда подошва башмака мѣломъ, чтобъ не скользить, и тѣмъ лучше опираться можно было.

Ст. 156. *Деревню вздѣнешь.* Вздѣнешь кафтанъ пребогатый, который сталъ тебѣ въ цѣлую деревню. Видали мы такихъ, которые деревни свои продавали, чтобъ себѣ сшить уборный кафтанъ.

Ст. 157. *Не столько стало народъ.* Стихъ, у Виргилія взятый въ Енеидѣ, книгѣ I:

Tantae molis erat Romanam condere gentem.

Смотри тамъ, какіе были труды Енеевы, пока прибылъ въ Италію и поселилъ своихъ людей. Не меньши были труды его наслѣдниковъ въ утвержденіи и распространеніи римской области.

Ст. 159. *Щегольства и моды.* *Мода* слово французское, *Mode*, значить обыкновение въ платьѣ и уборахъ и самыхъ нравовъ чело-вѣковъ. Крестьяне у насъ называютъ *повѣрьемъ*.

Ст. 161 и проч. по 165. *Чтобъ лѣтамъ сходенъ былъ цвѣтъ* и проч. Щегольскія правила требуютъ, чтобъ красный цвѣтъ, а наипаче шипковый не употреблять тѣмъ, коимъ двадцать лѣтъ минули; чтобъ не носить лѣтомъ бархатъ, или зимою тафту, или въ городѣ зеленый кафтанъ, понеже зеленый цвѣтъ въ полѣ только приличенъ.

Ст. 170. *Фалды должны тверды быть.* Когда сатира сія писана, обычай былъ, чтобъ фалды торчали тверды, а не висѣли бѣ по ногамъ, для того подшивали ихъ ситою.

Ст. 171. *Въ полъ-аршина глубоки.* Глубина фалда есть ширина его сгибы.

Ст. 172. *Согнувъ кафтанъ, не были бѣ станомъ все покрыты.* То есть, чтобъ станъ былъ короче, нежели разстояніе межъ клиньями и подоломъ кафтана,

Ст. 178. *И Рексу.* Рексъ портной. Смотри примѣчаніе о немъ подъ стихомъ 26-мъ сатиры I.

Ст. 179. *Въ обѣдѣ и на ужинѣ.* Филаретъ, описавъ каково Евгений проводить время предъ обѣдомъ, въ чрезмѣру излишнемъ попеченіи о уборѣ своего тѣла, уже вступаетъ изслѣдовать прочіе его пороки. Пьянство первое встрѣчается, ибо пьянымъ часто свѣча въ глазахъ двоится, и полъ кажется подъ ногами вертится.

Ст. 186. *Вздутымъ поднять пузырямъ.* Пока Евгений, пьючи и обжираяся, толпа льстецовъ выхваляютъ въ немъ для своей корысти то, чего въ немъ сами не находятъ; онъ имъ довѣряетъ, и тѣмъ разгордѣвъ, чаеъ, что прочіе люди съ нимъ примѣняться не могутъ. Извѣстно, что младенцы подвязываютъ себѣ цузыри, чтобъ способнѣе плавать въ водѣ.

Ст. 188. *Оглянись намѣстниковъ.* Выше сего Евгений сказывалъ, что изъ его предковъ никто не былъ ниже думнаго боярина или намѣстника, и для того Филаретъ насмѣшкою называетъ его *чистымъ стѣменемъ царскихъ намѣстниковъ.*

Ст. 193. *То время.* Въ которомъ, сирѣчь, похлебники твои уже и въ глаза тебѣ станутъ смѣяться.

Ст. 194. *Пестрыхъ пучки бумагъ.* То есть карты, въ которые всю жизнь свою играешь.

Ст. 196. *Деревня со скотомъ.* Промоталъ ты уже не одну деревню, которую купилъ у тебя человекъ незнатный, кузнецъ, но человекъ умный, бережный, прилежный.

Ст. 200. *Приложился сильный жаръ.* Безпрестанную игру и невоздержность въ похотяхъ приуподобляетъ сатирикъ двумъ болѣзнямъ, жару и поносу; въ самомъ дѣлѣ злонравія суть душевныя болѣзни.

Ст. 201. *Часто любишь опираться.* Любишь часто валяться на постелѣ въ праздности и бездѣліи.

Ст. 202. *Въ томъ.* Сирѣчь, въ тунеядствѣ.

Ст. 203. *Но ты, что стѣнахъ твоей.* Сіи рѣчи Филаретовы относятся къ стиху 41-му, гдѣ Евгений упоминалъ о салѣ своихъ палатъ. «Хвастаешь», говоритъ ему Филаретъ, «старымъ родомъ, заслугами предковъ, а самъ не только всякими злонравіями изобилуешь, но и всякаго приличнаго знанія и искусства лишаешься: въ началѣ и читать не умѣешь».

Ст. 205. *И помощь чужая нужна, чтобъ знать.* Буде читать Евгений не умѣетъ, еще больше невѣжъ въ искусствѣ военныхъ наукъ.

Ст. 206. *Черту, что копая и проч.* Сирѣчь *шанцы.* Всѣмъ извѣстно, что когда приступъ чинится къ городу, войско осаждающее, для безопаснѣйшаго приближенія къ стѣнамъ, копаетъ прямые рвы,

въ которые врывается идучи, и кидая землю противъ стѣнъ, чтобъ тою защищаться отъ городской стрѣльбы.

Ст. 208. *Гдѣ стѣны часть одна помалу.* Гдѣ, сирѣчь, стѣна городская разбита пулями, гдѣ подорвана подкопомъ.

Ст. 212. *Спомочникъ.* Вмѣсто помочь.

Ст. 213. *Рѣдкимъ полкамъ.* Рѣдкимъ за падежемъ убитыхъ въ бою.

Ст. 213 и 214. *И гдѣ ужъ отмѣненны силы.* Обыкновенно непріятель, чрезъ всякіе способы извѣдавъ состояніе войска, противъ котораго биться имѣется, наступаетъ съ той стороны, гдѣ знаетъ слабѣйшимъ; потому искусный воевода иногда благовременно предъ самымъ боемъ отмѣняетъ расположеніе полковъ своихъ, и тѣмъ прельщаетъ надежду оплошнаго непріятели, который, чая напасть на слабый полкъ, находитъ противъ себя цвѣтъ всего войска.

Ст. 215. *Много вышнихъ требуетъ.* Дворянству предлежать три рода службы: военная, судейская, придворная; во всѣхъ тѣхъ къ исправленію должности своей, наипаче въ вышнихъ степеняхъ, требуется много различныхъ знаній и искусствъ. То самое Филаретъ начинаетъ изъяснять Евгенію; не долженъ однакожъ читатель искать въ забавныхъ стишкахъ подробное изслѣдованіе всѣхъ тѣхъ знаній, на которое дѣло цѣлыя большія книги уже отъ искуснѣйшихъ составлены.

Ст. 216 и 217. *И входъ и исходы и мѣсто.* Искусный воевода предъ боемъ прилежно изслѣдуетъ не только чѣмъ бой начать и какъ мѣсто занять удобнѣйшее, но какъ изъ бою выйти, наипаче ежели случится неудачливъ, чтобъ по меньшей мѣрѣ оставшихъ людей спасти. Расположеніе войска къ бою должно быть главнѣйшее попеченіе воеводы, понеже обыкновенно отъ того зависитъ удача или несчастіе битвы.

Ст. 218 и 219. *Лишней безопасности.* Множество примѣровъ въ исторіяхъ находимъ, что лишняя безопасность воеводъ была пагубна и самымъ побѣдоноснымъ войскамъ, для того нужно не спускать съ глазъ непріятели, всегда за нимъ смотрѣть и извѣдывать о его намѣреніи и поступкахъ, такъ чрезъ посольныхъ, какъ и чрезъ перемѣтчиковъ. О славномъ послѣдняго Цесаря воеводѣ принцѣ Евгеніи Савойскомъ примѣчено, что онъ ни денегъ, ни трудовъ въ томъ не жалѣлъ, и всегда отъ того великую пользу получалъ.

Ст. 221. *О обильности въ своемъ таборѣ печется.* Безъ корму сила воиновъ ослабѣваетъ, и часто хлѣба недостатокъ производитъ недовольство, жалобы и иногда крамолу; кромѣ жъ того воевода долженъ воиновъ почитать дѣтьми своими, не допускать ихъ лишаться потребнаго не къ прохладному, но къ нужному пропитанію;

часто же недостатокъ припасовъ причиною бываетъ сдачи городовъ и войскъ цѣлыхъ.

Ст. 222 и 223. *Любовь ему предпочтется войска чѣмъ.* Весьма нужно воеводѣ держать войско и подчиненныхъ себѣ полководцевъ въ нѣкоемъ приличномъ къ себѣ почтеніи и въ страхѣ, чтобы лишнее безстрашіе не привело ихъ въ своевольство; но не меньше долженъ заслужить себѣ ихъ и любовь. Кто страшень только, а не любимъ, тотъ подлинно ужъ ненавидимъ, и воиновъ сердца подъ такимъ воеводою не только унывають, но иногда въ дѣйствѣ нарочно они славу свою презирають, чтобъ могли воеводскую ущербить.

Ст. 224. *Отцемъ невинный народъ.* Война производится противъ вооруженнаго непріятеля, потому всякое озлобленіе безоружнаго невиннаго народа, каковы суть въ селахъ крестьяне, мѣщане въ городахъ, не согласуется правамъ военнымъ и человѣколюбію противно. Многіе воеводы такой народъ утѣсняють, грабятъ, мучать, чтобъ ихъ бѣдными пожитками обогатиться. Тѣ воеводы о благѣ отечества своего не пекутся; ибо извѣстно, что охраненіе народовъ ихъ сердца всего легче къ побѣдителю склоняетъ. Скорѣе завоюетъ землею тотъ, кто съ жителями ласково поступаетъ, чѣмъ тотъ, кто рубить и жжетъ безъ разбору и безъ милости: суровость не обыкла производить вѣрныхъ подданныхъ.

Ст. 235. *Какъ тебѣ въпритъ корабль.* Слѣдуетъ уже разсужденіе о должностяхъ мореплавателей и морскихъ воеводъ.

Ст. 237. *Гладкихъ испугался ты водъ.* Гладкихъ водъ, то есть тихой воды, каково въ прудѣ въ безвѣтренное время.

Ст. 239. *Мѣдное сердце.* Жестокое, отважное, несломимое сердце противъ всякаго страху. Хотя и сухопутная военная служба трудовъ и бѣдства исполнена, однакожъ много больше морская, понеже на сухомъ пути воюемъ съ однимъ непріателемъ, на морѣ съ непріателемъ, съ вѣтрами, съ водою. Смерть со всѣхъ сторонъ обстоитъ и толстота доски корабельной одна отъ нее мореплавателей отдѣляетъ.

Ст. 240. *Одна отдѣляетъ отъ нее доска.* Подражаніе слѣдующихъ Ювеналовыхъ стиховъ сатиры его XII:

I nunc, et ventis animam committe, dolato
Confisus ligno, digitis a morte remotus
Quatuor, aut septem, si sit latissima taeda ¹⁾.

¹⁾ Ступай теперь и ввѣрь свою душу вѣтрамъ, положившись на остроуганную доску, удаленный отъ смерти только на четыре пальца, или на семь, если доска слишкомъ толста.

Ст. 242. *Твоя душа требует грань съ нею.* Мореплавцы на четыре пальца только отъ смерти отстоятъ; твоя трусливая душа требуетъ гораздо большее отъ смерти разстояніе.

Ст. 247. *Съ самаго укрѣпленныхъ дѣтства.* Труды морской службы столь велики, что въ самомъ дѣлѣ должно съ самаго младенчества къ нимъ обывать, чтобъ могли казаться сносны. Между прочимъ извѣстно, что движеніемъ корабельнымъ сердце мутится у тѣхъ, кои измолода къ тому движенію не пріобыкли.

Ст. 252. *Лучами своими* и проч. по стихъ 255. Для учрежденія корабельнаго пути въ морѣ умъ человѣческой между прочимъ два способа изобрѣлъ: наблюденіе свѣтилъ небесныхъ и компасъ. Тѣмъ познаваетъ мѣсто, гдѣ корабль находится; симъ—въ которой сторонѣ лежитъ востокъ, западъ, югъ и сѣверъ. *Компасъ* есть ящичекъ, въ которомъ въ срединѣ втвержена спичка мѣдная, а на ней поставлена иглока желѣзная, на камень магнитъ потертая, такимъ образомъ, что на спичкѣ та игла свободно лежать и оборачиваться можетъ. Магнитъ такую силу въ себѣ имѣетъ, что той иглы одинъ конецъ направляетъ всегда къ сѣверу, другой къ полдню.

Ст. 260. *Часъ ужасный.* Время ужасное мореплаванія въ буряхъ и опасныхъ мѣстахъ.

Ст. 261. *Надъ нимъ занять вѣтръ способный.* Немалой важности въ корабельномъ бою забраться подъ вѣтръ такимъ образомъ, чтобъ съ нашего корабля дулъ на непріятельскій.

Ст. 265. *Трубка и компасъ.* Трубка зрительная, которою наблюдаются звѣзды и прочія свѣтила небесныя. Много еще и другихъ астрономическихъ орудій употребляется на морѣ, которыя въ одной трубкѣ стихотворецъ включаетъ. О компасѣ смотри выше примѣчаніе подъ стихомъ 252.

Ст. 266. *За краснымъ судить сукномъ.* Стихотворецъ начинаетъ изслѣдовать должности судей и правителей гражданскихъ.

Ст. 268. *И рѣчиста денга.* Деньги всякаго довода сильнѣе при лакомыхъ судьяхъ, для того *рѣчистою* названы; сильны онѣ къ всему склонить, къ всему уговорить своего любителя.

Ст. 283. *Указы Петровы.* Указы должно разумѣть и уставы Императора Петра Великаго, отъ которыхъ народъ получилъ столько пользы. Извѣстно, что Его Величество почти собственными трудами издалъ Военный, Морской и Сухопутный Уставъ; Гражданскій старый, подъ титуломъ Уложенія, пополнилъ многими мудрыми указами; составилъ Регламентъ церковный, по которому Синодъ церковныя дѣла править.

Ст. 290. *Что махнулъ рукою вмѣсто правой лвоюю.* За малѣйшую вину, каково есть махнуть одною рукою вмѣсто другой, буде

то виною назвать можно, бьешь до крови слугу. Весьма обличенія достойна такая суровость господъ къ служителямъ. Должно бы и къ виновнымъ поступать съ милостью, и сколько можно отдаляться побоевъ; а когда и нужда настанетъ къ наказанію, наказывать беззлобно и въ одномъ намѣреніи, чтобъ наказуемаго исправить, и его примѣромъ другихъ отъ злочинства удержать, а не для насыщенія склонности своей къ озлобленію человѣка, который обороны противъ насъ не имѣетъ.

Ст. 299. *Арапскаго языка*. Судья долженъ не только быть украшенъ различными добродѣтелями, и наипаче соболѣзнованіемъ, но знать исправно естественныя права, нашъ гражданскій уставъ и всѣ указы и уставы Петра Великаго. Ты надъ бѣднымъ и больше надъ слугою своимъ оказываешь свое безчеловѣчіе, деньги свои истощая безпутно, подлинно къ деньгамъ ты лакомъ; а въ знаніяхъ приличныхъ судейскому чину столько невѣжа, что и самыя рѣчи *право, законъ* кажутся тебѣ рѣчами арапскаго языка, дикими русскому уху.

Ст. 301. *Если въ тѣ чины не годъ*. Филаретъ столь сильно доказалъ Евгенію его недостатки и пороки, для которыхъ ни какимъ образомъ требовать бы не долженъ, чтобъ произведенъ былъ въ морскіе или сухопутные воеводы, или въ судьи и губернаторы, что Евгенію отвѣтствовать ничего не оставилъ. Предвидитъ однакожъ, что можетъ представить, что придворная служба такихъ искусствъ и знаній не требуетъ, и что потому обижаютъ его Евгенія, когда ему подобныхъ, каковъ наприкладъ *Клитъ* (вымышленное лицо), производятъ въ камергеры, а онъ еще забытъ остается. Для того Филаретъ принимается изъяснить, что и придворному человѣку нужно не меньше свойствъ добрыхъ и искусства. Въ самомъ дѣлѣ, плохо тѣ судятъ, кои чаютъ, что одно дворянское имя и богатство довольны тому, кто въ Дворѣ жить уставишь; бѣдства и тамъ подлежатъ, которыхъ миновать не мало благоразсудства требуется; не безъ труда достать себѣ тамъ вышшихъ милость, равныхъ любовь, подчиненныхъ почтеніе.

Ст. 302. *Ключъ золотой*. Камергеры носятъ такой ключъ въ знакъ своего чина. Однимъ камергерскимъ чиномъ сатирикъ разумѣетъ всякое придворное достоинство.

Ст. 304. *Изъ нашего круга*. Намъ подобнаго.

Ст. 305. *Клита въ постели* и проч. Ты удивишься, что Клитъ добился въ такой чинъ, какой ты достать не можешь; но посмотри, какая разница межъ нимъ и тобою. Ты лѣнивъ, тянешься весь день въ постели или въ забавахъ и похотей насыщенія время про-

вожаешь; онъ прежде зари ходитъ къ сильнымъ людямъ на поклонъ, кланяется всякому и самимъ слугамъ и проч.; къ тому жъ молчаливъ, таитъ свои намѣренія, всякому льститъ и проч., и сверхъ всего Клитъ счастливъ, а не должно счастливыхъ себѣ брать въ образецъ.

Ст. 306. *Въ крестовой.* У знатныхъ, у сильныхъ людей въ крестовой.

Ст. 309. *Слова точно мѣритъ.* Умѣряетъ свои слова по времени и по лицу, съ кѣмъ говоритъ.

Ст. 310. *Никому почти онъ не вѣритъ.* Всегда остороженъ противъ наветовъ; не всякому довѣряетъ; легковѣрный скоро въ обманъ пасть можетъ.

Ст. 311. *Новыхъ людей.* Людей, которые изъ незнати въ силу и великія степени пришли.

Ст. 314. *Идущи прямо въ цѣль.* Клитъ не спитъ, томится въ переднихъ, кланяется, ласкаетъ, трудовъ своихъ не жалѣетъ для исполненія своего желанія; упрямо о томъ одномъ домогается, что получить желаетъ, ничего его отвратить отъ своего намѣренія не сильно. Такой терпѣливости люди рѣдко бываютъ неудачливы.

Ст. 315. *Иныхъ свойствъ не требуетъ.* Счастливому безъ всякаго труда все удается: глупъ ли, лѣнивъ ли, лишенъ ли всякаго знанія и достоинства, счастье всѣ тѣ недостатки награждаетъ.

Ст. 316. *А у Клита безъ того.* Ежели кто особливаго счастья ласку не заслужилъ, тотъ долженъ имѣть искусства и знанія нѣкія, желая жить въ Дворѣ царскомъ. У Клита нѣчто занять онъ долженъ, сирѣчь не всѣмъ его поступкамъ подражать, но нѣкоимъ приличнѣйшимъ, которые ниже сего изъяснены будутъ.

Ст. 318. *Чтобъ крылья къ солнцу подшесть.* Дедалъ, аѳинеецъ, изобрѣтатель многихъ дивныхъ механическихъ орудій, заключенъ бывъ съ сыномъ своимъ, Икаромъ, въ лабиринтъ острова Критскаго, придѣлалъ себѣ и сыну крылья изъ перьевъ и воску, и тѣмъ оттуда вылетѣлъ; но Икаръ излишно высоко поднялся, жаръ солнечный растопилъ воскъ его крыль и палъ онъ въ море Егейское, которое потому называлось *Икарскимъ*. Къ сей баснѣ относятся слова сатириковы, приподобляя государя солнцу. Придворные ему близки весьма и потому стеречись должны, чтобъ излишно какъ Икаръ подымаяся, не растопились ихъ крылья, и не встрѣтили свою гибель.

Ст. 319. *Короткій языкъ.* Должно у Клита занять короткій языкъ, сирѣчь умѣренность въ словахъ, и лицо, которое бы свободно могло и печальнымъ и радостнымъ казаться, примѣняя по

лицу тѣхъ, съ коими находимся. Такое беззлое притворство правоучители добродѣтелью почитаютъ, подъ именемъ *Simulatio* и *Dis-simulatio*.

Ст. 322. *Честнѣе будетъ онъ другъ*. Клить всѣмъ другъ является, всякому льстить; не худо и въ томъ ему подражать; но гораздо лучше являться и самымъ дѣломъ быть другомъ всякому.

Ст. 326. *Но и кто правду молчитъ*. Правда глаза колетъ, по пословицѣ; потому часто прилично правду молчать, но однакожь не такимъ образомъ, чтобъ ее укрывать ложью, сирѣчь можно не объявлять правду, но отлыгаться не должно.

Ст. 331. *Ползати не советую*. Не советую подражать Клиту въ снисканіи себѣ милости вышнихъ, или дружбы равныхъ всякими подлыми поступками, но весьма не хвалю быть спѣсивымъ; должно и въ томъ держаться середки, сирѣчь быть смирнымъ, учтивымъ, услужнымъ.

Ст. 332. *Искати опасаясь*. Всѣхъ показанныхъ нужныхъ придворному свойствъ въ тебѣ искать опасаясь, для того, что знаю, что ихъ въ тебѣ не найду, и слѣдовательно тебя въ большую обрзу приведу.

Ст. 337. *Пороки, кои теперь*. Пороки, недостатки, невѣжество и злонавіе твое, которые теперь таятся въ твоей незнатности, всему свѣту откроются, когда ты произойдешь въ высокій чинъ, понеже весь народъ на людей высокихъ степеней зоркіе глаза наводитъ.

Ст. 339. *Не поблѣднѣвъ всходитъ*. Сирѣчь, безъ страху всходитъ, понеже блѣдность обыкновенно знакъ боязни.

Ст. 356. *Полезенъ всѣмъ быть начинаетъ*. Добрый человекъ въ партикулярномъ состояніи не многимъ полезенъ быть можетъ, если же произведенъ бываетъ въ знатное достоинство, рѣдко кто доброту его не искуситъ.

Ст. 357. *Въ Дамонъ, въ Луцій и въ Туллій*. Смотри примѣчаніе въ сей сатирѣ подъ стихомъ 16-мъ.

Ст. 360. *Слава наша съ трудовъ ихъ*. То есть, слава наша отъ ихъ трудовъ нѣсколько возрасла; нѣчто они своими трудами помогли къ возвращенію славы нашего отечества.

Ст. 361. *Въ царство Ольгино*. Смотри примѣчаніе подъ стихомъ 32-мъ и 38-мъ. (Синописисъ истор. русской, листъ 44).

Ст. 366. *Когда Русь греки крестить стали*. Россійскій народъ въ христіанскую вѣру началъ приходить въ царство Ольгино, лѣта Христова 855.

Ст. 371 и 372. *Одно съ двухъ чадо его садъ копалъ, другой пасъ блеющее стадо*. Каинъ, Адамовъ сынъ, былъ земледѣтель, а Авель

пастухъ, такъ объ нихъ говоритъ Моисей: и бысть Авель пастырь овецъ, Каинъ же бѣ дѣлая землю. *Бытія* глава.... *Блеющее стадо*. Стадо овецъ, ибо овцы блеютъ.

Ст. 376. *Оставя дудку, соху*. Оставя пастушество и земледѣльство; дудку обыкновенно пастухи употребляютъ, а соха есть земледѣльное орудіе.

САТИРА IX.

КЪ СОЛНЦУ.

(*На состояніе свѣта сего*).

- ¹ Солнце! хотя существѣ твое столь есть чудно,
Что ему въ вѣкъ довольно удивиться трудно,—
Въ чемъ намъ и свидѣтельство древни показали,
Когда тебя за бога чрезъ то почитали—
- ⁵ Однако, могъ бы я то признать несомнѣнно,
Что было бѣ ты въ дивности твоей переменѣнно,
Если бѣ ты въ себѣ живѣсть и чувства имѣло,
Чѣмъ бы могло всякое въ свѣтѣ познать дѣло.
Буде бѣ честь отъ насъ Богу ты узнать желало,
- ¹⁰ Въ первыхъ бы суевѣрій бездну тутъ сыскало.
Мужикъ, который соху оставилъ недавно,
Аза въ глаза не знаетъ и болтнуть исправно,
А прислушайся, что врѣтъ и что его вздоры!
Вѣдь не то, какъ на Волгѣ разбиваютъ воры.
- ¹⁵ Да что жъ? Онъ ты воротить богословски рѣчи:
Какія предъ иконы должно ставить свѣчи,
Что теперь въ церквахъ вошло старинѣ противно;
Какъ брадобритые терпятъ Богъ, то ему дивно.
На что, баетъ, біблію отдають въ печати,
- ²⁰ Котору христіанамъ больно грѣшно знати?
Вонъ иной, зачитавшись, да ереси сѣетъ,
Говоритъ: „не грѣшенъ тотъ, кто бороду брѣетъ“.
Парики ужъ всякъ знаетъ, что дьявольско дѣло,
А онъ, что то не грѣшно, одно споритъ смѣло;
- ²⁵ Платье нѣмецко носить, да притомъ манжеты;

- Кто ихъ назоветъ добромъ? все—адски примѣты;
А таки сказуютъ, что то непротивно Богу.
Охъ! какъ страшно и слышать такую хулу многу!
Все жъ то се нѣтъ ничего¹⁾; вонъ услышимъ новый
30 Отъ него твердъ документъ, давно ужъ готовый
„Какъ (говорить) библию не грѣшно читати,
Что она вся дѣржится на жидовской стати?
Вонъ де за то одного и сожгли недавно,
Что зачитавшись тамъ, сталъ Христа хулить явно.
35 Ой нѣтъ, надо библии убѣгать, какъ можно,
Бо зачитавшись въ ней, пропадешь безбожно²⁾.
Есть и безъ нея что чѣсть, лишь была бъ охота,
Вотъ полно мнѣ мѣшаетъ домашняя забота,
А то бъ я купилъ книгу, котору не знаю
40 Какой пустынный писаль, да Семикъ быть чаю.
Такъ то-то уже книга, что ажъ уши вянутъ,
Какъ было грамотники у насъ читать станутъ!
Тамъ писано, какъ земля четырьмя китами
Стоитъ, которы еѣ подперли спинами;
45 Сколько солнце всякой дѣнь миллионовъ ходитъ,
И гдѣ оно въ палаты въ отдышку заходитъ;
Какъ въ нынѣшнее время не будутъ являться
Святцы и богатыри; что люди мерзятся
Брадобритіемъ и всѣмъ басурманскимъ нравомъ,
50 Не ходя въ старомъ отцовъ преданіи правомъ.
Все тамъ есть о старинѣ съ мала до велика.
Сказать мнѣ все подробну не станетъ языка.
Все жъ то се еще сошникъ²⁾ плестъ безмозгло смѣтъ;
Все вретъ, хотъ слова складно молвить не умѣтъ.
55 Кто жъ опишетъ, которы по грамотѣ бродятъ?³⁾
Тѣ только суевѣріе все въ народѣ родятъ;
Отъ сихъ безмозглыхъ головъ родятся расколы;
Всякой престонародной въ нихъ корень крамолы;
Что же пѣанство, то у нихъ въ самомъ живомъ цвѣтѣ.
60 Тая-то вещь имъ мнится всѣхъ святѣйша въ свѣтѣ.

- Нутко скажи такому́, что всякъ день воскресный
Не въ пьянствѣ должно справлять во всей поднебесной,
Но лучше бѣ въ учѣніяхъ церковныхъ медлѣти,
Нежѣ на кабакахъ пьянымъ безчинно шумѣти:
- 65 То ужѣ онѣ ти понесѣтъ представлять резоны,
Что съ ума ты собьѣтъ, хоть ты какъ будѣ ученый.
Выйметъ тебѣ съ сундука тетради цвѣлыя⁴),
Предложитъ исторіи всѣ сполна святыя,
Не минетъ и своего отца Аввакума⁵):
- 70 Такъ его запальчивость тутѣ возьметъ угрюма,
И тотчасъ тѣ предложивъ, начнетъ уличати:
„Грѣшно де весь день будетъ Богу докучати.
Смотри, что исторіи въ себѣ заключаютъ:
Вѣдь и въ небѣ обѣдни въ часы отпѣвають,
75 А не весь день по вашему въ молитвѣ трудятся;
Отпѣвъ часъ урочной, тамъ съ Богомъ веселятся“.
Сей то мужъ въ философіи живетъ ненарушно:
Признаютъ то пьяницы всѣ единодушно;
Сей и Аристотелю¹) не больно уступить,
- 80 Паче когда и мудрости вина кружку купить.
Да чтожѣ симъ дивиться? Вонѣ на пастырей взглянемъ,
Такъ тутѣ-то уже развѣ дивяся устанемъ.
Хочетъ ли кто божьихъ словъ въ церкви поучиться
Отъ пастыря, то я въ томъ готовъ поручиться,
85 Что, ходя въ церковь, не разъ потомъ оболъется,
А чуть ли о томъ отъ нихъ и слова добъется.
Если жѣ бы онѣ подошелъ къ попу на кружало²).
То ужѣ тамъ однихъ ушейъ будетъ ему мало,
Не переслушаешь рѣчь его медоточну:
- 90 Опишетъ онѣ тамъ кругомъ церковь всю восточну.
Да какъ? Не учѣніемъ вѣдь здравымъ и умнымъ,
Но суевѣрнымъ мозгомъ своимъ съ вина шумнымъ,
Плететъ тутѣ безъ разсмотрю и безъ стыда враки;
Въ первыхъ, какъ онѣ искусенъ всѣ совершать браки,
95 Сколько разъ коло стола обводити знаетъ

- И какой стихъ за всякимъ ходомъ прищѣваетъ.
То все это разсказавъ, станетъ поучати,
Какъ съ честью его руку должно цѣловати.
„Не знаю (говорить), какъ тѣ люди спасутся,
100 „Что давать намъ на церковь и съ деньгами жмутся.
„Вѣдь вотъ не съ добра-де моя въ заплатахъ ряса;
„Вонъ дома назавтра нѣтъ купить на что мяса,
„Все де чортъ склонилъ людѣй и съ нѣмцами знаться.
„О проклятiя, зачѣмъ насъ дарить скупятся?
105 „Какъ такiе исцѣляютъ души своей раны,
„Что не трепещутъ смѣло знаться съ бусурманы?
„Каки бѣ они нѣ были, да только не русски;
„Надобно бѣ ихъ отбѣгать: ужъ въ нихъ путь не узкій,
„Но широкiя вратá къ пагубѣ доводятъ,
110 „Они жъ, не смотря на то, смѣло туда входятъ!
„А намъ де уже затѣмъ пересѣклась дача
„И съ просфирами, увѣ! бѣдствъ достойныхъ плача!“
И если тѣ рѣчи поверстать бы въ дѣло,
То бѣ казанье, напился съ залишкомъ всецѣло.
115 Какъ же, на такихъ смотря, ужъ простолюдины
Къ заблужденiю себѣ не возьмутъ причины?
Все жъ то это мелкотѣ я здѣ предлагаю,
Которую по силѣ могу знать и знаю;
Вышшихъ же разсужденiй чрезмѣрну примѣту
120 О безднѣ суевѣрiй списать силы столько нѣту.
Такiе то виды сѣуть нашей къ Богу чести,
Не поминая чудесъ притворныхъ и лести.
Не думай же, что все тѣтъ: нѣтъ тысячной части;
Списать то все, какъ надо—въ обморокѣ пасти.
125 Довольно и сихъ тебѣ я собралъ къ примѣру.
Еще мало осмотримъ нашу къ властямъ вѣру.
Смотри: купецъ, украшенъ въ поясъ бороною,
Въ святомъ и платѣ ходить, только не съ клюкою,
Во всемъ правдивъ, нáбоженъ: прiидеть до иконы,
130 Полъ весь заставитъ дрожáть, какъ кладетъ поклоны!

- И чаялъ бы ты, что онъ весь въ правости важенъ;
Погляди жъ завтрѣ, ажъ гдѣ? Ужъ въ тюрьмѣ посаженъ.
Спросишь: „за что тутъ мужъ сидитъ святой и старый?“
Воровствомъ безъ пошрины провозилъ товары.
- 135 Этакой святецъ! Вотъ чтò дѣлаетъ безгрѣшный!
Къ Богу лицемѣръ, къ власти воръ и хищникъ спѣшный!
Да чтожъ надъ симъ дивиться, сей обычной моды?
Вонъ дивись, какъ ученій заводятъ заводы:
Строятъ безмѣрнымъ коштомъ тутъ палаты славны;
- 140 Славятъ, что ученія будутъ тамо главны;
Тщатся хотя именемъ умножить къ нимъ чести
(Коли не дѣломъ); пишутъ печатныя вѣсти:
„Вотъ завтра ученія высоки зачнутся,
„Вотъ ужъ и учителя заморски сберутся:
- 145 „Пусть какъ можно скорó всякъ о себѣ радѣетъ,
„Кто оныхъ обучаться охоту имѣетъ“.
Иной бѣдной, кто сердцемъ учиться желаетъ,
Всѣми силами къ тому скоро поспѣшаетъ,
А пришелъ, комплементовъ увидитъ не мало.
- 150 Высокихъ же наукъ тамъ стѣни не бывало.
А деньги хотъ тóчатся тутъ безперерывно,
Такъ комплементовъ много съ нихъ, то и не дивно.
Гдѣ? Если то мнѣ о сѣмъ все сполна писати,
То книгу превеликú надобно сшивати.
- 155 Полно, и такъ можно знáть, какъ то сего много,
Добра мало, и полно по всемъ свѣтѣ злого.
Смотри, и лѣтописцы вѣдь полны не даромъ,
Всѣ почти нагружены этимъ же товаромъ.
Что жъ уже сказать о нашемъ житѣ межусобномъ?
- 160 Какъ мы живемъ другъ къ другу въ всякомъ дѣлѣ зломъ?
Тутъ и главы темнѣютъ, голова въ кругъ ходитъ,
Рука съ перомъ отъ жалю, какъ курица бродитъ.
Грозятъ намъ права земски, но Богъ правосудный—
Чтобъ богатой не былъ правъ, а обиженъ скудный,
- 165 Не судило бъ намъ сребро, но правда святая,

- Виннымъ казнь, а правымъ милость подавая.
Мы жъ то помнимъ и знаемъ, какъ сребра не видимъ.
И клянемся Богу, что бѣдныхъ не обидимъ,
Но въ правости не будемъ о душахъ радѣти,
170 А на лица и сребро не станемъ смотрѣти.
Когда жъ несутъ подарки, гдѣ злато блистаетъ,
То вся та мысль за сто вѣрсть отъ насъ отбѣгаетъ.
Гдѣ Божій и земскій страхъ? Даромъ наши души,
Какъ звонятъ серебрянымъ колокольцомъ въ уши.
175 Подъячій ходитъ сухъ, худъ, лишь кожа да кости,
Вѣдь несъ труда ссохъ, съ коварствъ да съ завистой злости,
Что ему не удастся драть такъ, какъ другому;
Нѣтъ чѣмъ жену потѣшить, какъ прійдетъ до дому,
Лучше бъ онъ изволилъ тутъ смерть претерпѣти,
180 Нежелъ надъ чѣмъ дѣломъ безъ взятки сидѣти.
Вонъ иному хотъ деньги онъ съ казны считаетъ,
А не взять ему гривны — душа смертно таетъ.
Такъ то мы милостивы, къ бѣднымъ правосуды,
Выше душъ ставимъ деньги не плоше Іуды.
185 Что когда еще глубже мы въ свѣтъ сей заглянемъ?
Вездѣ безъ удовольствия удивляться станемъ.
Философъ деревенскій обросъ сѣдинами.
Сладкими разсуждаетъ о свѣтѣ рѣчами.
„Какъ, говоритъ онъ, теперѣ чортъ показалъ моду
190 Грѣхъ великъ творить, то ёсть табакъ пить народу,
Отъ котораго весь умъ человѣчъ темнѣетъ
И мозгъ въ головѣ весьма изъ дня на день тлѣетъ;
Ужъ мы де такихъ много образцовъ видали,
Что многіе изъ того люди пропадали“.
195 То онъ же обличаетъ въ людяхъ моду грубу,
А себѣ четверикомъ самъ валить за губу.
Такъ-то людей осуждаютъ мы тотчасъ готовы,
Людей видимъ больныхъ, а сами не здоровы;
Такъ вотъ иной хвастуетъ, что славы не любитъ,
200 А самъ за самое то съ свѣта людей губитъ.

- Говоритъ: лицемѣрство ему непріятно,
А самимъ дѣломъ держать то внушаетъ внятно.
Теперь въ свѣтѣ семъ буде кто пожить желаетъ,
Пускай правды далекó во всемъ отбѣгаетъ:
- 205 Инако бо нельзя двúmъ господамъ служить,
Нельзя Богу и свѣту вмѣстѣ угодити.
Такъ-то сей свѣтъ состоитъ, такъ всѣмъ злымъ причастный,
Всѣхъ бѣдствъ, мерзостей полонъ, во всѣмъ суестрастный.
Еще жъ то тутъ у насъ нѣтъ миллионной доли,
- 210 Ибо тое все списать нѣтъ силы и воли.
Что жъ, солнце! погрѣшилъ-ли я, такъ рассуждая,
Что если бъ ощущало ты въ свѣтѣ вся злая,
По человѣческу бы могло премѣниться.
И право, не престану я о семъ дивиться,
- 215 Какъ такъ дана ти воля сіять терпѣливо
На насъ бѣдныхъ, столь Богу живущихъ противно.
Больше съ удивленія не могу писати
И хоть не въ пору, да ужъ принужденъ кончати.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Писана сія сатира 1738 году мѣсяца іюля въ послѣднихъ числахъ, которую сатирикъ въ немощи своей въ забаву себѣ сочинилъ, рассуждая бѣдность человѣческую, которой и онъ немало причастія имѣлъ; и понеже о состояніи свѣта оную писалъ, то избралъ рѣчь оную положить къ солнцу, какъ къ всесвѣтному свѣтилу, прилично. Совершивъ онъ сію сатиру, съ покорнѣйшимъ своимъ прошеніемъ вручилъ оную одному изъ чистосердечныхъ и весьма доброжелательныхъ пріятелей своихъ къ исправленію, не довольствуясь, по обычаю безмозглыхъ, но высокоумительныхъ въ себѣ головъ, своимъ скуднымъ разсужденіемъ. Говоритъ онъ къ солнцу, что (мнитъ онъ) еслибы оно было въ чувствахъ, то есть чтобъ могло разумѣть, видѣть, рассуждать, слышать, чувствовать и прочая, то по человѣческой напротивно ихъ себѣ злобы должно бы ему конечно своимъ сіяніемъ, на наши всезлѣйшіи и противнѣйшія дѣла смотря, премѣниться, понеже такъ весь свѣтъ наполненъ гнусными дѣйствами, что Богу мерзкій и противный властямъ, невѣрный и хищный да сверхъ того и самому себѣ вреденъ, на что онъ разныя примѣры представляетъ.

Ст. 11. *Мужикъ, который...* Сей примѣръ о суевѣріяхъ, отъ безмозлыхъ головъ мужичихъ пахарскихъ происходящихъ, весь не выдуманъ по обычаю поэтическому, но многократно слышанъ былъ отъ такихъ суевѣрцовъ.

Ст. 17. *Что теперь въ церквахъ вошло...* Всегда такіи безумніи головы и о великихъ вещахъ разсуждать смѣютъ, а наипаче гдѣ што не по старому дѣлается,—что авторъ давно примѣтилъ живучи между ними.

Ст. 18. *Какъ брадобритіе...* Брадобритіе мерзостнѣе всего ставятъ предъ Богомъ за несносный грѣхъ глупцы.

Ст. 21. *Вонъ иной зачитавшись...* Мужики глупые, которые старины держатся, отнюдь ничего не вѣдая и брадобритіе, парики, платье нѣмецкое и проч. въ погибель людей крайнюю ставя, думаютъ и утверждаютъ на томъ, что сія мнимыя имъ Ереси всѣ происходятъ отъ тѣхъ, которые библию читаютъ; а если спросишь его: что—Библия, то онъ, никогда истины ея не выдаючи, скажетъ что сказывано ему, будто какія есть тетрадки, отъ жидовъ написанныя. Не разъ авторъ сердцемъ сокрушался, на толь безумныя, но у нихъ твердыя суевѣрія смотря.

Ст. 29. *Всежъ то се нѣтъ ничего...* Симъ стихомъ авторъ говорить, что прежнія суевѣрныя рѣчи не столь еще важны, какъ слѣдующія, ст. 16 и проч.

Ст. 33. *Вонъ де за то...* Въ Санктъпетербургѣ 1738 году мѣсяца Іюля въ среднихъ числахъ сожженъ по уложеніямъ блаженныя памяти Россійскихъ Государей бывшій морского флоту капитанъ за то, что принялъ жидовскую вѣру и такъ крѣпко на оной утвердился, что не смотря правды, упрямствомъ своимъ въ страшномъ на Спасителя Нашего Христа хуленіи погибъ; который случай безмозглимъ невѣжамъ немалую причину подалъ сумнѣваться о библии, когда они слышатъ, что жида ветхаго закона держатся. О какъ безумніи и дерскіи невѣжды! Причина ли библия святая діавольскаго того орудія погибели?

Ст. 37. *Есть и безъ нея...* Подлинно, что бездѣльные тетради глупыхъ дячковъ лучше мужики почитаютъ нежъ святое что.

Ст. 40. *Да Семикъ чаю...* Семикъ, послѣ прежняго идолопоклонничества оставшійся Богомерзскій праздникъ, и до сихъ поръ отъ суевѣрныхъ простаковъ съ великою честію празднуется. Собираются тогда обоюго пола особы, а наипаче въ глупости застарѣлые и поютъ на имяни Ідоловъ сочиненіе, бѣсовскія пѣсни, напившись до пьяна; между тѣмъ, вирубивъ березку, различныхъ цвѣтовъ лоскутками, лентами и платками убираютъ и потомъ весь день съ

гудками и скверными пѣснями около ея скачутъ и танцуютъ, а по нѣсколькихъ дняхъ опять собрався, съ гудками и превеликимъ шумомъ и пѣсней оную березку относятъ къ рѣкѣ и на воду пускаютъ съ какими приговорами на послѣдокъ. Оныя суевѣрцы признаютъ, что этого праздника имя взято съ нѣкотораго святого пустытника, которому имя было Семикъ.

Ст. 43. *Тамъ писано...* Сии всѣ рѣчи неоднократно произносили суевѣрные головы, философствуя, какъ то земля состоитъ и на чемъ, и совершенно утверждаютъ, что земля есть дѣвица чистая и непорочная и стоитъ она на спинахъ четырехъ китовъ.

Ст. 45. *Сколько солнце...* Помянутые пустые головы суевѣрныхъ (буди достойно ихъ назвать) философовъ доказываютъ, что солнце стое есть дѣвица жъ непорочная, живая и чувственная, и что оно когда заходитъ, то въ своихъ палатахъ черезъ ночь отдыхаетъ, понеже нѣсколько не упомяну сказуютъ они милліоновъ миль ходить въ день по ученію Семикову.

Ст. 47. *Какъ въ нынѣшнее...* Всѣ старовѣрцы утверждаютъ, что теперь ни старцамъ, ни Богатырямъ явленія не будетъ, понеже люди омерзились брадобритіемъ и платіемъ нѣмецкимъ.

Ст. 69. *Не минетъ и своего...* Аввакумъ, первый расколовъ затѣйщикъ, самая безмозгая, буйная и упрямая голова былъ, отъ котораго великіи хулы на православную вѣру произошли, за что онъ по указамъ казнъ достойную принявъ, но въ раскольниковъ въ святыхъ есть.

Ст. 72. *Грѣшно де весь день...* Случилось Автору видѣть объ этомъ у глупцовъ тетрадки, гдѣ написано, что нѣкоторый пастухъ слышалъ до коихъ мѣстъ въ небѣ обѣдня правится.

Ст. 93. *Плететъ безъ разсмотрю...* Удивительная вещь какъ (Россія?) этимъ несчастлива, что въ ней больше къ пьянству и суевѣрію, нежели къ поученію и поощренію добродѣтельному людямъ угодны суть. Въ семъ стихѣ хотя не кажется суевѣріе, однако многія суть непомянутые здѣсь у всѣхъ почти на примѣтѣ, а и кромѣ того, не надлежало бы пастырству на кабакахъ предъ простымъ народомъ къ соблазну пустое врать и балы точить. Но не вообще отъ всѣхъ тутъ поменуто: суть бо нѣкоторыя Благочестивыя и постоянныя, которыхъ какъ истинныхъ отцовъ своихъ почитать и славить должны.

Ст. 107. *Какибъ они...* Весма бы то здоровое ученіе было, еслибъ онъ училъ вѣры басурманской отбѣгать; но то бѣда, что онъ вообще учить ихъ не любить, каковыбъ они ни были, а должность пастырская первая—то, что, умножая по закону Божію братолюбіе, должно проповѣдывать, что не должно за то ненавидѣть людей,

что они иностранны, но надлежитъ смотрѣть на ихъ нравъ, рассуждая то, что за всякаго въ свѣтѣ человека кровь свою проліялъ Христосъ, и правда буди возможно, надобно бы ихъ приводить къ познанію истины,—еслиже невозможно, инымъ въ злочестіе не собищася, а ихъ Христа ради любить, они за себя отвѣтъ свой Богу воздадутъ, а Христіанинъ въ любви ближняго предъ Богомъ чистъ будетъ.

Ст. 108. *Путь не узкій...* Обычно пьянымъ людямъ священное писаніе все употребляютъ; такъ пьяница, когда принимаетъ отъ целовальника стаканъ съ виномъ говоритъ: чашу спасенія прииму; когда выходитъ вонъ съ кабака говоритъ: изыдите, винограда дѣлатель, и проч. безъ числа.

Ст. 120. *О Бозь суевѣрій...* Подлинно такъ того много, что все то описать нѣтъ силы, ибо и слышать страшно.

Ст. 122. *Не поминая чудесъ...* Много было и того въ свѣтѣ, что въ прелщеніе народа притворяли чудеса изъ духовнаго чину, чемъ отъ иностранныхъ народовъ и на истинныя не мало навели пороковъ Богопротивни сіи лестцы.

Ст. 123. *Недумай же...* Авторъ говоритъ къ солнцу, что еще суевѣрій народныхъ и священныхъ не показалъ онъ и тысящной части, представляя тому доказательство, что если всю тое подробну описывать, то надобно развѣ въ обморокъ впасти ради безчисленнаго ихъ множества.

Ст. 155. *Какъ то сего много...* Т.е. невѣрности къ властямъ нашимъ.

Ст. 157. *Смотри и лѣтописцы...* Правда, что въ лѣтописцехъ болшая половина написано содержится о измѣнѣ и всякихъ невѣрностяхъ къ властямъ, т. есть, Государямъ нашимъ, въ прежнія времена бывшихъ.

Ст. 159. *Чтожъ уже сказать...* Авторъ, смотря на наши междоусобныя бездѣльныя дѣйствія, не знаетъ что писать и что опустить, понеже неизмѣримы суть.

Ст. 174. *Какъ звонятъ...* Звонить серебрянымъ колоколцомъ въ уши есть фразесъ русская, то есть, давать денги.

Ст. 206. *Нельзя Богу и свѣту...* Христосъ Спаситель Нашъ сказалъ въ Евангеліи: не можете работати Богу и Мамонѣ; а Авторъ сей сатиры перемѣнилъ, вмѣсто мамоны, свѣту написалъ, которо все едину силу имѣетъ; ибо Мамона, по разумѣнію святыхъ особъ, діаволь толкуется, а діаволь со всѣмъ своимъ угодіемъ и орудіемъ противенъ Богу; дѣла жъ свѣтовые, которые отъ свѣта, а не отъ Бога, угодны діаволу, убо діаволь и свѣтъ по діаволскому угожденію противенъ Богу, и такъ, всѣ злыя дѣла свѣта къ діаволу, яко начальнику и корени тѣхъ, восписывать должно.

Матеріалы для изученія Кантемира.

Сатиры Кантемира.

А. Д. Галахова.

I.

Содержаніемъ сатиръ Кантемира служитъ выраженіе негодованія или насмѣшки, вызванныхъ врагами Петровой реформы. Враговъ этихъ было два рода: приверженцы старины, не хотѣвшіе вовсе принять идеи великаго преобразователя, и безсмысленныя послѣдователи новизны, плохо и даже превратно понимавшіе характеръ преобразованій. Кантемиръ преимущественно вооружается противъ первыхъ; однако есть у него злыя выходки и противъ вторыхъ.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытны стихи второй сатиры отъ 135 до 187 ст.: они содержатъ въ себѣ яркое описаніе современнаго щеголя, вѣрную копию тѣхъ верхоглядовъ, которые, посѣтивъ чужіе края, усвоили себѣ одинъ внѣшній блескъ европейской жизни, выучились только умѣною одѣваться по модѣ да искусству пировать.

Но большая часть негодованія и насмѣшекъ обращена Кантемиромъ на упорство старины. Бичемъ своей сатиры преслѣдуетъ онъ въ особенности тѣхъ, которые, по словамъ Теофана, „не любили ученой дружины“. Онъ зналъ, что передовое зло времени гнѣздилося въ невѣжествѣ, и потому первая сатира его, написанная въ 1729 году, на двадцатомъ году возраста, преслѣдуетъ обскурантовъ, т. е. поклонниковъ умственной тьмы. Въ хронологическомъ порядкѣ появленія сатиръ есть разумная послѣдовательность: она объясняется состояніемъ общества, его пороками, болѣе или менѣе важными. Вражда къ просвѣщенію была главнымъ чувствомъ старой жизни, и Кантемиръ прежде всего осмѣиваетъ тѣхъ своихъ согражданъ, которые проповѣдовали бесполезность наукъ. Даже внутреннее достоинство его произведеній совпа-

даетъ съ важностію общественнаго блага, во имя котораго онъ ратовалъ, съ силою общественнаго зла, противъ котораго ратовалъ: сатира его, первая по времени, есть въ то же время первая и по литературному значенію, она беретъ преимущество надъ прочими силою правдивыхъ укоризнъ. За невѣжествомъ шло ближайшее непосредственное его слѣдствіе—превратное понятіе о достоинствѣ человека: внѣшнее предпочиталось внутреннему, случайное—существенному. При завязавшейся послѣ Петра борьбѣ стараго съ новымъ, рѣзко обнаружилось различіе понятій объ истинномъ достоинствѣ человека: эти понятія выражены второю сатирою „Объ истинномъ благородствѣ“.

Разсмотримъ обѣ сатиры по содержанію и формѣ, сохраняя тотъ же порядокъ и при анализѣ остальныхъ.

Первая направлена противъ невѣждъ и нелюбящихъ науки, почему Кантемиръ и назвалъ ее сначала: „На хулящихъ ученіе“. Но это названіе, заимствованное изъ содержанія пьесы, замѣнено потомъ другимъ: „Къ уму своему“, взятымъ отъ формы изложенія. Во внѣшнемъ отношеніи Кантемиръ, видимо, подражалъ девятой сатирѣ Буало: „A son esprit“, въ которой французскій стихотворецъ, подъ видомъ нападокъ на самого себя, написалъ злую сатиру на другихъ. Подобные сатирическіе приемы сообщаютъ автору ловкій способъ изображать людскіе пороки и глупость. Дмитріевъ употреблялъ подобный приемъ въ „Чужомъ толкѣ“, а князь Вяземскій въ сатирѣ: „Къ перу моему“ — очевидно, подражаніе или переводъ седьмой сатиры Буало (*Muse, changeons le style, et quittons la satire*).

Сатира начинается обращеніемъ къ „недозрѣлому уму, плоду недолгой науки“. Авторъ проситъ его успокоиться, не понуждать къ перу руки: ибо авторство—самый непріятный путь къ славѣ, которой можно достигнуть въ нашъ вѣкъ многими „нетрудными путями“.

За введеніемъ слѣдуютъ рѣчи противниковъ просвѣщенія. Каждый изъ нихъ исчисляетъ вредныя слѣдствія наукъ.

Прежде всѣхъ говоритъ ханжа Критонъ, невѣжа и суевѣрный. Онъ вооружается противъ науки подъ видомъ религіозной ревности. У Сильвана, „стариннаго скупого дворянина, который объ одномъ своемъ помѣстьѣ радѣетъ, осуждая все то, что къ умноженію его доходовъ не служитъ“, другое неудовольствіе на науку: ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ. Мнѣніе Сильвана, который вооружается противъ науки, какъ предмета, не дающаго денегъ, имѣло между разными невѣжественными доводами одно достаточное основаніе въ его время: науками занимались отвлеченно, въ тиши кабинета, прилежа къ нимъ, какъ самъ Кантемиръ, прилежалъ къ стихотворству, въ лишніе часы. Теперь науки приносятъ не одно удовольствіе, нужное себялюбивымъ дилеттантамъ, но и деньги, необходимыя всѣмъ, и потому современный Сильванъ пошелъ бы на нихъ не съ аргументомъ безденежья, а съ новымъ упрекомъ. По различію эпохъ, различаются и гоненія на ученость. Въ „Горе отъ ума“ для пресѣченія зла совѣтуютъ сжечь книги, потому что человѣкъ начитанный, подобно Чацкому, можетъ сойти съ ума въ общественномъ мнѣніи...

Третій хулитель ученія, румяный Лука, „трижды рыгнувъ“, подпѣваетъ:

„Наука содружество людей разрушаетъ“. Конечно, люди созданы для сообщества, и человѣкъ остается безплодной тварью, когда онъ запрется въ чуланъ, забывъ весь свѣтъ для чернилъ и бумаги. Въ свѣтѣ есть нѣчто лучшее чернилъ и бумаги. Въ свѣтѣ есть нѣчто лучшее хорошей книги, это хорошій человѣкъ, и есть нѣчто лучшее чтенія хорошей книги — это жизнь съ хорошимъ человѣкомъ. Во времена Кантемира ученые удалялись въ кабинетъ: онъ самъ любилъ уединеніе для наукъ. Ложное понятіе объ учености, которая будто бы не должна знать общества, было тогда въ большомъ обращеніи. Сатира вооружается противъ мнѣнія Луки потому, что подъ обществомъ разумѣетъ веселье и пиры, проведеніе времени съ кубкомъ въ рукахъ. Похвала

пьянству, воспѣваемая Лукою, есть подражаніе Горацію, который въ пятомъ посланіи славить вино. Вотъ гимнъ латинскаго поэта дарамъ Бахуса: „Чего не производитъ вино? Оно разоблачаетъ тайны, осуществляетъ надежды, устремляетъ въ бой труса, снимаетъ съ души бремя безпокойствъ, учитъ всѣмъ искусствамъ. Кого полная чаша не дѣлала краснорѣчивымъ? Есть ли хоть одно сердце, стѣсненное бѣдностію, которое оно не растворило бы радостью?“ Горацій, поклонникъ изящнаго эпикуреизма, смотритъ на вино глазами поэта и видитъ эстетическую его сторону; его похвалы упоенію искренни, и эта искренность, выраженная поэтически, миритъ читателя съ тѣмъ мнѣніемъ, которое онъ, быть можетъ, осуждаетъ, какъ противное добропорядочному поведенію. Лука же искренно хвалитъ вино, исчисляя добрыя его качества, тогда какъ цѣль автора была возвысить книги надъ чашей. Такая несоотвѣтственность между намѣреніемъ сатирика и его словами не объясняется даже ироніей, потому что Лука говоритъ вовсе не иронически: она объясняется только чистымъ подражаніемъ Горацію. Напротивъ, въ стихахъ отъ 167—207 видимъ черту русской жизни, современной Кантемиру: въ седьмой элегіи Овидія, изъ которой они взяты, нѣтъ, и разумѣется, не могло быть и помина о чернецѣ.

Наконецъ, четвертый хулитель просвѣщенія, щеголь Медоръ,—представитель того класса людей, которые, какъ сказано выше, по внѣшности только усвоили себѣ образованіе, а съ сущности остались невѣждами. Послѣ такихъ сужденій, которыя автору приходится слышать повседневно, онъ совѣтуетъ уму молчать. У нашихъ дѣйствій, говоритъ онъ, двѣ побудительныя причины: польза и слава. Если нѣтъ пользы—ободряетъ похвала, а если, вмѣсто того и другого терпишь хулу—что тогда?

Труднѣй то, нежь пьяницѣ вина не имѣти?

.

Нежели купцу пиво пить не въ три пуда хмѣлю.

(Ст. 118—120).

Предметы для сравненія, какъ всякій видитъ, не изъ за моря и представлены не гиперболически, хотя стихотворная вольность и разрѣшаетъ тропы и фигуры. Въ примѣчаніи объяснено, что купцы „наши“ не только въ три, но часто въ пять пудъ хмѣлю варятъ варю. Изображеніе „нашихъ“, т. е. современныхъ Кантемиру типовъ, составляетъ самую важную, драгоцѣнную сторону его сатиръ.

Возраженіе ума, какъ дѣйствующаго лица въ сатирѣ, что щеголь, скупецъ, ханжа, пьяница и подобные имъ люди должны хулить науку, но что рѣчь ихъ не уставъ умнымъ, авторъ находитъ неутѣшительнымъ, потому что слова злобныхъ владѣютъ умными. Притомъ же четыре лица, представленныя сатирикомъ, составляютъ только малую часть враговъ просвѣщенія, которыхъ легіоны. Между ними (сказано въ примѣчаніи) видишь и тѣхъ, кому Темеида ввѣрила золотые вѣсы. Они не любятъ истиннаго украшенія жизни — науки; они знаютъ, что безъ науки можно быть судьей (ст. 147 — 157). Въ заключеніе авторъ, снова обращаясь къ уму, совѣтуетъ ему хранить молчаніе, скучать и знать про себя пользу наукъ, чтобы гласнымъ указаніемъ не нажить себѣ, вмѣсто похвалъ, злого порицанія.

Вторая сатира, писанная вскорѣ послѣ первой, имѣетъ форму разговорную. Разговоръ происходитъ между Филаретомъ (что значитъ на греческомъ языкѣ—любитель добродѣтели) и Евгеніемъ (дворянинъ). Цѣль ея—осмѣять тѣхъ изъ дворянъ тогдашней эпохи, которые, не имѣя благонравія, тщеславятся однимъ званіемъ и завидуютъ, сверхъ того, счастію другихъ, которые своими заслугами восходятъ въ знать. Она — подражаніе восьмой сатирѣ Ювенала, которая признается лучшею, или пятой сатирѣ Буало, который подражалъ Ювеналу. „Истинное благородство“, говоритъ Ювеналь, „происходитъ отъ добродѣтели: заслуживаютъ ли уваженія тѣ, которые, имѣя знаменитыхъ предковъ, добровольно становятся возницами, скоморохами, гладіаторами?“ Подобно ему

Кантемиръ выражаетъ содержаніе своей сатиры отъ стиха 69 до 83.

Вѣроятно, по этой причинѣ одно изъ разговаривающихъ лицъ получило названіе Филарета. У Горация есть также сатира объ истинномъ благородствѣ (шестая первой книги), но его снисходительная философія не имѣетъ ничего общаго съ желчнымъ негодованіемъ Ювенала, бичующаго злоупотребленія.

Разговорную форму Кантемиръ заимствовалъ изъ девятой сатиры Ювенала или изъ третьей сатиры Буало. Начало у всѣхъ троихъ одинаковое по внѣшнему виду; но изъ сличенія содержанія и обстоятельствъ разговора открывается особенность каждаго сатирика. У Ювенала съ первыхъ строкъ видишь картину римской жизни тогдашняго времени—расточительность, пиры: „Что значить, Неволій, твой печальный видъ, подобный виду побѣжденнаго Марсіа! Полліонъ, шатающийся цѣлые дни, чтобы занять денегъ за тройные проценты, и не находящій простака, который бы ссудилъ ему, меньше тебя озабоченъ. Откуда столько внезапныхъ морщинъ? Довольный малымъ, ты увеселялъ наши ужины своими остроумными выходками. Теперь совершенно противное: лицо твое уныло, волосы сухи и не причесаны, кожа потеряла блескъ. Тѣло обнаруживаетъ душу: на немъ выказывается радость или печаль, и лицо есть зеркало попеременнхъ ощущеній. По всему видно, что жизнь твоя пошла въ противную сторону. А прежде, я помню, ты осквернялъ храмы Изиды, Юпитера, Мира, ты осквернялъ и тайное убѣжище матери боговъ“. Въ сатирѣ Буало черта иного общества, указаніе другихъ обычаевъ и событій:

D'ou vient cet air sombre et severe
Et ce visage plus pâle qu'un rentier
A l'aspect d'un avût qui retrenche un quartier?

Въ это время вышелъ королевскій указъ, опечалившій многихъ: Le roi a supprimé un quartier des rentes — вотъ

какія слова непрерывно вертѣлись на языкѣ и въ умѣ людей получающихъ доходы.

Qu'est devenu ce teint dont la couleur fleurie
Semblait d'ortalans seuls et de bisques nourrie,
Ou la j'oie en son lustre attirait les regards?
Ou le vin en rubis brillait de toutes parts?

Вопросъ, относящійся къ одному изъ разговаривающихъ лицъ: Буало изобразилъ въ немъ знаменитаго тогда гастронома, который серьезно смотрѣлъ на обѣды и ужины.

Qui vous a pu plonger dans cette humeur chagrine?
A-t-on par quelque edit réformé la cuisine?

То есть преобразованія послѣдняго времени не коснулись ли кухни—предмета, для тебя священнаго?

Въ стихахъ нашего сатирика совершенно иная русская современность. Филаретъ спрашиваетъ Евгенія: Что такъ?

Задумчивъ, какъ тотъ, что...
...Конный свой заводъ раздарилъ некстати?
Цугомъ ли запрещено ѣздить, иль богато
Платье носить, иль своихъ слугъ пеленать въ злато?
Картъ ли не стало въ рядахъ, вино ль дорого?

Обратившись къ примѣчаніямъ, читаемъ, между прочимъ, что въ Санктпетербургѣ цугомъ ѣздить „отъ императора Петра Великаго всѣмъ запрещено было, кромѣ придворныхъ“; что золотые узоры, коими обыкновенно платье слугъ выкладываютъ, много на пеленанье походитъ; что „вина, дорогія разумѣются, и венгерское, шампанское, и бургонское, которыя подлинно въ Москвѣ дороги, и затѣмъ больше другихъ винъ въ почтеніи“.

Предложивъ рядъ вопросовъ, Филаретъ дознается причины задумчивости:

Дамонъ на сихъ дняхъ досталъ перемѣну чина
.....
Ты съ пышными презрѣнь именами...

Такимъ образомъ каждый изъ трехъ сатириковъ въ одной и той же формѣ выразилъ особенныя черты нравовъ. По формѣ и Буало, и Кантемиръ—подражатели, по содержанію—они писатели своенародные. Форма дѣло общее, мѣстныя отличія характеровъ—принадлежность единого народа. Критика, обольщенная сходствомъ литературныхъ приѣмовъ, безразличіемъ внѣшняго, произнесла строгій приговоръ Кантемиру; но теперь, когда, при разборѣ словесныхъ произведеній, всего важнѣе ихъ отношеніе къ обществу, Кантемиръ восходитъ на почетное мѣсто въ исторіи нашей словесности, потому что въ сатирахъ его выражается не идеальное, отвлеченное отъ мѣста и времени, а дѣйствительно русское, ему современное общество. Продолжимъ сравненіе трехъ сатириковъ.

Отвѣтъ Евгенія Филарету внушенъ первой сатирой Ювенала, который тоже сѣтуетъ на возвышенія людей изъ низшаго званія. Но тамъ и здѣсь какіе люди и какъ они возвысились? У Ювенала читаемъ: „Можно ли отказаться отъ сатиры, когда цырюльникъ, брившій меня въ юности, споритъ теперь въ богатствѣ съ нашими патриціями, когда Кристинъ (фаворитъ Домиціана, который осыпалъ его богатствами и почестями), бѣжавшій изъ египетскихъ топій, прежде канонскій невольникъ, небрежно набрасываетъ на плеча тирскій пурпуръ, и пальцы, покрытые потомъ, украшаетъ лѣтными кольцами, считая себя, по своей деликатности, неспособнымъ носить болѣе тяжелыхъ колець“¹⁾.

У Кантемира на высокую степень вспрыгнулъ недавній продавецъ соли, тотъ, кто кричалъ: „сальные свѣчи ясно горятъ, кто истеръ плечи горшкомъ подовыхъ“. Указаніе чрезвычайно ясное, не требующее комментарія: кто не узнаетъ въ немъ Меншикова?

¹⁾ Римляне прежде носили по одному кольцу, потомъ по кольцу на каждомъ пальцѣ, наконецъ на каждомъ суставѣ пальцевъ. Мало по малу роскошь до того возросла, что для каждой недѣли имѣли они особенныя кольца. Были, сверхъ того, кольца лѣтнія и зимнія.

Итакъ, оба сатирика, сходные по формѣ, различаются предметами, которые они изобразили, и цѣлью, которую имѣли при этомъ изображеніи. Ювеналь желчно негодуетъ на недостойныхъ любимцевъ фортуны: у него и брадобрей, и невольникъ возвысились нечистымъ способомъ, не путемъ заслуги. Кантемиръ заставляетъ тщеславнаго дворянина вооружаться противъ Меншикова, что нисколько не унижаетъ тѣхъ качествъ послѣдняго, которыми онъ снискалъ любовь Петра. Меншиковъ былъ живой обидой для многихъ; на него смотрѣли злобно всѣ тѣ, которые могли что нибудь значить при мѣстничествѣ.

Послушайте, какъ Евгеній описываетъ своего отца: это не римскій патрицій, волновавшій кровь Ювенала, не французскій маркизь, которому Буало адресовалъ свою сатиру: „Объ истинномъ благородствѣ“. Въ словахъ Евгенія вы видите вѣрную картину временщика Кантемирова вѣка и его угодниковъ (ст. 45—60).

Въ исчисленіи правъ на истинное благородство Кантемиръ полнѣе Буало. Конечно, логическая полнота не входитъ въ расчетъ поэзіи, но она много значитъ въ отношеніи къ мыслямъ автора и понятіямъ современнаго общества.

У Кантемира прибавлена, противъ Буало, одна черта, изъ которой видно, что онъ ближе держался Ювенала.

Мы не хотимъ сказать, что бы стихи Кантемира были копіей латинскихъ: нѣтъ, они указываютъ на дѣйствительные нравы тогдашняго русскаго общества. Имена Гектора, Ахилла, Цезаря и Александра, употребительныя въ то время, брались какъ *loci topici*. Кантемиръ, при всей своей современности, конечно, платилъ дань подражательному направленію. Но зато схоластическую замашку пользоваться именами, освященными древностью, выкупилъ онъ фамиліей своего пріятеля, генераль-маіора Нейбуша, великаго охотника до пива, хотя честнаго человѣка и храбраго воина (ст. 103—107).

Такъ въ заимствованіяхъ своихъ Кантемиръ вѣренъ современности. Отношеніемъ къ дѣйствительной жизни тогдашняго

общества онъ не уступаетъ ни латинскому, ни французскому стихотворцу. Когда же подражанія, или переводъ касается поэтическихъ образовъ, тогда Кантемиръ, по слабости творческаго таланта, становится ниже не только Ювенала, но и Буало. Беремъ примѣръ изъ той же сатиры. Ювеналь двумя сравненіями доказываетъ ничтожность наслѣдственнаго достоинства безъ собственной полезной дѣятельности. „Какъ грустно не имѣть другой опоры, кромѣ чужихъ заслугъ? Уничтожьте столбы, зданіе рушится. Виноградная же лоза упадетъ безъ вяза, который она обнимала!“ У Кантемира тоже два сравненія, чтобы показать непрочность опоры на почетное имя дѣдовъ, но въ этихъ сравненіяхъ нѣтъ ни краткости нужной для силы, ни поэтическаго колорита.

Знаю, что несправедливо забыта бываетъ
Дѣдовъ служба, когда внукъ въ правахъ успѣваетъ,
Но блѣдно блудить нашъ умъ, буде опираться
Станемъ мы на нихъ однихъ. Столпы сокрушатся
Подъ излишнимъ бременемъ, если сами въ силу
Нужную не приведемъ ту подпору хвилу. (Ст. 115—121).

Здѣсь нѣтъ даже вѣрнаго соотвѣтствія съ мыслью. Кого изображаютъ столбы! Достойныхъ предковъ или недостойныхъ потомковъ? Предыдущіе стихи заставляютъ разумѣть первыхъ, но почему же они сокрушатся, и какое это излишнее бремя?

Другое сравненіе, точное по внутреннему значенію, растянуто и представлено въ грубомъ видѣ:

Свѣтлой воды ихъ труды ключъ себѣ открыли
И черпать велѣно тебѣ: но нужно, чтобы были
И чаши чисты твои, и нужно сгорбиться
Къ ключу; сама вода въ ротъ твой не станетъ литься.
(Ст. 121—125).

Такое переложеніе граціозныхъ образовъ въ образы неграціозные доказываетъ только, какъ мы сказали выше, отсутствіе тонкаго изящнаго вкуса, слабость поэтическаго такта въ нашемъ сатирикѣ, но, съ другой стороны, оно

полезнѣе, какъ болѣе приспособленное къ состоянію тогдашнихъ читателей. Кантемиръ не претендовалъ на званіе поэта; ему нужно было исправленіе нравовъ. Онъ хотѣлъ быть моралистомъ, а моралистъ, какъ и проповѣдникъ, выражается языкомъ, соотвѣтственнымъ образованію тѣхъ, кого онъ хочетъ поучать.

Исчисливъ дѣянія предковъ, которыми справедливо гордится отечество, но которыя не даютъ права на гордость глупому потомку, Филаретъ рисуетъ картины тогдашняго щеголя, побывавшаго въ чужихъ краяхъ безъ пользы для себя и для согражданъ. Мы приводили все это мѣсто для показанія другой стороны сатирическаго направленія Кантемира. Въ немъ, какъ было замѣчено, онъ осмѣялъ новыхъ невѣждъ, т.-е. толпу людей, принявшихъ преобразование Петра внѣшнимъ образомъ, но не претворившихъ его въ жизнь духа. Сатирикъ начинаетъ свое описаніе заимствованіемъ у Ювенала тамъ, гдѣ говорится о трудахъ военныхъ. „Къ чему тебѣ“, спрашиваетъ Ювеналъ недостойнаго наслѣдника заслуженныхъ титуловъ, „образы сельскихъ героевъ, если ты засыпаешь на зарѣ, въ тотъ часъ, когда наши полководцы развивали знамя и шли на врага“. Кантемиръ говоритъ тоже:

Пѣтухъ пѣлъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верхи горъ; тогда войско выводили
На поле предки твои; а ты подъ парчею
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душою
Грозно сопешь (Ст. 135—139).

Слова: „Не столько стоитъ народъ римляновъ пристойно основать“ взяты изъ „Энеиды“. И однакожъ, на ряду съ подражаніями классикамъ—подражаніями въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ объ общихъ мысляхъ, о прикрасахъ риторическихъ, о поэтическихъ образахъ, видишь изображеніе дѣйствительныхъ нравовъ русскаго общества — а въ этомъ изображеніи и заключается главный матеріалъ сатиръ, ихъ содержаніе. Цвѣтъ платья, выборъ матеріи, твердость и прямизна фалдъ, мѣра таліи, кафтанъ, стойвшій цѣлой

деревни — все это не Вергиліево и не Ювеналово, а наше собственное прежнихъ временъ, требующее иногда комментарія. „Видали мы такихъ, говоритъ примѣчаніе къ стиху 156, которые деревни свои продавали, чтобы себѣ сшить нарядный кафтанъ“.

Этотъ щеголь, что вывезъ изъ-за границы одну страсть къ модамъ, обжорству и пьянству, остался такимъ же неучемъ, какимъ былъ до путешествія: ему немалый трудъ прочесть тѣ надписи, которыя онъ видитъ на картинахъ, украшающихъ его большую залу; понять, что множество знаній можетъ помѣщаться въ мозгу смертныхъ, ему такъ-же трудно, какъ не красть дворецкому, или скудно жить судьѣ. Ты хочешь быть полководцемъ, мореплавателемъ, судьей, придворнымъ? говоритъ Филаретъ Евгенію: узнай же, каковы они должны быть. И Филаретъ исчисляетъ обязанности каждаго изъ четырехъ званій. Эти обязанности относятся къ предметамъ двухъ родовъ—знаніямъ и нравственному достоинству. Уважая то и другое, Кантемиръ не раздѣляетъ ихъ. Чинъ воеводы, говоритъ Филаретъ Евгенію, требуетъ много высшихъ свойствъ (т. е. нравственныхъ) и много разныхъ искусствъ. А ты едва слышалъ имя тѣхъ добродѣтелей и знаній. Достойный судья не обращаетъ вниманія на лица; предъ нимъ мудрецъ и невѣжда, богачъ и нищій съ сумой, безобразная бабья рожа и цвѣтъ краснаго лица равны въ судѣ: одна правда выше всего. А ты что (ст. 288—298).

Но странное дѣло! Требуя отъ предводителя войскъ, отъ мореплавателя и судьи строгой нравственности и большихъ познаній, Кантемиръ является снисходительнымъ, когда рѣчь коснулась Клита куртизана. Въ изображеніи обязанностей придворной особы вы видите не строгое требованіе нравственнаго долга, а какой то нравственный эклектизмъ, подозрительную снисходительность. Стоицизмъ Персія доходитъ до неистовой неумолимости; Кантемиръ, болѣе склонный къ Горацію, въ нравственности держится середины между откоро-

венностью правды и ея молчаніемъ, нужнымъ по времени.
Блаженная средина, ведущая къ счастью!

Лучшую дорогу
Избралъ, кто правду говорить всегда принялся,
Но и кто правду молчить, виновенъ не стался,
Буде ложью утаить правду не посмѣеть.
Счастливъ, кто той срединѣ держаться умѣетъ;
Умъ свѣтлый нуженъ къ тому, разговоръ пріятный,
Учтивость приличная, кто даетъ родъ знатный.
Ползать не совѣтую, хоть спѣси и гнушаюсь.
(Ст. 324—333).

Какимъ образомъ сатирикъ и вслѣдъ за нимъ примѣчанія могли согласить искусство Клита съ добрыми свойствами, приличнѣйшіе поступки его съ нравственностью, и въ беззлобномъ притворствѣ, т. е. въ умѣннѣй примѣнять лицо къ тѣмъ людямъ, съ которыми говоримъ, видѣть добродѣтель, называемую по латыни *simulatio* и *dissimulatio*? Тѣмъ болѣе странною кажется подобная философія, что образъ Клита вовсе не принадлежитъ къ плѣнительнымъ, и что перейти отъ него къ блаженной срединѣ — иначе, къ счастью — не слѣдовало ни по законамъ логики, ни по внушеніямъ поэзіи.

Клита въ постели не можетъ застать день новый,
Не отступенъ сохнетъ онъ, зѣвая на крестовой,
Спины своей не жалѣлъ кланяясь и мухамъ,
Коимъ доступъ дозволенъ къ временщицѣимъ ухамъ.
Льститъ всякому, никому почти не вѣритъ,
Съ холопомъ новыхъ людей дружбу вѣсть не рдится:
Истинная мысль его прилежно таится
Въ дѣлахъ его. О трудахъ своихъ онъ не тужитъ
Идучи упрямо въ цѣль. Клиту счастье служить,
Иныхъ свойствъ не требуетъ, кому оно дружно.
А у Клита безъ того нѣчто занять нужно.
.....
Короткій языкъ, лицо и радость удобно
И печаль изображать, какъ больше способно
Къ пользѣ себѣ, по другихъ лицу примѣняясь.

Но мы объяснимъ снисходительность Кантемировой морали изъ его характера, образованія и положенія въ обществѣ, о чемъ будемъ говорить ниже. Въ заключеніе Филаретъ совѣтуетъ Евгенію излѣчиться отъ барской спѣси, оставить бессмысленную гордость чужими заслугами и не завидовать тѣмъ, которые хотя и не были думными и намѣстниками въ царствованіе Ольги, но своимъ собственнымъ достоинствомъ заслуживаютъ истинное уваженіе:

Они вѣдь собою

Начинають знатный родъ (Ст. 360).

Въ этихъ стихахъ включенъ отвѣтъ Ификрата тщеславному потомку Армидіа, который упрекалъ его низкимъ происхожденіемъ: „Мой знатный родъ начинается мною, а твой тобою оканчивается“.

Достоинство Кантемира, какъ писателя, выразившаго современность, открывается еще яснѣе, когда мы сравнимъ его произведенія съ сатирами ближайшаго къ намъ времени. Въ нихъ мы нерѣдко встрѣтимъ или неловкое переложеніе чужаго образца на отечественные нравы, или недозволенные критикою перемѣны въ оригиналѣ. Возьмемъ для примѣра сатиру Воейкова: „Объ истинномъ благородствѣ“ и переводъ Ювеналовой сатиры: О благородствѣ же, принадлежащій И. И. Дмитріеву. Нѣтъ спора, что тотъ и другой обладали замѣчательнымъ сатирическимъ талантомъ: у Воейкова есть сила, искренность, умѣнье рѣзко и колко выставить позоръ или глупость; а Дмитріевъ отличается тонкимъ аттическимъ остроуміемъ, язвительнымъ при всей своей наружной полировкѣ. Однакожъ, посмотрите, какъ Воейковъ передѣлалъ сатиру Буало. Вмѣсто Евгенія онъ подставилъ дурака, воспитаннаго французами, который, дѣйствительно, былъ извѣстное время въ нравахъ русскихъ; но въ противоположность ему созданъ Эмили́й—имя, не находящееся въ нашихъ святцахъ. Въ образцы для подражанія авторъ ставитъ Миниха, Суворова, Орлова, Державина — и рядомъ съ ними Сюлли, Кольбера:

забавная смѣсь русскаго съ французскимъ, Буало такъ и выглядываетъ изъ-за русскаго сатирика. О переводѣ Ювеналовой сатиры и говорить почти нечего: это жалкое искаженіе подлинника. Переводчикъ распространилъ безъ нужды стихи римскаго писателя, сжатые и сильные, а въ другихъ мѣстахъ сокращалъ характеристическія указанія. Нельзя безъ досады и улыбки читать собственные прибавленія, въ которыхъ выражается забота поставить классическое въ соотвѣтствіе съ новою жизнью. Выпишемъ нѣсколько мѣстъ.

Скажи мнѣ, Понтикусъ, какая польза въ томъ,
Что ты, обиженный и сердцемъ и умомъ,
Богатъ лишь прадѣдовъ и предковъ образами (!),
Прославившихъ себя великими дѣлами?

У Ювенала нѣтъ ни обиды сердцемъ и умомъ, ни страннаго различія между „предками и прадѣдами“—различія, въ которомъ нуждался переводчикъ для наполненія стиха.

Что прибыли, что ты, указывая мнѣ
Шестомъ (!!) иль хлыстикомъ (!!) на ветхіе портреты,
Которы у тебя копятъ многи лѣты,
Надувшись говоришь: „Смотри, вотъ предокъ мой,
Начальникъ римскихъ войскъ—великій былъ герой!
А это прадѣдъ мой—разумный былъ диктаторъ!
А это дѣдушка: вотъ прямо былъ сенаторъ.

Ненужная фигура распространенія, реторическая прикраса, поставленная въ ущербъ оригинальности выраженія. У Ювенала просто сказано: „Развѣ благородство состоитъ въ томъ, чтобы имѣть возможность указывать палочкой на закопѣлыя изображенія диктатора или начальниковъ войскъ?“

Гдѣ же тутъ разглагольствіе гордаго потомка? Къ чему слово римскихъ, когда авторъ говоритъ о предкахъ римлянина? Другихъ войскъ и быть не могло. И что за странный способъ указывать портретъ шестомъ. Вмѣсто прибавочныхъ словъ, надлежало бы сохранить значительныя слова: *Si coram, Lepides male vivitur.*

Выставляя тщеславіе и ничтожность Фабіа, переводъ утверждаетъ, что ему не слѣдуетъ гордиться,

Когда онъ дряблостію прапрадѣдовъ безславить,
Когда его ихъ шлемъ обыкновенный давить,
Коль тѣни самыя дрожатъ героевъ сихъ
Съ досады, видя ликъ его между своихъ?

Здѣсь что слово, то новое собственное сочиненіе, въ которомъ не узнаешь подлинника. Нѣтъ въ подлинникѣ ни „обыкновеннаго шлема“, ни „тѣней“, ни „дрожанія тѣней“.

Достоинство другихъ намъ блеска не даетъ:
Отъ зданья отними столпы—оно падетъ,
А скромный плющъ растетъ безъ страха и не гнется,
Хотя и срубишь вязъ, вокругъ коего онъ вьется.

Сантиментальное направленіе заставило переводчика замѣнить виноградную лозу „скромнымъ плющемъ“, а незнаніе подлинника превратитъ смыслъ его. У Ювенала наоборотъ: „виноградная лоза упадетъ на землю безъ вяза“, — вѣрный природѣ образъ, тогда какъ плющъ, самъ по себѣ растущій, есть произведеніе фантазіи.

Подобный разборъ двухъ первыхъ сатиръ Кантемира показываетъ намъ ясно ихъ строеніе. Оно не измѣняется и въ остальныхъ шести: содержаніе ихъ оригинальное, форма заимствованная. Собственный матеріалъ ихъ располагается по чужому образцу. Самобытность автора видна и въ выборѣ предметовъ, и въ характеристическомъ ихъ изображеніи, по которому узнаешь народныя мѣстныя и временныя отличія изображаемаго; подражательность же въ способѣ представлять избранный предметъ въ тѣхъ приемахъ, которыми развивается главная мысль сочиненія. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ черпаетъ изъ классическихъ писателей, этого достоянія всѣхъ временъ и народовъ, большею частью видишь на взятомъ печать собственности, на общемъ русское, ему современное. Нельзя сказать, чтобы, пользуясь чужимъ добромъ, онъ всегда ловко примѣнялъ его къ добру благо-

пріобрѣтенному; иногда переложеніе иноземнаго на отечественное неудачно, иногда первое красуется послѣ второго безъ малѣйшаго измѣненія. Но скоро ли, и послѣ Кантемира, исчезла эта странная смѣсь древне-классическаго съ національнымъ? Стихотворцы, отдѣленные отъ насъ небольшимъ промежуткомъ времени, пестрили свои созданія ненужною вставкою латинскихъ и греческихъ предметовъ. Тѣмъ понятнѣе, тѣмъ извинительнѣе привычка Кантемира „все время провождать между греки и латины.

Два элемента Кантемировыхъ сатиръ: самобытный (по содержанію) и подражательный (по формѣ) чистосердечно указаны авторомъ въ предисловіи, гдѣ онъ говоритъ, что „въ сочиненіяхъ своихъ онъ наипаче Горацію и Буало французскую послѣдовалъ“, отъ которыхъ много занялъ, къ нашимъ обычаямъ присвоилъ, и въ четвертой сатирѣ, гдѣ къ Буало и Горацію присоединены еще Ювеналь и Персій. Я топчу ихъ слѣды, откровенно объявляетъ нашъ сатирикъ, не считая для себя обиднымъ усыновленіе классическою древностію. Наслѣдство ума и поэзіи ставитъ онъ выше генеалогій, всегда готовый воскликнуть, подобно Ювеналу: *stemmata quid faciunt?*..

Отъ содержанія, въ которомъ выразилось отношеніе сатирика къ современному обществу, и формы, въ которой выразилось его отношеніе къ литературнымъ произведеніямъ того же рода у другихъ народовъ, перейдемъ къ оцѣнкѣ поэтическаго достоинства Кантемира. Такъ какъ намъ извѣстны образцы, выбранные имъ для подражанія, то сужденіе о немъ, какъ о поэтѣ, всего ближе вывести изъ сравненія его съ этими образцами. Здѣсь представляются для опредѣленія два предмета: во-первыхъ, тонъ, проникающій Кантемировы сатиры, во-вторыхъ, эстетическое ихъ значеніе.

Буало нѣсколькими стихами седьмой сатиры рѣзко обозначилъ различіе между Гораціемъ и Ювеналомъ. Что дѣлалъ первый? — въ острыхъ словахъ испарялъ свою рѣчь (*exhalait en bons mots les vapeurs de sa bile*), тогда какъ второй лилъ

потоки желчи и горечи съ язвительнаго пера своего и гнѣвно караль римлянъ. Въ самомъ дѣлѣ, безобидный тонъ одного, невзыскательность требованій и снисходительная нравственная философія совершенно противоположна строгимъ приговорамъ, желчному негодованію второго: это несходящіяся крайности. Несовершенства людей не заставляютъ Горація выходить изъ себя: онъ только смѣется надъ ними. Горацій (такъ отзывается о немъ Персій), рисуя нравственное образованіе друзей, заставляетъ ихъ улыбаться; онъ издѣвается надъ людьми, не тревожа ихъ сердца, и остроумно смѣется въ глаза римскому народу. Это—сатирико-филантропъ. Изображая пошлости человѣческой жизни, оплакивая слабость ближнихъ, обвиняя себя самого за несостоятельность нравственную, онъ всегда представляетъ читателю нѣчто утѣшительное. Философія Горація всегда граціозна: ея заключительное слово — слово одобренія, сердечной веселости. Она не любитъ стойковъ, этихъ квакеровъ древности: она знаетъ, что передъ суровымъ судомъ безусловной нравственности нѣтъ оправданія, а ей хочется жить съ оправданными. Она держится середины вещей, той блаженной середины, которая отворачивается столько же отъ крайностей Эпикура, сколько и отъ крайностей Зенона. Такая философія — не философія теоретика, который приноситъ все въ жертву истинѣ, а философія практической жизни, понимающая различіе между тѣмъ, что быть должно, и тѣмъ, что есть, и не желающая погубить живую дѣятельность ради отвлеченной истины.

Не таковъ Ювеналь, получившій названіе „нравственнаго“. Негодованіе было его вдохновеніемъ. Стихи его—бичъ фурій или мечъ Немезиды. Онъ изобличаетъ злодѣевъ, избѣгнувшихъ законной кары. Онъ указываетъ на Кристина, чудовище болѣе отвратительное, чѣмъ самый порокъ. Онъ смѣется сардоническимъ смѣхомъ, исчисляя позорныя дѣйствія Неволія. Отъ него не скрывается ни безстыдство Мессалины, ни нравственная низость сенаторовъ, разсуждающихъ съ тираномъ о приготовленіи любимаго его блюда. Онъ до того рѣзокъ и от-

крыть въ своихъ обличеніяхъ, что Буало заподозрилъ его въ страсти къ гиперболамъ. Справедливѣе шелъ бы къ нему упрекъ въ однообразіи картинъ, всегда почти мрачныхъ, въ чувствѣ мизантропіи, которое набрасываетъ нѣкоторую тѣнь на чистоту его цѣли, на искренность добрыхъ пожеланій. Бичуя порокъ, онъ какъ бы не находилъ времени привѣтствовать улыбкой добродѣтель, воспѣть красоту невинности. Но онъ писалъ въ то время, когда не было ни невинности, ни добродѣтели, и не умѣлъ лгать. Сама исторія не въ силахъ сдержатъ мудраго безстрастія, когда дѣло идетъ о царствованіяхъ Нерона и Домиціана.

Всѣ обстоятельства соединились дружно, что бы изъ такого лица выработать такого сатирика. Онъ былъ характера стоическаго, готовый страдать, но не готовый умѣрять негодованіе добродѣтели. Криками гнѣва облегчалъ онъ свою душу, потрясенную общимъ развратомъ. Судьба отказала ему въ ранней смерти, и въ теченіи долгой своей жизни онъ видѣлъ постепенное возрастаніе общественной порчи. Древнія добродѣтели сдѣлались преданіемъ, и хотя риторы съ учениками своими толковали о вѣчномъ градѣ, но люди умные не вѣрили напыщеннымъ рѣчамъ ихъ, или смѣялись надъ ними. Вѣра угасла; остался одинъ внѣшній блескъ религіозныхъ обрядовъ и пошлость суевѣрія, этой болѣзни выродившихся народовъ. Были философскія секты, но не было практической философіи. Стоики отличались длинной бородой, нахмуренными бровями, дырявыми плащами и пустотою сердца. Чувствительность ослабляла тѣло и душу, и не дала предаться серіознымъ занятіямъ. Краснорѣчіе, лишнее важности, растлѣвалось въ презрѣнныхъ панегирикахъ или истощалось въ доводахъ *pro* и *contra*. Посреди такого-то нравственнаго упадка римлянъ жилъ Ювеналь. Принужденный съ юности хранить молчаніе при смутѣ общественныхъ безпорядковъ, онъ тѣмъ съ большимъ жаромъ выразился въ возрастѣ зрѣломъ: скопившееся въ душѣ его негодованіе вылилось, какъ сказалъ Буало, потоками желчи. Вотъ почему его шутки всегда невеселы; его

смѣхъ — смѣхъ человѣка, отвыкшаго смѣяться. Крайнему разливу нравственной порчи противопоставляетъ онъ единственное средство, крайнюю добродѣтель — добродѣтель чистую, безусловную, которая „тяжкимъ путемъ приводитъ къ безмятежной жизни“. Этотъ героизмъ нравственности выражался въ эпоху Ювенала или безмолвнымъ протестомъ благонамѣренныхъ людей, которые заключались въ своемъ молчаніи, какъ въ святилищѣ, и тамъ съ надеждою взирали на падшее божество, или примѣрною смертію во имя улучшенія общественныхъ нравовъ: умирая, они своею кровью совершали возліяніе Юпитеру.

Поэтическое достоинство Ювеналовыхъ сатиръ несомнѣнно. Онѣ отличаются силою выраженія, налиты неостывающимъ жаромъ, въ нихъ слышишь біеніе пылкаго сердца, то, что французы означаютъ словомъ *verve*, и что животворитъ всѣ части поэтическаго созданія. Чувствуешь, что оно, это созданіе, вылилось какъ бы заразъ изъ вдохновенной души, вышло во всеоружіи, подобно Минервѣ, что плодотворная мысль ни на одно мгновеніе не оставляла творца, который не успокоился до тѣхъ поръ, пока не освободился отъ нея мощнымъ усиліемъ неохлаждаемой работы. Не должно, впрочемъ, принимать въ буквальномъ смыслѣ слово „вдохновеніе“ и объяснять состояніе вдохновеннаго поэта мифологическимъ образомъ: подобное объясненіе хорошо, какъ поэтическій образъ, не больше. У Ювенала, какъ и всякаго сильно потрясеннаго поэта, были, конечно, промежутки между началомъ и концомъ труда, между зачатіемъ мысли и первымъ ея выраженіемъ; но онъ такъ искусно умѣлъ связать части каждой сатиры, написанныя, безъ сомнѣнія, въ разныя времена, что перерывъ незамѣтенъ, вдохновеніе вчерашняго дня не утрачиваетъ своей напряженности въ послѣдующій день, поэтическій восторгъ, не ослабляясь, проникаетъ всю пьесу и сообщаетъ ей то очарованіе, которымъ увлекается читатель. Въ сатирахъ Ювенала нѣтъ длиннотъ и отступленій; онъ не подготавливаетъ васъ вступительною рѣчью, иногда нужною

разсѣянному уму и подобною потрясенію колокола при первомъ ударѣ, или его дрожанію при ударѣ заключительномъ. Онъ прямо и быстро входитъ въ предметъ; мысль его, при самомъ началѣ, распускаетъ полные паруса; надобно слѣдовать за нимъ, спѣшить за нимъ, читать не останавливаясь. Вамъ некогда останавливаться на произведенномъ въ душѣ вашей впечатлѣніи, собраться съ духомъ, подумать о томъ, что вы прочитали: смѣйтесь какъ можно скорѣе, волнуйтесь, негодуйте на бѣгу, увлекайтесь потокомъ гнѣва или презрѣнія, не спрашивая, куда онъ васъ увлекаетъ. Эта безостановочная сила вдохновеннаго писателя, этотъ избытокъ поэтического жара, господствующій надъ читателями страстными, не нравятся тѣмъ читателямъ, которые любятъ покой и льготу, и которые не хотятъ измѣнить свой шагъ, чтобы слѣдовать за быстрымъ бѣгомъ сильно потрясеннаго чувства.

Совершенное отсутствіе поэтического пыла—великій недостатокъ. Если у Ювенала его слишкомъ много, то у Буало почти нѣтъ вовсе, и въ этомъ его главный недостатокъ. Каждая сатира его состоитъ изъ нѣсколькихъ параграфовъ, которые написаны съ приличнымъ жаромъ, но между которыми видишь пустыя пространства.

Вдохновенія у него достаетъ на стиль и фразы, но не достаетъ на цѣлость созданія. Видишь по мѣстамъ вспышки, не видишь огня, охватившаго общность. Искусство, работа не скрываются изъ виду, а такъ какъ искусство представляетъ меньше разнообразія, чѣмъ природа, то у Буало есть пять, шесть запасныхъ пріемовъ, которыми онъ поддерживаетъ движеніе пьесы. По его собственному сознанію, онъ могъ оставлять на полдорогѣ начатую фразу, совершить прогулку между стихами, заняться чѣмъ-нибудь въ промежуткѣ двухъ римъ, и если потребное слово не являлось на призывъ, идти за нимъ *au coin d'un bois* и приносить его побѣдоносно домой. Буало—образецъ поэта, который обзавелся извѣстными способами своего искусства, который призываетъ и отпускаетъ свою музу, когда ему заблагоразсудится. Посмотрите его сатиры: въ

нихъ вы не увидите поэтической связи частей: переходы отъ однихъ частей къ другимъ тяжелы, отзываются догматическимъ тономъ и разрушаютъ очарованіе. Тонкій наблюдатель, точный и энергическій писатель, онъ мало былъ способенъ къ сильнымъ движеніямъ и долговременному вдохновенію; онъ любилъ небольшія картины, безсильный пополнять поэтическимъ содержаніемъ картины большія. Прежняя критика превознесла его до небесъ: Лагарпъ назвалъ его „законодателемъ Парнасса“, Шенье—„образцомъ въ четырехъ родахъ, законодателемъ во всѣхъ“. Наша критика свела его на землю; на основаніи современныхъ понятій объ искусствѣ, она составила о немъ слѣдующее сужденіе: Буало не былъ поэтомъ, разумѣя подъ этимъ словомъ человѣка, одареннаго сильнымъ воображеніемъ и глубокимъ чувствомъ: онъ былъ писатель здраво-мыслящій и остроумный, вѣжливый и вмѣстѣ язвительный, тонкій наблюдатель смѣшного, но мало плодovitый, пріятно-рѣзкій, умно-веселый, тщательно наблюдавшій истину вкуса и правильность языка, восходившій иногда отъ чувства литературной правды къ понятію нравственнаго долга. Онъ не могъ быть ни авторомъ одъ, ни авторомъ элегій, будучи не способенъ ни къ возвышеннымъ звукамъ, ни къ плачевнымъ тонамъ: ничто не пѣло въ его душѣ, ничто не плакало въ его сердцѣ. Но онъ имѣлъ въ высокой степени талантъ такъ называемой поэзіи дидактической, черпающей свое вдохновеніе изъ разсудка, если можно такъ выразиться; сила сатиръ его не въ пылу негодованія, а въ ѣдкости дурнаго расположенія духа.

Обратимся къ нашему сатирику. Подражая Горацію, Ювеналу, Буало, онъ заимствуетъ у нихъ, какъ замѣчено выше, не содержаніе, которое не можетъ оставаться однимъ и тѣмъ же на разстояніи многихъ вѣковъ, а планъ и поэтическіе приемы, не сущность мыслей, а матеріаль слуга. Это—чуждая канва, на которой онъ выводилъ свои узоры; въ готовые формы вставлялъ онъ изображенія современной жизни, наполнялъ ихъ подробностями собственнаго изобрѣтенія. Пи-

салъ онъ по влеченію чувства, по наклонности внутренней; слѣдовательно, можетъ назваться истиннымъ творцемъ своихъ произведеній, не смотря на всѣ заимствованія у иноземныхъ образцовъ. Кто обрабатывалъ старый предметъ по своему воззрѣнію, тотъ, конечно, не изъять изъ числа оригинальныхъ писателей. Взять готовыя идеи не для того, что бы слѣдовать имъ рабски, но чтобы преобразовать ихъ, усвоить себѣ анализомъ или развитіемъ, подражать другимъ потому единственно, что чувствуешь влеченіе къ тому же разряду мыслей, чрезъ которыя нѣкогда прошли другіе, и что благотворная природа, на извѣстномъ разстояніи временъ, создаетъ съ одинаковымъ вкусомъ стремящихся къ разработкѣ однѣхъ и тѣхъ же нравственныхъ истинъ, не значитъ ли это быть въ нѣкоторомъ отношеніи писателемъ самостоятельнымъ, хотя начало труда въ той же сферѣ принадлежитъ не намъ. Подражая, мы, такъ сказать, видимъ себя въ прежнихъ авторахъ, изъ которыхъ беремъ то, что идетъ къ нашему дѣлу. Подобныхъ подражателей можно назвать двойными экземплярами одного и того же рода; природа любитъ иногда воспроизводить себя. Притомъ же Кантемиръ скромно сознается въ подражаніи, и исповѣдованное заимствование не есть похищеніе.

Какое же мѣсто занималъ Кантемиръ между тѣми, которымъ онъ подражалъ? Чувство справедливости, не одной только скромности, заставило самого автора поставить себя ниже избранныхъ имъ образцовъ. Сказавъ, что сатиры его—топтаніе слѣдовъ Ювенала, Горація, Буало, онъ продолжаетъ:

Истая Зевсова дочь перо ихъ водила.
Тебя чуть ли не съ другимъ кѣмъ память родила.
Въ нихъ шутки вмѣстѣ съ умомъ цвѣтутъ превосходнымъ,
И слова гладко текутъ, какъ рѣка природнымъ
Токомъ, и что въ рѣчахъ кто зритъ себѣ досадно,
Но въ досаду себѣ мнитъ, что складно.
А въ тебѣ что таково?

Мы уже видѣли при сравненіи нѣкоторыхъ мѣстъ Кантемира съ образцами, что его подражанія въ поэтическомъ отношеніи всегда ниже оригинальнаго. Сжатое и сильное становится у него растянутымъ и ослабленнымъ, нѣжное теряетъ свою нѣжность, граціозные образы переходятъ въ неизящный видъ. Ясное доказательство, что онъ не былъ поэтъ. Онъ не былъ надѣленъ отъ природы даромъ творчества, художественнымъ талантомъ. Но онъ былъ человѣкъ умный и благородный, а всѣ качества, отличающія смыслъ и нравственное достоинство, отразились въ его стихотвореніяхъ, которыя хотя и не поэзія, но съ другой стороны, выше, т. е. полезнѣе поэзіи. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, изъ которыхъ будетъ видно, что Кантемиръ отступалъ отъ образцовъ не въ свою пользу.

Въ первой сатирѣ второй книги Горацій говоритъ: „Суждена ли мнѣ спокойная старость, или смерть уже покрываетъ меня своими мрачными крыльями, богатый или бѣдный, въ Римѣ или ссылкѣ, какого бы цвѣта ни была нить моей жизни—я долженъ писать“. Сокращенный переводъ Кантемира, обнаженный отъ поэтическихъ образовъ, сжался въ два прозаическіе стиха:

Какой бы мой ни былъ рокъ, смѣлою рукою
Злой нравъ станемъ мы пятнать вездѣ неотступно.

Иногда, наоборотъ, у Кантемира является образъ, котораго нѣтъ въ оригиналѣ, но этотъ образъ не изященъ: такъ два ловкіе правильно построенные стиха седьмой сатиры Буало:

Et tel mot, pour avoir rejoui le lecteur,
A coûté bien souvent des larmes à l'auteur,

перешли въ слѣдующіе, довольно грубые:

И стихи, что чтецамъ смѣхъ на губы сажаютъ,
Часто слезъ издателю причиной бываютъ.

Стихи 663—674 пятой сатиры выражаютъ самымъ простымъ и сокращеннымъ образомъ граціозно выраженные мысли

французскаго сатирика, который говоритъ о владычествѣ страстей надъ человѣкомъ и о непостоянствѣ его желаній. Представляемъ въ параллели оба мѣста:

Несчетныхъ страстей рабы отъ дѣтства до гроба
Гордость, зависть мучить, лакомство и злоба,
Съ самолюбіемъ вещей тщетныхъ гнуса воля;
Къ свободѣ охотники, впила въ васъ неволя.
Такъ какъ легкое перо, коимъ вѣтръ играетъ,
Летуча и различна мысль ваша бываетъ.
То богатства ищите, то деньги мѣшаютъ,
То грустно быть одному, то люди скучаютъ,
Не знаете сами, что хотѣть; теперь тое
Хвалите, потомъ сіе, съ мѣста на другое
Перебѣгая мѣсто, и, что паче дивно,
Вдругъ одно желаніе другому противно.

....L'homme, sans arrêt dans la course insensée,
Voltige incessamment de pensée en pensée.
Son coeur, toujours flottant entre mille embarras,
Ne sait ni ce qu'il veut ni ce qu'il ne veut pas.

.....
Voilà l'homme en effet: il va du blanc au noir:
Il condamne au matin ses sentimens du soir:
Importun à tout autre, à soi même incommode,
Il change à tous moments d'esprit comme de mode;
Il tourne au moindre vent, il tombe au moindre choc,
Au jourd'hui dans un casque, et demain dans un froc.

.....
L'homme seul, qu'elle (la raison) éclaire, en plein jour ne voit goutte,

Réglé par ses avis, fait tout à contre temps,
Et dans tout ce qu'il fait, n'a ni raison, ni sens.
Tout lui plait et déplaît, tout le choque et l'oblige;
Sans raison il est gai, sans raison il s'afflige,
Son esprit au hasard aime, évite, poursuit,
Défait, réfait, augmente, ôte, élève, détruit.

Сличите также Кантемирово разсужденіе о важности воспитанія (ст. 243—253) съ Ювеналовскимъ разсужденіемъ о томъ же предметѣ, которое помѣщено въ примѣчаніи.

Выпишемъ изъ того и изъ другого сравненія, взятыя для доказательствъ, что примѣръ сильнѣе всякаго наставленія (См. Кант. 152—159). У Ювенала „Аистъ кормитъ птенцовъ своихъ змѣями и ящерицами, собранными вдали отъ горныхъ дорогъ: лишь только птицы оперятся, онѣ будутъ искать тѣхъ же пресмыкающихся. Коршунъ приносить своимъ куски, вырванные изъ падали лошадиной и собачьей, или изъ труповъ, повѣшенныхъ на висѣлицѣ: пусть подрастетъ кровожадное племя, пусть советъ себѣ гнѣзда на деревѣ— оно съ такою же жадностію станетъ кидаться на ту же пищу. Но орелъ Юпитера, но благороднѣйшія птицы устремляются въ лѣсахъ за козами и зайцами и кладутъ эту добычу въ свои гнѣзда: когда орленокъ придетъ въ силу, то при первомъ чувствѣ голода, низринется на добычу, кровь которой сосалъ онъ при выходѣ изъ яйца“.

Однимъ словомъ, переводы или подражанія Кантемира всегда уступаютъ въ эстетическомъ достоинствѣ тѣмъ мѣстамъ, которыя онъ переводилъ, или которымъ онъ подражалъ. Выписанныхъ примѣровъ достаточно для оправданія нашей мысли. Сатирикъ нашъ не имѣетъ вовсе того желчнаго негодованія и сильной страсти, которыя дышатъ въ стихахъ Ювенала: его одушевленіе тихо и ровно. Онъ не грозно обличаетъ недостатки современнаго общества, а вѣрно и правдиво указываетъ на нихъ съ насмѣшкой. Не похожъ онъ, однакожъ, на Буало, котораго иронія и смѣхъ язвительны, несмотря на всю ихъ внѣшнюю полировку, и тонкое остроуміе является въ изрядной отдѣлкѣ: Кантемиръ какъ бы считаетъ за лишнее золотить пилюли, подслащивать горечь. Ближе онъ по тону и образу мыслей къ Горацію, котораго любилъ особенно, вѣроятно, вслѣдствіе сознаваемого сходства между имъ и собою. Но грація выраженія, но поэтическій колоритъ стиховъ, но тщательность внѣшней отдѣлки, отличающія латинскаго поэта—все это исчезло у его подражателя. Особенности свойства Кантемира заключаются въ томъ, что онъ прямо выражаетъ то, что хочетъ сказать,

не думая о литературныхъ прикрасахъ, о тонкости насмѣшки, о прикрытіи ироніи. Выходки его противъ недостойныхъ и забавныхъ людей столько же ясны, сколько грубы, и обличеніе говорится не въ бровь, а прямо въ глазъ. Главный характеръ его сатиръ—злость правды, жало истины. О томъ, какъ выражена истина, Кантемиръ мало заботился или вовсе не думалъ.

Версификація въ сатирахъ Кантемира силлабическая. Стихи тринадцатисложные съ цезурою послѣ семи слоговъ и съ женскою риемою. Пресѣченіе на одномъ и томъ же мѣстѣ, неизмѣнное удареніе на предпослѣднемъ слогѣ сообщаютъ силлабическимъ стихамъ удивительную монотонность. Отъ послѣдняго правила происходитъ сверхъ того своевольная перестановка ударенія, насилующая звуки слова. Жаль, что Кантемиръ слѣдовалъ бывшимъ до него стихотворцамъ или польской версификаціи, въ которой удареніе на предпослѣднемъ слогѣ—необходимое свойство языка, тогда какъ нашъ языкъ совершенно противоположнаго свойства. Разнообразныя ударенія и болѣе свободная цезура сообщили бы силлабическому стиху извѣстную степень музыкальности, которой онъ не имѣетъ при отсутствіи этихъ двухъ условій. Встрѣчаются у Кантемира стихи тяжелые и темные, что зависитъ отъ неестественной разстановки словъ, или отъ неточнаго ихъ употребленія: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ примѣчанія сочли даже обязанностью объяснить то, что дѣйствительно можетъ показаться неяснымъ. Есть нѣсколько полонизмовъ; напримѣръ: до воли (довольно), образа (досада, оскорбленіе), съ бодемъ (вм. съ болью), власно (точно), чрезъ годъ (вм. на цѣлый годъ).

II.

Относительныя свойства Кантемира объясняются его характеромъ, его понятіемъ о сатирѣ и его воззрѣніемъ на нравственность.

Кантемиръ былъ человѣкъ благородный и справедливый, но вмѣстѣ кроткій и меланхолическаго темперамента. Люди такого свойства не способны къ грозному негодованію, они вооружаются противъ враговъ правды и науки насмѣшкой, ироніей, дидактизмомъ. Осторожный, что доказываетъ его дипломатическая дѣятельность, застѣнчивый, какъ онъ самъ объявляетъ въ своихъ сатирахъ, любитель уединенія и наукъ, Кантемиръ дорожилъ своимъ внутреннимъ сокровищемъ, т. е. стремленіемъ къ нравственному достоинству, учеными занятіями, сознаніемъ важности просвѣщенія и благодѣтельныхъ слѣдствій Петровой реформы, но въ то же время думалъ, что враги просвѣщенія и человѣческаго достоинства „боятся больше посмѣянія“, нежели гнѣва, карающей сатиры, грознаго обличенія. По его понятію, цѣль сатиры—исправлять человѣческіе нравы; но какимъ образомъ она достигаетъ этой цѣли? „Забавнымъ слогомъ осмѣивая злонравіе“. Въ намѣреніи своемъ она „сходна съ нравоучительными сочиненіями, но отличается отъ нихъ тѣмъ, что слогъ ея простой и веселый. Достоинство такихъ „забавныхъ“ сатиръ основывается, конечно, на силѣ остроумія: Кантемиръ имѣлъ его, но не граціозное, какъ у Горація, и не язвительно тонкое, какъ у Буало. Главный характеръ его насмѣшливости, какъ мы выше сказали, состоялъ въ чистосердечіи и внятности, въ смѣлой и откровенной хулѣ. Всякое злонравіе непріятно тебѣ, говоритъ авторъ, обращаясь къ сатирѣ:

Смѣло хулишь, да къ тому же и говоришь внятно,
и въ другомъ мѣстѣ:

....Сатира, что чистосердечно
Писана, колетъ глаза многимъ всеконечно.

Взглядъ автора на сатиру выраженъ имъ въ четвертой сатирѣ (къ музѣ своей). Горацій называетъ свою сатирическую дѣятельность инстинктомъ (первая сатира второй книги); Кантемиръ также объявляетъ, что ему „сродно“ писать са-

тиру, а въ другомъ родѣ онъ неудачливъ. Такъ какъ трудно итти противъ природы, которая влетитъ въ окно, если выгонишь ее въ дверь, то напрасно думалъ нашъ сатирикъ сломить нравъ своей музы: она упорно отказывалась соплетать похвальные стихи недостойнымъ, стихи ложной хвалы, заклеянные отъ Кантемира именемъ „гадкихъ“. Умъ автора становится тогда лѣнивымъ, слова вязли въ зубахъ— не забавныя, не сильныя, не красивыя, не новыя; но какъ только усматривалъ онъ вредное въ нравахъ, муза его оказывалась гораздо умнѣе, стихъ ложился свободнѣе (145—9).

Осторожность и разборчивость управляла, однакожъ, его инстинктомъ: хуля злые нравы, онъ боялся открыть злонравнаго слишкомъ ясными примѣтами. Писать сатирическіе стихи, по его мнѣнію, то же, что отворять кровь: надобно выпустить ее въ мѣру. И потому, плача въ сердцѣ о дурныхъ людяхъ и смѣясь надъ ними въ стихахъ, онъ не выставялъ ихъ именъ (35 стихъ 4-й сатиры). Такая осторожность не помѣшала, впрочемъ, узнать нѣкоторыхъ, даже историческія лица, въ забавныхъ очеркахъ сатирика, а современникамъ вооружаться противъ его сочиненій. Чистосердечная сатира колола многимъ глаза: одинъ жаловался, что авторъ, выставя пьяницъ (въ 1 и 3 сатирахъ), умалялъ кружальные доходы; другой уличалъ его въ безбожіи, и доносомъ въ три тетради доказывалъ,

Что нечистый въ тебѣ духъ бороду злословить,
Что законоломное и невѣрныхъ дѣло
Полосатой мантию ризой звать смѣло;

третій вооружается противъ улики во взяткахъ. Однимъ словомъ, восклицаетъ авторъ, лучше вѣкъ не писать, нежели писать сатиру, которая навлекаетъ на меня ненависть всѣхъ людей. Многіе стихи сатиръ, особенно четвертой, означаютъ вліяніе, произведенное его литературною дѣятельностью.

Для опредѣленія характера и нравственныхъ понятій автора, надобно обратиться къ шестой и седьмой сатирамъ.

Первая, написанная въ 1738 году, развиваетъ мысль, что „лишь тотъ можетъ назваться счастливымъ, кто доволенъ малымъ, живетъ въ уединеніи и слѣдуетъ добродѣтели! Цѣль второй (1739)—осмѣять безстыдныхъ нахаловъ и познакомиться съ своимъ собственнымъ характеромъ, противоположнымъ нахальству.

Шестая сатира начинается подражаніемъ шестой же сатирѣ (второй книги) Горація. Это начало очень важно, какъ *profession de foi* нашего сатирика.

Лучшее украшеніе наше, говоритъ авторъ, есть добродѣтель; послѣ нея всего драгоцѣннѣе тишина ума. Съ младенчества мы привыкли бояться нищеты или презрѣнія толпы: отъ этого ударяемся мы въ другую крайность—въ стяжаніе богатствъ, въ исканіе почестей, тогда какъ во всѣхъ вещахъ должно знать прямую мѣру. У всякаго дѣла есть свой предѣлъ: кто перейдетъ, или кто не дойдетъ — равно глупы. (ст. 145—149).

Къ такой славѣ ведутъ немногія средства: живи тихо, стремясь къ тому, что честно, что полезно и тебѣ и другимъ, ведя къ исправленію нравовъ. Награда добра заключается въ самомъ добрѣ (добрымъ быть собою мзда есть уже не мала).

Въ восьмой сатирѣ авторъ объявляетъ, что природа или отеческій совѣтъ заставили его съ дѣтства быть стыдливымъ, боязливымъ, недовольнымъ собой, что притомъ здравый смыслъ обѣщаль ему и труды и бѣдствія, если бъ онъ оставилъ стыдъ: съ тѣхъ поръ онъ слѣдовалъ внушенному ему направленію. Онъ всегда вѣрилъ, что стыдливость возвышаетъ красоту и есть неоспорный признакъ истинной доброты; что проворный, но необузданный языкъ долженъ спотыкаться, что смѣлость тогда только похвальна, когда мы противимся своей злобной волѣ, когда разимъ враговъ въ полѣ, когда обличаемъ гнусную ложь клеветниковъ, или защищаемъ слабую невинность. Но теперь опытъ жизни показалъ, какъ вредны ему стыдливость и несмѣлость, вредны не въ одномъ стихотворномъ дѣлѣ.

Большая часть людей судятъ о разумѣ по числу силъ, и оттого часто слыша такія рѣчи: „Аристъ (такъ называетъ себя авторъ) честенъ, тихъ, учтивъ, и другъ не лестный; но отъ него не добьешься слова“—значить въ немъ нѣтъ ума. Въ старину добродѣтель держалась середины между двухъ крайностей. Въ наше время эта золотая середина отмѣнена. Кто, имѣя умѣренный доходъ, не старался правдой и неправдой накопить несчетныя богатства, тотъ лѣнivecъ; кто говоритъ, когда надобно говорить, въ мѣру и разсудительно, тотъ угрюмъ, скученъ; кто въ дѣлахъ своихъ руководствуется здравымъ смысломъ, тотъ малодушенъ.

Сведемъ всѣ мысли автора къ главнымъ существеннымъ положеніямъ его философіи. Истинная мудрость человѣка заключается въ прямой, т. е. настоящей мѣрѣ вещей, а эта прямая мѣра есть не что иное, какъ середина между крайностями—блаженная золотая середина, безъ которой нѣтъ счастья человѣку, и которую Горацій выбралъ идеаломъ своихъ желаній. Стремленіемъ къ срединѣ объясняется нелюбовь Кантемира къ крайностямъ. У него нѣтъ положительныхъ, безусловныхъ требованій суровой добродѣтели, такихъ требованій, при которыхъ становятся смѣшны всѣ полудобродѣтельные поступки, у него нѣтъ и ожесточенія противъ безнравственности—такого ожесточенія, при которомъ нельзя заключить ни на какихъ условіяхъ мировой сдѣлки съ порокомъ. Философія Кантемира стыдлива и не смѣла, какъ его характеръ: она проповѣдуетъ добро, боясь, поражаетъ порокъ, краснѣя. Это не мораль во всей ея неприкосновенности: это полумораль, близкая къ равнодушію, индеферентизму. Въ однихъ мѣстахъ она страшится перейти, въ другихъ не дойти, отчего и происходитъ ее двусмысленность, ея сомнительное колеблющееся положеніе, подобное положенію того человѣка, который хочетъ пройти по острію, не падая ни направо, ни налево. Нужно ли нашему сатирику оцѣнить искусство Клита, лукаваго куртизана—онъ соглашается, что лучшую дорогу избралъ тотъ, кто всегда говоритъ правду;

однакожъ не виновать и тотъ, кто умалчиваетъ правду, если не посмѣетъ утаить правду ложью: блаженъ, кто умѣетъ держаться этой середины! (сатир. 2). Какой же? между лучшей дорогой и дорогой не лучшей! Выборъ здѣсь, кажется, не затруднителенъ. Изъ двухъ золъ выбираютъ меньшее, изъ двухъ благъ выбираютъ большее. Нравственная философія нашего сатирика или невѣрна, или слишкомъ снисходительна.

— Изобразивъ низость Хирона въ годину бѣдствія, пятая сатира заключаетъ свое изображеніе такимъ выводомъ: слабой душѣ трудно держать середину: въ свѣтлый день она черезчуръ гордится, а въ черные дни черезчуръ подла. Отсюда слѣдуетъ, что душѣ сильной, человѣку великодушному, надобно не слишкомъ гордиться въ счастіи и не слишкомъ быть подлымъ въ несчастіи. Такая мораль, которую всего приличнѣе назвать срединною, не исключаетъ, стало быть, ни извѣстной степени гордости, ни извѣстной степени подлости. Ужели она думаетъ, что только крупная безнравственность есть безнравственность, а мелкія доли ея переходятъ въ нравственность? Малѣйшая частица мышьяка—все мышьякъ, а не сахаръ! Этого мало: Кантемиръ до того снисходителенъ, что позволяетъ быть злымъ, если нельзя быть добрымъ.

Затѣмъ, что всемогущимъ словомъ нельзя прикрыть какую угодно мерзость, по пословицѣ: на нѣтъ и суда нѣтъ. Подобные нравственные совѣты можно назвать уступками той или другой крайности и потому они выражаются почти всегда уступительными періодами. Грамматическая ихъ форма: „хотя, однако“, что иногда равносильно: „такъ, да не такъ“.

Горацій, „восторгомъ грудь питая“, не то же ли говорилъ, не того же ли желалъ? „Въ нравственности онъ бралъ не свысока“. Вся его философія сжимается въ двѣ или три идеи, въ два или три желанія. Покой, пріятная умѣренность, беззаботность о будущемъ днѣ—вотъ что ему нужно. Конечно, эта пріятная или золотая умѣренность обходится довольно дорого: она требуетъ, чтобы Тибуръ оставался неприкосно-

венною собственностію хозяина, чтобы онъ имѣлъ малую толику фалернскаго, чтобы, при беззаботности о будущемъ днѣ, было безтревожное наслажденіе днемъ настоящимъ. Во всемъ же прочемъ, и въ религіи, и въ политикѣ, Горацій хранитъ, какъ сокровище, свое равнодушіе, которое выражается имъ откровенно. Такой философъ, какъ Горацій, конечно, не будетъ преслѣдовать общественные недостатки: онъ только посмѣется надъ ними. Тонъ его сатиръ выйдетъ ровный, какъ у Кантемира. Вотъ почему такъ ясно сходство между ними.

Небольшое число идей Горація и выражается небольшимъ числомъ поэтическихъ образовъ: онъ поэтъ. Сила его не въ глубинѣ чувства и могуществѣ фантазіи, а въ духѣ творчества, въ красотѣ внѣшней формы, въ выраженіи. Грація, чистота языка, свѣтлость, прозрачность стиля—вотъ чѣмъ онъ прельщаетъ, и вотъ чего нѣтъ у нашего сатирика.

СОДЕРЖАНІЕ.

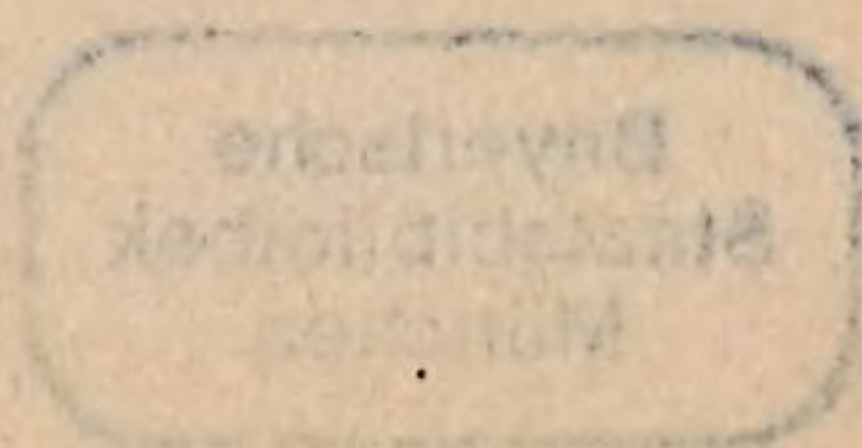
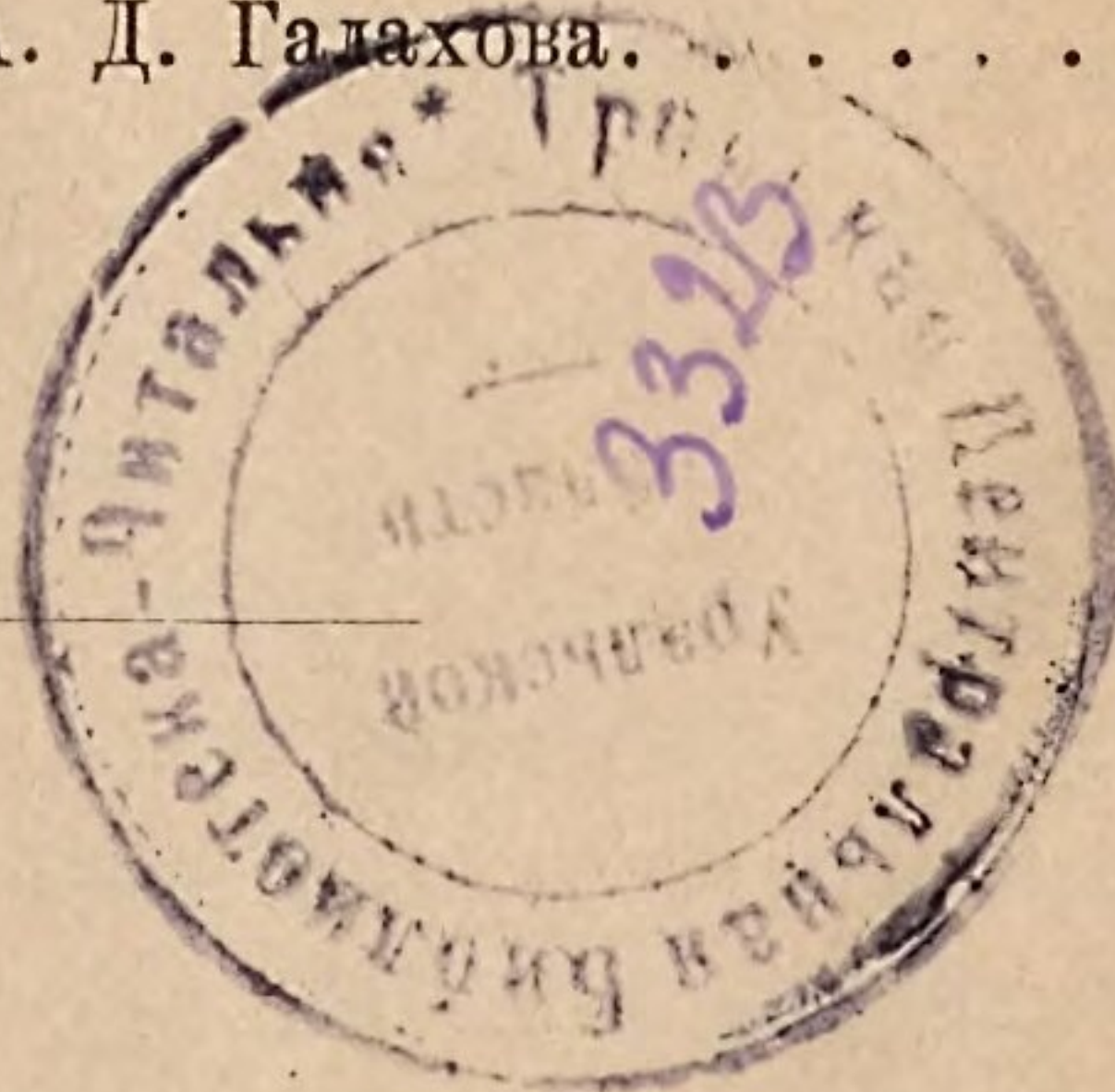
	СТР.
Предисловіе.	I

ИЗБРАННЫЯ САТИРЫ.

Письмо стихотворца къ пріятелю	1
Посвященіе Елисаветѣ первой, Августѣйшей Императрицѣ .	2
Примѣчанія	3
Предисловіе автора къ сатирамъ	6
Сатира I, Къ уму своему	7
Примѣчанія	15
Оеофанъ къ сочинителю сатиръ.	16
Оеофанъ Кроликъ къ сочинителю сатиръ	17
Сатира II, Филаретъ и Евгеній.	25
Примѣчанія	38
Сатира IX, На состояніе всего свѣта, къ солнцу.	53
Примѣчанія	59

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

О сатирахъ Кантемира, ст. А. Д. Галахова.	63
---	----

Leaf 150

49681/c

Kantemir, Antioch Dmitrievič,

Izbrannyja satiry satiry I, II i IX, s priměčaniami ; objasnitel'nye stat'i

S.-Peterburg 1892

H.lit.p. 612 v-12

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11618785-2